

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 3 (184) март 2026

В НОМЕРЕ:

Танимов О. В.

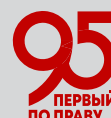
Юридические фикции
как средство обеспечения прогресса в праве

Турова А. В.

Правовое регулирование наличных расчетов
по внешнеторговым контрактам
в современных условиях

Сушина Т. Е.

О роли и правовых возможностях суда в обеспечении
законности принятия решений по результатам
рассмотрения сообщения о преступлении

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИНИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор департамента уголовного права, процесса и криминалистики Высшей школы экономики.
Почтовый адрес: Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Россия, 101000.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия “Яблоко”».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашиповская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.
Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.
Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, временно исполняющий обязанности проректора по научной работе Государственного университета по землеустройству.
Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации.
Почтовый адрес: 2-я Звенигородская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 123022.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).
Почтовый адрес: Азовская ул., д. 2, корп. 1, г. Москва, Россия, 117638.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).
Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620066.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева.
Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.
Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.
Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).
Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.
Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msai.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 30.03.2026
Объем 21,04 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенко

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

В. А. Целищева

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Sector for Environmental Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenska, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Forensics of the National Research University Higher School of Economics (HSE).
Mailing address: Myasnitskaya ul., d. 20, Moscow, Russia, 101000.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Acting Vice-Rector for Research of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.
Mailing address: 2nd Zvenigorodskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 123022.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Research Fellow of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
Mailing address: Azovskaya ul., d. 2, b. 1, Moscow, Russia, 117638.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Professor of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V.F. Yakovlev.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Ekaterinburg, Russia, 620066.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. FS77-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

30.03.2026
Volume: 21.04 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

V. A. Tselishcheva

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Данилов И. Б.** Формирование основ советского федерализма
в деятельности Комиссии по выработке Конституции РСФСР в 1918 г. 11

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Танимов О. В.** Юридические фикции как средство обеспечения прогресса в праве 21

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Скобелкин Н. О.** Опыт кодификации
административного законодательства в Российской империи 32

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Турова А. В.** Правовое регулирование наличных расчетов
по внешнеторговым контрактам в современных условиях 44

- Яковлев Д. И.** Федеральные стратегии, концепции и государственные программы
как эффективные инструменты реализации национальных целей развития РФ 51

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

- Никишина А. В.** Правовое регулирование участия несовершеннолетних
в создании медиаконтента: системные пробелы российского
законодательства и пути их преодоления. 58

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Мальбин Д. А.** Сделка по отчуждению чужой вещи как элемент юридического
состава возникновения права собственности у добросовестного приобретателя 69

- Бочкарев Д. В.** Признаки публичного договора и договора присоединения
в соглашениях, заключенных с использованием информационных технологий 83

- Швец Л. В.** Содержание субъективного права
на неприкосновенность персональных данных 93

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Куценко Е. И.** Обеспечение единообразия
судебной практики в дореволюционный период 108

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Истомин В. Г.** Принципы конкурентного права: положения научной
доктрины и дискуссионные аспекты формирования концепции 119

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Сушина Т. Е.** О роли и правовых возможностях суда в обеспечении законности
принятия решений по результатам рассмотрения сообщения о преступлении 131

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Палий В. В. Особенности и недостатки уголовно-правового механизма противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства 144

Берёза З. М. Перспективы применения примирительных процедур в уголовных делах о домашнем насилии 152

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Гуканов А. В. Роль прокурора в работе большого жюри в США: манипуляция правосудием 169

Contents

PAGES OF HISTORY

- Danilov I. B.** Shaping Soviet Federalism in the Work
of the Commission for the Drafting of the RSFSR Constitution in 1918 11

THEORY OF LAW

- Tanimov O. V.** Legal Fictions as a Mechanism
for Advancing Legal Development 21

PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATIVE PROCESS

- Skobelkin N. O.** The Experience of Codifying
Administrative Law in the Russian Empire 32

FINANCIAL LAW

- Turova A. V.** The Legal Regulation of Cash Settlements
under International Trade Contracts in the Contemporary Context 44

- Yakovlev D. I.** Federal Strategies, Policy Concepts, and State
Programs as Effective Instruments for the Implementation
of the National Development Goals of the Russian Federation 51

IT REGULATION

- Nikishina A. V.** Legal Regulation of Minors' Participation in Media Content
Creation: Systemic Gaps in Russian Law and Ways to Overcome Them 58

CIVIL AND FAMILY LAW

- Malbin D. A.** The Transaction for the Alienation
of Another's Property as an Element of the Legal Composition
Giving Rise to Ownership Rights in a Good-Faith Purchaser 69

- Bochkarev D. V.** Features of a Public Contract and an Adhesion
Contract in Agreements Concluded by means of Information Technologies 83

- Shvets L. V.** The Content of the Subjective Right to Personal Data Privacy 93

CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

- Kutsenko E. I.** Ensuring Uniformity
of Judicial Practice in the Pre-Revolutionary Period 108

BUSINESS AND CORPORATE LAW

- Istomin V. G.** Principles of Competition Law: Provisions
of Scientific Doctrine and Controversial Aspects of Concept Formation 119

CRIMINAL PROCEEDINGS

- Sushina T. E.** On the Role and Legal Powers
of the Court in Ensuring the Legality of Decisions Made Based
on the Results of the Consideration of a Report of a Crime 131

CRIMINAL LAW

- Paliy V. V.** Features and Shortcomings of the Criminal Law
Mechanism for Countering Activities Aimed at Encouraging Suicide 144

- Bereza Z. M.** Prospects for the Application
of Conciliation Procedures in Criminal Cases of Domestic Violence 152

FOREIGN EXPERIENCE

- Gukanov A. V.** The Role of the Prosecutor in the Work
of the Grand Jury in the United States: Manipulation of Justice 169

Формирование основ советского федерализма в деятельности Комиссии по выработке Конституции РСФСР в 1918 г.

Аннотация. Статья исследует формирование основ национально-территориального устройства советского государства в ходе деятельности Комиссии по выработке Конституции РСФСР в 1918 г. С использованием архивных материалов и доктринальных источников проанализированы все позиции, озвученные при обсуждении вопроса о государственно-территориальном устройстве, предложена их классификация. Исследованы проекты, обсуждавшиеся Комиссией, определена их идеологическая основа. Установлены причины концептуальных противоречий. Представлено объяснение причин, по которым проект И. В. Сталина был принят за основу модели федеративного устройства советского государства. Дана оценка альтернативных точек зрения, определяющих РСФСР в качестве унитарного государства или конфедерации, как не соответствующих реальному положению дел. Выявлены обстоятельства, в силу которых советская федерация обладала столь значительной спецификой и противоречивостью юридической конструкции.

Ключевые слова: федерация; федерализм; унитарное государство; конфедерация; национально-территориальное устройство; государственно-территориальное устройство; РСФСР; Конституция РСФСР; Комиссия по выработке Конституции РСФСР; Сталин; Рейснер

Для цитирования: Данилов И. Б. Формирование основ советского федерализма в деятельности Комиссии по выработке Конституции РСФСР в 1918 г. // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 11–20. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.011-020

Shaping Soviet Federalism in the Work of the Commission for the Drafting of the RSFSR Constitution in 1918

Igor B. Danilov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence,
Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation
0615222@mail.ru

Abstract. The paper examines the formation of the foundational principles of the Soviet State's national and territorial structure during the proceedings of the Commission for the Drafting of the RSFSR Constitution in 1918. Drawing on archival materials and doctrinal sources, the author analyzes all positions voiced in debates over state-territorial organization and proposes a classification of those positions. The paper elucidates drafts considered by the Commission and identifies their ideological underpinnings. The study describes the causes of the conceptual

© Данилов И. Б., 2026

* Данилов Игорь Борисович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции Сибирского государственного университета геосистем и технологий
Плахотного ул., д. 10, г. Новосибирск, Российская Федерация, 630108
0615222@mail.ru

contradictions and explains why I. V. Stalin's draft was adopted as the basis for the federal structure of the Soviet State. The author assesses alternative views that construed the RSFSR as a unitary state or as a confederation and draws conclusions on their inconsistency with the actual state of affairs. Finally, the reasons are identified for the Soviet federation's pronounced distinctiveness and the internal contradictions of its legal structure.

Keywords: federation; federalism; unitary state; confederation; national and territorial structure; state-territorial structure; RSFSR; Constitution of the RSFSR; Commission on the development of the Constitution of the RSFSR; Stalin; Reisner

Cite as: Danilov IB. Shaping Soviet Federalism in the Work of the Commission for the Drafting of the RSFSR Constitution in 1918. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):11-20. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.011-020

У становление советского государства в 1917 г. было связано с радикальными преобразованиями в его государственно-территориальном устройстве. Отход от унитарной модели империи и провозглашение федерации с необычайно широкими правами субъектов, входящих в ее состав, требовали разработки надлежащих юридических решений. Идеологическая установка на формирование государства, основанного на принципе свободы народов и наций, включая их права на самоопределение и отделение, должна была найти свое юридическое закрепление. Именно Конституции РСФСР 1918 г. предстояло стать тем документом, в котором регламентированы главные вопросы национально-территориального устройства молодого государства, а также установлены общие контуры взаимоотношений центральной власти с республиками. Результатом длительной и интенсивной работы по подготовке этого документа стало учреждение государства особой формы — советской федерации. Его специфика была настолько выражена, что ряд ученых, представляющих как советскую, так и современную юридическую науку, вовсе отказываются рассматривать его в качестве федеративного, называя унитарным или даже конфедерацией. Для выявления причин такого своеобразия необходимо исследовать процесс становления идеологических основ советской федерации, а также формирования первой советской Конституции.

В основе идеологии федеративного строительства в РСФСР имелось глубинное противоречие, заложенное Лениным в 1917 г. Его идеи о федерализме отражали особое направление в поиске формы справедливого и прочного союза народов России. Им предлагалась совершенно новая форма государства — советская республика. По форме государственного устройства она представляла собой симметричную национально-территориальную федерацию, учрежденную на договорной основе. Несмотря на последующее развитие государства в федеративной форме, в науке доминирует точка зрения, согласно которой Ленин, принимая идею федерации как эффективный инструмент победы в политической борьбе, видел в ней лишь временную уступку обстоятельствам и был склонен наделять ее очевидно переходным характером. Будущее советское государство виделось ему единым и унитарным, основанным на новой исторической общности — советском народе¹. Очень точно позицию большевиков по этому вопросу определил член Комиссии по выработке Конституции РСФСР левый эсер А. А. Шнейдер в ходе заседания Комиссии 10 апреля 1918 г.: «Вы очень желаете создать единое централизованное государство без всякого деления, но только потому, что на пути встречаются непреодолимые требования национальностей, вы должны спасаться — уступать»².

Аналогичной в целом позиции придерживался и И. В. Сталин. В процессе работы над проектом Конституции он отмечал ее временный

¹ Чистяков О. И. Проблемы организации государственного единства в истории дореволюционной России // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2006. № 4. С. 1–36.

² Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10.04.1918 с приложением «Доклада члена комиссии М. А. Рейснера об основных началах Конституции Р. Ф. С. С. Республики» и

характер: «...наш план конституции может быть рассчитан только на переходный момент от буржуазного строя к социалистическому... наша конституция временная, на известный период, рассчитанная на короткий срок, а дальше идут перестройки»³. В ходе этих перестроек должны были быть отброшены временные решения, такие как федерация. По мнению известного советского и российского историка В. А. Сахарова, основной идеей Сталина было создание в будущем таких условий развития советских республик, которые бы в большей степени обеспечивали им возможность движения в сторону унитарного социалистического государства⁴. По этой причине в юридической науке даже говорят о существовании отдельных ленинской и сталинской моделей федерализма. Последняя основывалась на выраженном насаждении унитаризма⁵.

Следствием подобного идеологического противоречия в начале XX в. стало учреждение федерации, обладающей значительной спецификой. Некоторые исследователи, как отмечалось выше, отказываются считать установившуюся форму национально-территориального устройства федеративной. Например, А. Н. Медушевский указывает, что «номинальный советский федерализм по существу им не являлся: СССР с юридической точки зрения был не федерацией, а конфедерацией (так как допускал право сепарации национальных республик), с фактической — представлял собой унитарное государство, определявшееся иногда как империя»⁶. Несмотря на то что конституционно советское государство провозглашалось федерацией,

по своему реальному устройству и методам деятельности оно соответствовало унитарной модели. Таким образом, можно вести речь о тройственности сложившейся формы: провозглашенная федеративной, предусматривающая конфедеративные параметры взаимоотношения республик, по своей природе — унитарная.

В условиях существования такого противоречия особенно важно выявить истинную природу национально-территориального устройства российского государства. В науке часто констатируется, что де-факто советское государство в начале XX в. оставалось унитарным. Этот тезис позднее был официально провозглашен на Четвертой сессии Верховного Совета СССР в 1991 г., где утверждалось, что «по существу, по методам деятельности (неслучайно мы говорим об административно-командной системе) это было унитарное государство»⁷. Это обстоятельство не является странным, если учитывать инертность регионально-управленческих процессов, прочность связей между центром и территориями, традиции их политического взаимодействия. Вместе с тем очевидно, что победа в революционной борьбе требовала обращения к идеям национализма и прав народов для получения их поддержки. В такой ситуации справедливо вести речь об авансовом характере юридического провозглашения федерации. Дальнейшей задачей большевиков должно было стать формирование политического пространства, обеспечивающего условия для реального установления федеративных отношений. Провозглашенную в правовых актах федерацию еще нужно было фактически построить.

проекта положения «О Федеральных учреждениях Российской Республики» // ГАРФ. Ф. Р-6980. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.

³ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 12.04.1918 (машинописный экземпляр с рукописной правкой) и тезисы о типе федерации Российской республики // ГАРФ. Ф. Р-6980. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

⁴ Сахаров В. А. Союз Советских республик или Союз советских народов // Клио. 2012. № 6 (66). С. 127.

⁵ Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства / сост.: А. Б. Вебер, В. Т. Логинов, Г. С. Остроумов, А. С. Черняев; Горбачев-Фонд. М., 1995. С. 68, 88.

⁶ Медушевский А. Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 15.

⁷ Четвертая сессия ВС СССР. Ч. XIII. М., 1991. С. 170.

Рассуждая о допустимости отнесения советской модели политико-территориального устройства к конфедерациям, следует учитывать, что право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения было провозглашено в первых документах советской власти, служило идеологическим лозунгом, но не было юридически регламентировано. Полностью отсутствовал правовой механизм его реализации. Не были предусмотрены ни порядок отделения, ни республиканский орган, уполномоченный эту процедуру инициировать, ни союзный орган, принимающий подобное решение, и т.д. В действительности это право не было гарантировано, что порождает известные сомнения в его реальности. Отсутствовали и прецеденты его реализации. Поэтому высказываться о сколь-либо завершённом юридическом оформлении конфедеративных связей несостоятельно.

Невозможно говорить и о фактическом складывании конфедеративных отношений между самостоятельными государствами или государствовидными образованиями в пределах политического пространства бывшей Российской империи. Следует отметить, что для большинства народов на тот момент вообще не существовало реальной потребности в политической самостоятельности. Они не были исторически подготовлены к самоопределению и в реализации широких прав на автономию или независимость не нуждались.

У самой теоретической идеи конфедерации также не было потенциала развития, поскольку она создавала значительные и очевидные риски дезинтеграции государства. По этой причине политической поддержки подобные представления о будущем страны не имели и в общественной дискуссии отражения не находили.

В момент своего учреждения советское государство являлось федерацией. Особенности идеологии большевиков предопределили ее специфику и самобытный характер, породив многие споры о природе национально-государственного устройства. Несмотря на то что ряд

аспектов федеративных отношений нуждался в дальнейшей проработке и регламентации, в конце 1917 — начале 1918 г. были заложены основы федерализма, ставшие базой для дальнейшего развития национальных отношений в Российском государстве.

Следующий обособленный этап формирования идеологии федеративного строительства можно обнаружить в деятельности Комиссии по выработке Конституции РСФСР, персональный состав которой был утвержден 8 апреля 1918 г. пленумом ВЦИК IV созыва⁸. Вопрос о форме национально-территориального устройства государства вызвал особенно острые дискуссии среди ее членов. Актуальность этого вопроса, в числе прочего, была связана с революционной ситуацией, длящейся гражданской войной и необходимостью установления и упрочения советской власти на местах. На первом же заседании Комиссии 5 апреля 1918 г. ее активный участник, убежденный марксист М. Н. Покровский предложил определить очередность обсуждения вопросов. Прежде всего, по его мнению, надлежало поднять не терпящий отлагательств вопрос — «отношение центральной власти и областной»⁹. До принятия решения по нему продолжение работы Комиссии представлялось ему невозможным. Приоритет обсуждения вопроса федеративного устройства был поддержан и И. В. Сталиным.

Позднее, 12 апреля 1918 г., в ходе следующего заседания член Союза эсеров-максималистов А. И. Бердников, оценивая разгоревшуюся полемику, также обращает внимание на то, что она сосредоточена исключительно на вопросе о федерации. Он даже высказывает замечание о том, что этот вопрос не должен быть единственным обсуждаемым: «Я понимаю так, что мы по этому общему вопросу ограничимся только дебатированием вопроса о федеративном устройстве, но я думаю, что так поставить вопрос в Комиссии нельзя, потому что в Конституции должен будет заключаться целый ряд других и гораздо более серьезных вопро-

⁸ ГАРФ. Ф. Р-6980. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–3.

⁹ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 05.04.1918 с приложением проекта Конституции РСФСР, предложенного на заседании // ГАРФ. Ф. Р-6980. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

сов»¹⁰. Государственный и политический деятель Ю. М. Стеклов объясняет это следующим образом: «Конечно, мы начали говорить о вопросе федерации потому, что в других вопросах мы более или менее солидарны. Поэтому позвольте сейчас говорить, что вопрос о советской Конституции сводится к вопросу о федерации»¹¹. Сложно более наглядно подчеркнуть концептуальность и значимость разрабатываемого решения.

Принципиально все озвученные в ходе работы Комиссии позиции по вопросу национально-территориального устройства советского государства можно разделить на несколько групп.

Первую, наиболее радикальную позицию занял упомянутый выше А. И. Бердников. Он высказался против федерации в целом, указывая: «...не могу стать на точку зрения федеративного устройства советской республики. Я признаю единую, как выражаются — унитарную, республику»¹². Причиной этого он называл неприменимость федеративной модели власти к сущности советского государства, обусловленной его природой и происхождением. Он обращал внимание на то, что обособленной региональной власти как отдельной сущности в социалистическом государстве существовать не может. Высший орган власти — Всероссийский съезд Советов — формируется из делегатов от местных советов, которые все вместе действуют как части единой неделимой власти. Местные советы и вышестоящие органы власти являются членами единой трудовой семьи. Бердников отмечает: «Это совершенно другой способ происхождения власти, это совершенно не федеративный способ происхождения»¹³.

Единственным допустимым способом удовлетворения потребности регионов в самостоятельности, по его мнению, является автономия, которая абсолютно не соотносится с федерацией и прямо ее исключает¹⁴. Таким образом, им полностью отвергается идея федерации и констатируются неизбежность и естественность установления унитарной формы советского государства.

Концептуально против федеративной децентрализации выступал и другой участник Комиссии — М. И. Лацис. Его основная деятельность была сосредоточена в сфере борьбы с контрреволюцией, в конце мая 1918 г. он был назначен начальником отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией. Возможно, именно это обстоятельство объясняло его политическую позицию как сторонника единой неделимой власти с концентрацией ее исключительно в центре. Подобные воззрения были достаточно типичны для представителей ВЧК. Само создание отдельных региональных органов не находило у них поддержки, вследствие чего тормозилось даже учреждение местных органов ЧК¹⁵. Критикуя сам федеративный принцип, Лацис отмечал, что действительность его убедила склониться в сторону принципа юридической централизации¹⁶.

Принципиально иной подход был предложен М. А. Рейснером. Именно ему и И. В. Сталину по итогам первого заседания Комиссии было предложено подготовить доклады по вопросу федеративного устройства советской республики. Параллельная работа привела к появлению двух противоречащих друг другу проектов и породила особенно острые дискуссии в ходе последующих заседаний. Обе концепции осно-

¹⁰ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 12.04.1918. Л. 20.

¹¹ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 12.04.1918. Л. 21.

¹² Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 12.04.1918. Л. 29.

¹³ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 12.04.1918. Л. 31.

¹⁴ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 19.04.1918 с приложением проектов общих положений Конституции РСФСР товарища И. В. Сталина и других членов Комиссии // ГАРФ. Ф. Р-6980. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

¹⁵ Шаталов Е. А. Организационно-правовые основы деятельности чрезвычайных комиссий в Восточной Сибири (1920 — февраль 1922 г.) : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009. С. 29–30.

¹⁶ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 19.04.1918. Л. 35.

вывались на необходимости децентрализации власти путем ее делегирования из центра в регионы. Основной раскол проходил по вопросу о критерии образования субъектов федерации.

Проект Рейснера, впервые изложенный на заседании Комиссии 10 апреля 1918 г., предусматривал федерацию особых хозяйственных субъектов — коммун. Каждая коммуна представляла собой хозяйственный центр, основную часть, исходную ячейку единой социалистической коммуны. Количество и конкретный перечень таких коммун надлежало определить позднее. Размеры коммуны могли значительно варьироваться: «от волости до уезда»¹⁷. Такая дифференциация и отсутствие единого подхода к определению пределов территорий объяснялись тем, что основой для выделения коммун должна была являться местность со своим хозяйственным профилем: производственным своеобразием, экономическими интересами и потребностями населения, его структурой. Как отмечал Рейснер, размеры таких территорий будут значительно различаться в сельскохозяйственной местности и промышленной, в степной и горной, в рыболовном районе и сухопутном.

Проектом Рейснера предлагалась федерация местных общин в форме социально-хозяйственных организаций, строящаяся на реальных интересах трудящихся классов Российской республики. Каждая такая община именовалась коммуной, во главе нее стоял совет рабочих, крестьянских, казацких, батрацких и трудовых депутатов. Идеологически коммуна рассматривалась как живая единица, которая должна была уничтожить буржуазные интересы и отношения, установив социалистическую основу общества. Ее название, по утверждению Рейснера, было ассоциировано с коммунистическим манифестом и коммунистической партией.

Для управления общими делами нескольких коммун предусматривалось создание их федеративных союзов. Подведомственная им территория получала название «провинция», она возглавлялась съездом коммунальных со-

ветов или провинциальным советом рабочих, крестьянских, казацких, батрацких и трудовых депутатов, состоящим из представителей коммунальных советов, а также всех представителей важнейших хозяйственно-общественных союзов провинции.

Провинциальные федерации образовывали областной союз под названием областной республики, возглавляемый областным съездом советов. Областные республики, в свою очередь, уже объединялись в РСФСР под общим управлением всесоюзного совета рабочих, крестьянских, казацких, батрацких и трудовых депутатов в Российской Федерации.

Примечательно, что проект Рейснера предусматривал возможность расширения федерации до мировых масштабов. На этот случай в нем сохранилось специальное положение: «В случае образования в других странах социалистических федеративных советских республик Российская Федеративная Социалистическая Республика в целях всеобщего торжества социализма, преуспеяния, мира и братства народов входит как полноправный член на началах равенства и свободы в их высший федеративный Союз Соединенных Социалистических Федеративных Республик»¹⁸.

Значение национального признака Рейснером нивелировалось и идеологически отвергалось. Он отмечал, что даже в буржуазных государствах национальное начало господствовало лишь на начальной стадии образования государства, далее оно отходило на второй план, обретая исключительно культурную сущность. Для социалистического же государства оно должно иметь еще меньшее значение в политическом смысле, поскольку основой такого государства является форма экономического устройства, базирующаяся на принципах социалистического хозяйственного производства, обмена и потребления, а не государственно-правовые институты. Права национальностей в социалистической республике ограничены исключительно возможностью культурного самоопределения и не имеют политической проекции. Таким об-

¹⁷ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10.04.1918. Л. 7.

¹⁸ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10.04.1918. Л. 35–51.

разом, единственный принцип формирования федерации — территориальный¹⁹.

Позиция входящих в состав Комиссии левых эсеров Д. А. Магеровского и А. А. Шрейдера в целом соответствовала провозглашенному тезису о территориальном характере будущей федерации, но противоречила озвученному Рейснером принципу образования новых территорий для их включения в состав государства. Критикуя идею учреждения коммун, Магеровский утверждал, что к моменту разработки проекта Конституции объективно существующими можно назвать только три коммуны: Кронштадтскую, Петроградскую и Московскую. Другие территории фактически не обладали признаками, достаточными для того, чтобы говорить, что там сложилось коммунальное устройство²⁰.

А. А. Шрейдер указывал: «Это будет федерация по признаку, исключительно территориальному признаку территориального удобства разделения России на некоторые части, которые будут внутри себя составлять территориально удобную единицу — нечто объективно целое, которое будет иметь право законодательной инициативы»²¹. В состав федерации, по его мнению, должны были входить областные республики, а те должны состоять из губерний, уездов и волостей. Причиной сохранения прежних видов территориальных единиц являлось то, что данное деление исторически сложилось и объективно существует, что позволяло сохранить стабильность. По его утверждению, «такая схема понятна и диктуется самой жизнью»²².

Д. А. Магеровский дополнял территориальную модель федерации выраженным элементом асимметрии, при которой субъекты делились на два вида: области и края, не имеющие законодательных полномочий, а также республики, наделавшиеся ими. Соответственно, концепцией новой федерации должен был стать территориальный асимметричный принцип

ее организации с сохранением существующих территориальных единиц как основы низового регионального управления.

Принципиальным противником использования территориального подхода был автор другого проекта федеративного устройства — народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин. Владея реальной информацией о том, как складываются отношения центральной и региональной власти на местах, как обстоит дело с национальными настроениями в РСФСР, он указывал на недопустимость попытки реорганизовать территорию государства, выделив в ее пределах множество коммун, значительно увеличив число объектов управления, при этом проигнорировав национальные интересы народов, фактически на территории страны проживающих. Сталин небезосновательно опасался дезинтеграции регионов в условиях отказа от существующих инструментов управления реально сформированными территориями и считал, что основой федерации должен стать национальный фактор. Он указывал: «Вы должны дать определенный тип федерации. Это есть тип федерации областей, отличающихся известным составом, национальным составом или определенным бытом»²³.

Обосновывая данную позицию, он обращает внимание и на то, что III Всероссийский съезд Советов дал весьма конкретные директивы в области федеративного строительства, определив Российскую республику как «федерацию советских республик народов России, причем подразумевается как объективная единица область, отличающаяся особым духом, национальным составом, населенная единым населением. Ясно сказано, что у нас может быть и должна быть речь о федерации... определенных областей с особым выделенным составом населения»²⁴. Выйти за пределы этих директив, по представлению Сталина, Комиссия полномочий не имела.

¹⁹ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10.04.1918. Л. 37.

²⁰ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10.04.1918. Л. 29.

²¹ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10.04.1918. Л. 23–24.

²² Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10.04.1918. Л. 24.

²³ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 12.04.1918. Л. 3–4.

²⁴ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 12.04.1918. Л. 3.

В историко-правовой науке констатируется, что такого рода аргументы были весьма нехарактерны для Сталина, поскольку он никогда не был склонен к абсолютизации формальной законности²⁵. Вероятнее всего, данная отсылка была использована как дополнительный аргумент в пользу его позиции. Основным же являлось то, что в стране существуют области, различающиеся спецификой быта и особым национальным составом. Это объективно требует от центральной власти предоставления им широкой автономии, включая права на собственный язык, культуру, управление внутренними делами и т.д. С этим, по мнению Сталина, нельзя было не считаться.

Наконец, промежуточную позицию занимал Ю. М. Стеклов, который полагал, что разрабатываемая Конституция носит временный, переходный характер и рассчитана на конкретный исторический период, в течение которого социалистическое государство только оформляется. Он подчеркивал, что противники революции могут воспользоваться возможностью самоопределения народов и добиться разделения государства. Поэтому особенно опасным было игнорирование националистических тенденций, образовавшихся и набравших силу в ходе революции. По его утверждению, после обретения государством стабильности и прочности целесообразным будет обратиться к исключительно территориальному принципу образования федерации, предлагаемому Рейснером, но до этого момента следует «совместить оба начала: территориальное и национальное»²⁶. Таким образом, им предлагалась смешанная федерация.

В целом солидарны с ним были и многие другие члены Комиссии, включая ее председателя Я. М. Свердлова, который также отмечал переходный период государства и отдельно то обстоятельство, что национальные особенности как буржуазное проявление всё же еще не были

полностью уничтожены, что вынуждало государство с ними считаться. По этой причине он предлагал сочетание двух признаков построения федерации: национального и экономического. Под последним он подразумевал «общий экономический быт, экономический уклад, общность производства, или, вернее, характера производства»²⁷.

Отдельным проектом на заседании Комиссии были представлены конституционные идеи П. П. Ренгартена, приват-доцента кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета. Указанный проект был наиболее дистанцирован от реальности и предполагал, по сути, учреждение конфедерации, в которую на правах государств-членов входили пять профессиональных федераций: федерация земледельцев, федерация промышленных рабочих, федерация служащих торговых предприятий, федерация служащих у государства (чиновников), федерация служащих у частных лиц (прислуга). Объединение этих федераций называлось им «сложное государственное образование».

Федерация представляла собой профессиональное объединение, куда входили все граждане, находящиеся на территории РСФСР и выполняющие соответствующий вид труда. Федерация, согласно проекту, обладала собственными подданными и могла самостоятельно определять условия принятия в подданство. Всероссийское подданство приобреталось только при условии предварительного принятия подданства одной из федераций. Профессиональная федерация также обладала собственной конституцией.

Общая союзная власть носила надпрофессиональный характер и была представлена центральными и местными органами. Основой определения ее компетенции выступала относимость вопроса к делам общегосударственного характера либо к делам, касающимся взаимомо-

²⁵ Биюшкина Н. И., Кодан С. В., Сосенков Ф. С. Советский федерализм как результат политико-правовой бифуркации: идеологическое и организационное оформление : монография. М. : Юрлитинформ, 2022. С. 34.

²⁶ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10.04.1918. Л. 9.

²⁷ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10.04.1918. Л. 21.

отношений различных профессиональных подданных. Все остальные вопросы относились к ведению федераций. В состав местных органов власти входили представители местных профессиональных организаций²⁸.

Данный проект носил незавершенный характер, поскольку описывал лишь общие контуры политико-территориальных отношений и демонстрировал приверженность автора представлениям о принципиально новой природе советского государства, его власти и функций. Ренгартен предполагал формирование отдельных государств — членов единого союза, которые даже не обладали обособленной территорией, а имели лишь единую профессиональную принадлежность своих членов как критерий единства. Сложно судить о теоретической состоятельности подобной конструкции, но очевидно, что в условиях зарождающейся советской государственности она не имела перспектив практического воплощения.

Итогом длительных и острых дискуссий о типе советской федерации стала формулировка трех тезисов, вошедших в материалы работы Комиссии в виде отдельного документа. Первым тезисом провозглашался временный характер Конституции, рассчитанный на переходный период от буржуазного к социалистическому строю. Второй тезис определял, что Конституция основывается «на объективном существовании областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, т.е. областей, населенных отдельными народами, требующими широкой автономии на основе федерации». Третий тезис, раскрывая предшествующее положение, определял: «Субъектами федерации в России должны быть не отдельные города, решающие свои местные дела автономно, и не всякие вообще области, экономические особенности которых (если таковые имеются) должны быть представлены соответствующими автономными органами Высшего совета народного хозяйства, а совершенно определенные области, отличаю-

щиеся особым бытом и национальным составом»²⁹. В основу построения федерации, таким образом, был положен национально-культурный фактор.

Будущее советского федерализма было определено альтернативным голосованием, в ходе которого за проект И. В. Сталина проголосовало пять делегатов, в то время как проект М. А. Рейснера получил три голоса. Анализируя причины победы концепции национальной федерации, следует выделить господствующее в Комиссии представление о временном характере разрабатываемой Конституции. Принципиально никто из делегатов не возражал против того, что социалистическое государство должно строиться на единой монолитной общности (союзе трудящихся), которая отрицала наличие национальных интересов. Сплочение и единение советского общества должно было осуществляться по классовому признаку, национальный фактор не должен был играть заметной роли. Превознесение важности национального начала считалось атрибутом буржуазного мышления. В ходе работы Комиссии даже неоднократно отмечалась нежелательность использования слова «национальный»³⁰. Однако особенности того периода прямо диктовали необходимость исключения всех возможных рисков, связанных с дезинтеграцией регионов. Неустойчивый характер молодого государства, гражданская война, угроза контрреволюции создавали реальную опасность утраты целостности и единства государства. Первостепенное значение приобретали сохранение механизмов территориального управления и снижение вероятности национального сепаратизма. Учреждение национальных республик в большей степени способствовало обеспечению управляемости внутри государства и его единства. Вопрос же о принципиально новом социалистическом устройстве государства откладывался на неопределенную перспективу в угоду актуальным потребностям текущего политического момента.

²⁸ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 10.04.1918. Л. 52–58.

²⁹ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 12.04.1918. Л. 37.

³⁰ Стенограмма заседания Комиссии по выработке Конституции РСФСР от 17.05.1918 с приложением проекта Декларации прав и обязанностей трудящихся // ГАРФ. Ф. Р-6980. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

Таким образом, основой построения советской федерации был избран национальный критерий. Альтернативные концепции и проекты не нашли поддержки у членов Комиссии, вследствие чего остались лишь в виде проектов документов. Реальное развитие государства пошло по пути учреждения национальных республик и

в будущем — объединения их в единый СССР. Основы советского федерализма, заложенные в ходе работы Комиссии, предопределили развитие государства на долгие годы вперед, установив прочные предпосылки для создания новой модели государственного единства, пришедшей на смену унитаризму Российской империи.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Биюшкина Н. И., Кодан С. В., Сосенков Ф. С.* Советский федерализм как результат политико-правовой бифуркации: идеологическое и организационное оформление : монография. — М. : Юрлитинформ, 2022. — 255 с.
2. *Медушевский А. Н.* Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // *Российская история*. — 2011. — № 6. — С. 15.
3. *Сахаров В. А.* Союз Советских республик или Союз советских народов // *Клио*. — 2012. — № 6 (66). — С. 122–132.
4. Союз можно было сохранить. Белая книга. Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства / сост.: А. Б. Вебер, В. Т. Логинов, Г. С. Остроумов, А. С. Черняев ; Горбачев-Фонд. — М., 1995. — 351 с.
5. *Чистяков О. И.* Проблемы организации государственного единства в истории дореволюционной России // *Вестник Московского университета. Серия 11, Право*. — 2006. — № 4. — С. 1–36.
6. *Шаталов Е. А.* Организационно-правовые основы деятельности чрезвычайных комиссий в Восточной Сибири (1920 — февраль 1922 г.) : дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2009. — 195 с.

Материал поступил в редакцию 9 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Biyushkina N. I., Kodan S. V., Sosenkov F. S.* Sovetskiy federalizm kak rezultat politiko-pravovoy bifurkatsii: ideologicheskoe i organizatsionnoe oformlenie: monografiya. — M.: Yurlitinform, 2022. — 255 s.
2. *Medushevskiy A. N.* Perestroyka i prichiny krusheniya SSSR s pozitsiy analiticheskoy istorii // *Rossiyskaya istoriya*. — 2011. — № 6. — S. 15.
3. *Sakharov V. A.* Soyuz Sovetskikh respublik ili Soyuz sovetskikh narodov // *Klio*. — 2012. — № 6 (66). — S. 122–132.
4. Soyuz možno bylo sokhranit. Belaya kniga. Dokumenty i fakty o politike M. S. Gorbacheva po reformirovaniyu i sokhraneniyu mnogonatsionalnogo gosudarstva / sost.: A. B. Veber, V. T. Loginov, G. S. Ostroumov, A. S. Chernyaev ; Gorbachev-Fond. — M., 1995. — 351 s.
5. *Chistyakov O. I.* Problemy organizatsii gosudarstvennogo edinstva v istorii dorevolyutsionnoy Rossii // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo*. — 2006. — № 4. — S. 1–36.
6. *Shatalov E. A.* Organizatsionno-pravovye osnovy deyatel'nosti chrezvychaynykh komissiy v Vostochnoy Sibiri (1920 — fevral 1922 g.): dis. ... kand. yurid. nauk. — Omsk, 2009. — 195 s.

Юридические фикции как средство обеспечения прогресса в праве

Аннотация. Статья посвящена раскрытию сущности и роли юридической фикции в качестве средства обеспечения прогресса в праве. Отмечаются негативные последствия некорректного введения фикции в законодательство и ее применения. Подчеркивается, что одна из причин таких последствий — поверхностные (некачественные) теоретические разработки, связанные с подходами к феномену юридической фикции: смешивание правовой и бытовой ее сущности; использование в научном обороте понятий «правовая иллюзия», «неопровержимая презумпция» и др., которые по своей сути есть не что иное, как фикция. Довольно часто встречаются случаи смешивания юридических (правовых) фикций и фиктивных явлений (фактов, состояний и т.д.). Кроме того, в статье рассматриваются искусственные (фиктивные) субъекты. Особое внимание уделяется классической фикции в праве — юридическому лицу, а также государству, которое представляет собой, по сути, конструкцию юридического лица. Отмечается, что в процессе цифровизации и роботизации появляются и другие фиктивные субъекты и объекты, например искусственный интеллект.

Ключевые слова: юридическая фикция; юридическое лицо; субъект права; государство; искусственный интеллект; цифровизация; роботизация; правовая сущность; искусственные субъекты; сущность; прогресс в праве

Для цитирования: Танимов О. В. Юридические фикции как средство обеспечения прогресса в праве // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 21–31. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.021-031

Legal Fictions as a Mechanism for Advancing Legal Development

Oleg V. Tanimov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
tanimov@mail.ru

Abstract. The paper examines the essence and role of legal fiction as a mechanism for facilitating progress in law. It highlights the adverse consequences resulting from the improper incorporation of fictions into legislation and their misapplication in practice. The author argues that one source of such consequences lies in superficial and methodologically unsound theoretical approaches to the phenomenon of legal fiction, including the conflation of its legal and everyday meanings and the use in scholarly discourse of such terms as «legal illusion» and «irrebuttable presumption», which in substance amount to forms of fiction. The paper also addresses the frequent conflation of

© Танимов О. В., 2026

* Танимов Олег Владимирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
tanimov@mail.ru
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993

legal fictions with fictitious phenomena (facts, states, etc.). In addition, it examines artificial (fictitious) subjects of law, with particular attention to the classical legal fiction of the juridical person and to the state, which is essentially constructed as a legal person. Finally, the study notes that processes of digitalization and robotization are giving rise to new fictitious subjects and objects, including artificial intelligence.

Keywords: legal fiction; legal entity; legal subject; State; artificial intelligence; digitalization; robotization; legal substance; artificial subjects; substance; progress in law

Cite as: Tanimov OV. Legal Fictions as a Mechanism for Advancing Legal Development. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):21-31. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.021-031

Общетеоретические аспекты сущности юридических фикций

Изучение смыслового содержания юридической фикции на протяжении всего периода развития права, его прогресса в конечном итоге позволило выработать определенную теорию, включающую в себя систему основных идей, касающихся использования фикций в праве, и дающую целостное представление о закономерностях и существенных связях фикций в правовой действительности¹.

В последнее время в научной литературе появилось большое количество работ, посвященных фикциям в правовой сфере².

Некоторые авторы, рассматривая различные аспекты и проблемы, стоящие перед юридической наукой и практикой (особенно связанные с развитием информационных коммуникационных технологий и искусственного интеллекта), в своих изысканиях прямо или косвенно затрагивают фикции в праве. Это обусловлено тем, что в процессе технического прогресса (цифровизации, роботизации и т.п.) в общественных отношениях появляются новые объекты и субъекты права, в результате чего эти отношения требуют правового регулирования, которое возможно только при использовании таких технико-юридических приемов, как фикция, например.

К сожалению, не все исследователи могут себе позволить потратить время на изучение вопроса понимания сущности юридической фикции. Поэтому нередко возникают негативные последствия некорректного ее введения в законодательство и применения в праве. Одна из причин таких последствий — поверхностные (некачественные) теоретические разработки, связанные с подходами к феномену юридической фикции: смешивание правовой и бытовой ее сущности; использование в научном обороте понятий «правовая иллюзия», «неопровержимая презумпция» и др., которые по своей сути есть не что иное, как фикция, и пр. Довольно часто встречаются случаи смешивания юридических (правовых) фикций и фиктивных явлений (фактов, состояний и т.д.).

В результате создаются громоздкие характеристики компонентов и составляющих структурных элементов правоотношений (субъектов, объектов и содержания), что усложняет не только правоприменение, но и в некоторых ситуациях понимание смысла и содержания правовой нормы или характеристик указанных выше структурных единиц.

Если говорить о сущности юридической фикции, то, как отмечает Т. В. Кашанина, она представляет собой «особый способ существования содержания права»³.

¹ Подробнее об этом см.: Танимов О. В. Теория юридических фикций : монография. М. : Проспект, 2016.

² В современной общей теории права и отраслевых науках теме юридических фикций посвящены работы О. А. Курсовой, П. М. Резинькова, И. В. Филимоновой, А. М. Ширвиндта и других авторов, которые рассматривают различные аспекты юридических фикций. Проблемы применения фикций в отдельных отраслях права описаны в трудах И. М. Зайцева, Р. К. Лотфуллина, К. К. Панько и др.

³ Кашанина Т. В. Сущность и содержание права: дифференцированный подход // *Lex russica*. 2011. Т. 70. № 5. С. 887.

В большинстве случаев применения фикций вносится определенность в правовое положение лица, что способствует регулированию общественных отношений с его участием.

Содержание права формируется при помощи его основных принципов, а также способов правового регулирования: запретов, предписаний и дозволений. Для этого используются юридические нормы, в том числе и нормы-фикции, позволяющие, выходя за рамки общественных отношений, устранять пробелы и неопределенности в праве.

Фикция юридического лица

Современный мир претерпевает множество изменений, большая часть которых связана с активным развитием технологий и информационного общества в целом. Возникают новые виды общественных отношений, и в результате их развития появляются новые субъекты права и правоотношений. Трансформация затрагивает все сферы жизни человечества, в том числе и правовую. К этой проблеме обращается С. И. Архипов в статье «Субъект права в цифровую эпоху»⁴, касаясь непосредственно феномена юридической фикции.

Ряд ученых, на которых ссылается автор (О. А. Ястребов⁵, П. М. Морхарт⁶), проводят аналогию между юридическим лицом и электронным лицом (искусственным интеллектом), определяя их юридическими фикциями. Однако сам С. И. Архипов с этим не соглашается: ссылаясь на Гражданский кодекс РФ, он утверждает, что юридическое лицо не фикция, а социальная реальность, имеющая «человеческий субстрат».

По его мнению, для российского законодателя человек как физическое лицо и субъект права является одним и тем же, что и объединяет юридическое лицо, выступающее субъектом права, и организацию, классический его объект, в одно целое. Он приходит к выводу, что вместо электронного лица можно поставить любой неодушевленный объект, и суть не поменяется, так как фикция — вымысел, не имеющий действительной основы. А юридическое лицо вполне реально, поскольку человек может его всячески размножить, «осоздать» в повседневной жизни и правовом аспекте.

Тем не менее юридическое лицо является классической юридической фикцией, чью природу успешно исследовали и доказали ряд известных ученых. Эту теорию отстаивали Ф. К. фон Савиньи, Б. Виндшайд, которые полагали, что юридическое лицо — искусственный субъект, допустимый лишь для юридических целей, а его органы играют роль опекунов по отношению к недееспособным, потому что без них они не имеют ни воли, ни сознания, ни способности реализовывать свои права и нести ответственность⁷.

А. М. Гуляев, поддерживая эту теорию, указывал, что юридическим лицом можно считать только тот физический состав, за которым право признает свойства юридического лица. Согласно Г. Ф. Шершеневичу, юридическое лицо представляет собой искусственный субъект оборота, созданный для достижения определенной цели⁸.

Таким образом, мнение С. И. Архипова о непринадлежности юридического лица к правовым фикциям, на наш взгляд, в некотором смысле некорректно. Возможно, оно основано

⁴ Архипов С. И. Субъект права в цифровую эпоху // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 7–16.

⁵ Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

⁶ Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2018.

⁷ Танимов О. В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 4–18.

⁸ См.: Макаренко О. В. Юридическое лицо как правовая категория // URL: cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskoe-litso-kak-pravovaya-kategoriya/viewer (дата обращения: 28.01.2025).

в определенной степени на недостаточно глубоко изучении сущностной природы самой юридической фикции, в том числе и в качестве юридического лица.

Бесспорно, что первичным (основным, классическим) субъектом права является человек. Он есть творение Бога, состоящее из души и тела.

Человек создан по образу и по подобию Божию (Быт. 1:26-27)⁹. Это значит, что по своему естеству он отображает в себе совершенства Божества: обладает разумом, свободной волей, способностью к творчеству, способностью любить, нравственным чувством и пр.¹⁰

Благодаря этим свойствам человек наделен правосубъектностью, позволяющей ставить его среди всех субъектов права на первое (основное) место. По отношению ко всем остальным субъектам он первичен, и остальные субъекты права и правоотношений производны от него.

Государство как субъект права представляет собой конструкцию юридического лица, т.е. является фикцией в этом смысле. Это было закреплено еще в древнеримском праве. Н. С. Суворов отмечал, что «основные признаки и черты юридического лица были выявлены именно римскими правоведами»¹¹.

Подтверждение этой позиции можно обнаружить, например, в работах И. В. Сухининой и А. С. Коваленко¹², исследовавших юридические фикции в конституционном праве. По их мнению, в Конституции РФ государство понимается как юридическая фикция: согласно ст. 5 Россия состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов РФ, при этом во второй части этой же статьи

термин «государство» используется для обозначения республики как субъекта РФ. Вместе с тем для государства важнейшим признаком его идентификации служит суверенитет, которого не может быть у республики как субъекта федеративной страны, части единого целого. Таким образом, И. В. Сухинина и А. С. Коваленко считают государство правовой фикцией, с чем, полагаем, следует согласиться.

Существует иное соображение на этот счет, которое, в частности, высказывает С. И. Архипов, продолжая рассуждение о сути юридической фикции в упомянутой выше работе. Он указывает, что приравнение государства к юридической фикции разрушает все теории публично-правовых наук, становятся бессмысленными его ключевые признаки и свойства.

В качестве аргументов в противовес позиции автора касательно фиктивной сущности юридического лица и государства, а также их соотношения приведем мнения трех авторитетных ученых (двух отечественных и одного зарубежного).

С. Н. Братусь достаточно просто и емко описал рассматриваемое явление: «С точки зрения характера и значения своей деятельности не только в теории, но и в законодательстве юридические лица делятся: а) на публичные и б) частные. Публичными юридическими лицами признаются государство, административно-территориальные образования, некоторые государственные учреждения и так называемые публично-правовые корпорации (например, адвокатура)»¹³.

Один из основателей отечественной науки международного права Г. И. Тункин писал: «Признание означает, что государство призна-

⁹ «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему» // URL: <https://pravoslavie.ru/103548.html?ysclid=m8vtooo5ok23799529> (дата обращения: 30.03.2025).

¹⁰ Человек // Православная энциклопедия «Азбука веры». URL: <https://azbyka.ru/chelovek> (дата обращения: 30.03.2025).

¹¹ Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. С. 189–219.

¹² Коваленко А. С. Юридические фикции в основах конституционного строя России // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 1. С. 151–157. URL: <https://www.vestnykeps.ru/0124/30.pdf> (дата обращения: 28.01.2025).

¹³ Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. С. 110.

ет новое государство как юридическое лицо со всеми правами и обязанностями, вытекающими из международного права. Государства, как уже отмечалось, обладают международной правосубъектностью в силу самого факта своего существования. Они могут пользоваться (и пользуются) международными правами и несут обязанности, вытекающие, в частности, из Устава ООН, независимо от их признания другими субъектами международного права»¹⁴.

И наконец, ключевой тезис П. Бурдьё: «Государство — это сложно организованная фикция, принцип согласия с социальным миром»¹⁵.

В правотворчестве и правоприменении, как отечественном, так и зарубежном, существует проблема малоизученности (недопонимания) сущности юридической (правовой) фикции. Присутствие такой проблемы приводит к абсурдности результата деятельности законодателя (принимаемых норм) и действий правоприменителя.

Кроме этого, нередко в научной литературе встречаются суждения, авторы которых в некотором смысле ошибочно (или частично) характеризуют проблемы фикций и фиктивного в праве. Например, С. И. Архипов в рассматриваемой статье отмечает, что «теория фикции юридического лица — это антиправовое учение, не отражающее правовых реалий, своего рода троянский конь в системе гражданско-правовых и публично-правовых представлений, не объясняющее природу юридического лица и не способствующее развитию данного института»¹⁶. И всё же в своих рассуждениях автор не отрицает «римское государство как самостоятельную правовую личность»¹⁷.

Подчеркнем, что в Новое время теория фикций получила мощный толчок и данному вопросу уделялось больше внимания. Произошло это благодаря известному за огромный вклад в развитие теории фикций немецкому юристу,

правоведу и представителю исторической школы права Ф. К. Савиньи.

Он занимался разработкой не просто теории фикций, что стоит отметить, а именно теории фикций юридического лица, которое по своей сути представляет собой не что иное, как искусственно созданный посредством простой фикции субъект права. Соответственно, говоря о юридических лицах, теория фикций поднимается на несравненно новый, высокий уровень, обусловленный правоспособностью и деликтоспособностью данной категории. К эволюционному изменению здесь также относится и то, что теперь государство стало как бы разрешать юридическим лицам образовываться в процессе общественных и производственных отношений, что указывает на особый порядок возникновения правосубъектности у юридических лиц.

Небольшой экскурс в историю формирования взглядов и учений о юридических лицах позволяет констатировать тот факт, что почти каждому из них положила начало и дала развитие теория фикций. Фикции используются в праве любой страны, и это свидетельствует о том, что теория юридических фикций живет и здравствует, продолжая использоваться законодателем¹⁸.

Далее рассмотрим на конкретных примерах, как работают фикции в качестве средства обеспечения прогресса в праве в разных сферах правового регулирования.

Практика применения фикций в качестве средства обеспечения прогресса в праве

В эпоху цифровизации возникают как субъекты, так и объекты правоотношений, обладающие разной степенью фиктивности. И чем больше развиваются информационно-коммуникационные технологии, тем чаще они (субъекты и

¹⁴ Тункин Г. И. Теория международного права. М. : Зерцало, 2015. С. 37.

¹⁵ Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М. : Socio-Logos, 1993.

¹⁶ Архипов С. И. Указ. соч. С. 11.

¹⁷ Архипов С. И. Указ. соч. С. 12.

¹⁸ Танимов О. В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени. С. 4–18.

объекты) будут появляться в правоотношениях. Как представляется, регулирование общественных отношений, которые возникают по поводу фиктивных объектов и в которых участвуют фиктивные субъекты, невозможно без применения юридических фикций.

Искусственный интеллект, по мнению законодателя, представляет собой «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»¹⁹. Таким образом, он не является реальностью, а существует лишь условно, в силу признания человеком комплекса обычно ничем не связанных частиц единым целым посредством закрепления этого положения в законодательстве. Среди отечественных и зарубежных ученых именно этот вариант признания правовой сущности электронного лица, при котором допускается наделение его статусом субъекта права, формирующегося человеком — пользователем этого лица, вызывает научные споры. К защитникам этой теории можно отнести М. А. Аксенову, В. Э. Волкова²⁰ и др.

Полагаем, что электронное лицо обладает всеми признаками юридической фикции, в связи с чем рационально его признание в качестве таковой. Тем не менее не стоит торопиться придавать ему статус полноценного субъекта права, так как это может породить больше проблем, чем кажется на первый взгляд.

В качестве же решения проблемы с правовым положением электронного лица С. И. Архипов (в статье «Субъект права в цифровую эпоху») видит создание особого вида «правовых сущностей» — своеобразных технико-вспомогательных элементов в праве, не наделенных

субъективными правами, юридическими обязанностями и не имеющих возможности нести юридическую ответственность. Считаем, что это потребует реформирования юридической сущности и статуса юридического лица, имеющего много сходных черт с электронным лицом. Однако эта позиция имеет ряд сторонников в современном мире.

Несомненно, цифровизация кардинально изменит привычный для современного человека мир, что приведет к перемене положения юриста и права в целом в системе социальных регуляторов. При этом сохранится их важность, так как отсутствие правовой системы в любом обществе, на какой бы ступени развития оно ни находилось, приведет к анархии и минимизации гарантии безопасности как отдельной личности, так и государства в целом. Что же касается конкретных изменений, то, как представляется, исчезнут только те юридические профессии, которые не так сильно связаны с творческим подходом и имеют в своей деятельности признаки шаблонной работы (нотариус, юрист-консультант). Останется потребность в высококвалифицированных узкопрофильных юристах, они будут незаменимы в государственной, судебной, законодательской и других особо важных сферах общественной жизни. Сам искусственный интеллект значительно облегчит работу юриста, взяв на себя некоторую машинную работу и оставив больше времени для более значимых аспектов его деятельности (речь идет в первую очередь о составлении договоров, подготовке законопроектов с последующей проверкой их профессиональными юристами).

К сожалению, проблема необдуманного, непрофессионального применения юридических фикций существует не только в информационно-цифровой среде, она нередко возникает и

¹⁹ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

²⁰ Волков В. Э. Цифровое право. Общая часть : учебное пособие. Самара : Изд-во Самарского университета, 2022. С. 70–74.

в традиционных (классических) отраслях права и законодательства.

Один из ярких примеров юридического абсурда — решение коллегии из трех судей апелляционного суда штата Калифорния, которая постановила считать пчел рыбами. Теперь насекомых защищает Закон об исчезающих видах.

Суть ситуации в следующем. В 2019 г. в рамках этого Закона Комиссия по рыбным и охотничьим ресурсам Калифорнии присвоила четырем видам шмелей охранной статус. Производители сельскохозяйственной продукции в ответ подали в суд. Они заявили, что действие Закона не распространяется на насекомых²¹.

Комиссия ответила, что перечень охраняемых нормативными правовыми актами представителей флоры и фауны обязан содержать пчел и иных беспозвоночных, которым угрожает какая-либо опасность. Кроме того, указанная Комиссия подчеркнула, что Законом также охраняются речные раки, креветки и улитка *Monadenia setosa*²², не являющиеся рыбами.

Касательно вышеупомянутой улитки отметим, что еще в 1980 г. в Калифорнии она была отнесена к вымирающему виду и включена в перечень охраняемых животных, так как ее причислили к классу рыб. Защитники пчел предложили ввести фикцию, сделав вывод о том, что рыбами можно считать и сухопутных животных (насекомых, например пчел), поскольку в перечень входит улитка, для которой вода не является естественной средой обитания. Суд поддержал доводы Комиссии по рыбным и охотничьим ресурсам и присвоил насекомым новый статус.

Теперь пчелы — это юридически рыбы. По крайней мере по законам Калифорнии²³.

Здесь следует согласиться с мнением И. С. Архипова о том, что проблема западного сознания, влияющая на формирование правовой системы на данной территории, заключается в индивидуализме, что может привести к угрозе для всего человечества. В этом плане действительно имеет место ужасающая реальность: признание человекообразного робота Софии гражданкой Саудовской Аравии²⁴, реки Уонгануи — юридическим лицом в Новой Зеландии²⁵, наделение правосубъектностью отдельных видов животных.

Нередко и деятельность отечественного законодателя представляет собой некоторый нонсенс. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 130 ГК РФ к недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество²⁶. Указанные объекты по своим признакам и целевому назначению перемещаемы, однако в силу закона признаны недвижимостью. Это можно объяснить их высокой экономической ценностью и значимостью для государства, но элемент абсурдности имеет место.

В современном праве посредством фикций появляются возможности приравнивать отношения разных отраслей и институтов друг к другу. Например, с 15 января 2016 г. судебные приставы могут ограничивать предоставленное должнику (по алиментам и штрафам)

²¹ Калифорнийский суд постановил, что пчелы могут быть рыбами // URL: <https://news.mail.ru/society/51605224/> (дата обращения: 31.03.2025).

²² *Monadenia setosa* (Trinity bristle snail) — вид наземных улиток среднего размера семейства Monadeniidae. Длина тела улитки около 2,5 см. Она коричневого или каштанового цвета и покрыта крошечными полупрозрачными щетинками, которые и дали виду общее название.

²³ Калифорнийский суд постановил, что пчелы могут быть рыбами.

²⁴ Саудовская Аравия предоставила гражданство роботу // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3454104> (дата обращения: 10.04.2025).

²⁵ Уонгануи, река в Новой Зеландии // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3228655> (дата обращения: 10.04.2025).

²⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (в ред. Федерального закона от 13.12.2024 № 459-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

право на управление автомобилями и другими транспортными средствами²⁷. В этой ситуации видится смешение семейного и административного права: лицо, не нарушавшее правила дорожного движения, лишается права на управление автомобилем. Подобные нормы приводят к формированию правового нигилизма и чувства несправедливости у большинства субъектов правоотношений.

Еще одна юридическая фикция, не лишенная элемента непонятности, но облегчившая участь должника, введена в декабре 2021 г. ФССП приравняла молчание коллекторов в трубку к психологическому давлению. Об этом говорится в рекомендациях, которые взыскателям долгов дали судебные приставы²⁸.

Заключение

В настоящее время роль фикций в праве возрастает с необычайной скоростью. Фикций становится всё больше, что имеет как положительные, так и отрицательные последствия, потому что правовое регулирование не успевает за динамикой жизненных обстоятельств и законы государства не могут догнать законы жизни.

Нельзя отрицать неразрывную связь структурных элементов права с юридическими, правовыми фикциями. Отсюда и множество теорий, основанных на суждениях о том, что вектор развития фикций сопряжен с вектором развития права и его системных элементов.

Главной задачей фикции является регулирование общественных отношений в ситуациях, когда обычная норма не может по каким-то при-

чинам с этим справиться. Именно фикция дает возможность усовершенствовать социальное правовое регулирование, восполняя пробелы и не допуская не разрешенных законом общественных отношений.

Но и законодатель, и правоприменитель, и ученый должны помнить прежде всего о том, что неразумное, непрофессиональное применение фикции (при недостаточном, ограниченном познании ее сущности) может привести к юридическому абсурду, в результате чего субъектами права станут роботы, реки, лесопарки, а пчел приравняют к рыбам.

Возвращаясь к тематике данного исследования, подчеркнем, что в такой ситуации невозможно говорить о прогрессе в праве. В литературе отмечается, что под прогрессом права основанно понимается такое развитие правовой системы, которое, качественно совершенствуя правовую действительность, служит интересам достижения новых социально значимых целей²⁹.

Как указывает В. В. Антонченко, «впервые эти цели человечество обнаружило в эпоху европейского Просвещения, поставившего под сомнение существовавший порядок власти и традиционные институты. Так, пересмотр в западноевропейской культуре в XVIII в. роли религии, которая всегда была одним из самых влиятельных факторов в общественном сознании, дал мощный импульс не только научной, философской и общественной мысли, но и социальному и технологическому прогрессу»³⁰.

Либертарианство XX в. (В. С. Нерсисянц, В. А. Четвернин и др.) сформулировало современный подход к пониманию права, связав его с ценностями и целями: право как формальное

²⁷ Федеральный закон от 28.11.2015 № 340-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об исполнительном производстве” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2015, 30 ноября. № 270.

²⁸ ФССП приравняла молчание коллекторов в трубку к психологическому давлению. Как должны и не должны вести себя взыскатели с должниками // URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/12/2021/61c333709a794704735cdb1a> (дата обращения: 10.05.2025).

²⁹ Барсуков А. Ю. Правовой прогресс как юридическая категория : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004 ; Малько А. В., Семикин Д. С., Люкина О. В. Судебная политика и судебно-правовой прогресс. М., 2013. С. 68.

³⁰ Антонченко В. В. Критерии прогресса государства и права // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 1. С. 95–106.

равенство, право как свобода, право как справедливость³¹.

Такой подход к прогрессу права, по мнению В. В. Антонченко, «задает вектор совершенствования законодательства, который может считаться прогрессивным: прогрессивно всё, что освобождает человека от гнета, повышает уровень его благополучия и безопасности»³².

Большую роль в этом играет юридическая техника, использующая весь свой арсенал средств, приемов, методов, категорий. Одним из важных средств обеспечения прогресса в праве является юридическая фикция, которая применяется во всех правовых системах.

Размышления хотелось бы закончить словами судьи Конституционного Суда РФ профессора Г. А. Гаджиева: «Юридический мир — иной мир, в котором существуют идеальные понятия, по сути фикции. Он изначально построен на основе использования фикций»³³.

От себя добавим: чтобы квалифицированно применять юридические фикции, необходимо познать их сущность и учитывать различные аспекты их использования, например истинность, целесообразность, разумность, кроме того, нужно прогнозировать последствия применения фикций, только тогда они будут служить средством обеспечения прогресса в праве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонченко В. В. Критерии прогресса государства и права // Журнал российского права. — 2025. — Т. 29. — № 1. — С. 95–106.
2. Архипов С. И. Субъект права в цифровую эпоху // Вестник Гуманитарного университета. — 2023. — № 4 (43). — С. 7–16.
3. Барсуков А. Ю. Правовой прогресс как юридическая категория : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2004. — 191 с.
4. Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. — М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. — 364 с.
5. Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М. : Socio-Logos, 1993. — 333 с.
6. Волков В. Э. Цифровое право. Общая часть : учебное пособие. — Самара : Изд-во Самарского университета, 2022. — 111 с.
7. Гаджиев Г. А. Юридическая картина мира. — СПб. : СПбГУП, 2016. — 32 с.
8. Герваген Л. Л. Развитие учения о юридическом лице. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1888. — 91 с.
9. Калифорнийский суд постановил, что пчелы могут быть рыбами // URL: <https://news.mail.ru/society/51605224/> (дата обращения: 31.03.2025).
10. Кашанина Т. В. Сущность и содержание права: дифференцированный подход // Lex russica. — 2011. — Т. 70. — № 5. — С. 873–889.
11. Коваленко А. С. Юридические фикции в основах конституционного строя России // Вестник экономики, права и социологии. — 2024. — № 1. — С. 151–157. — URL: <https://www.vestnykeps.ru/0124/30.pdf> (дата обращения: 28.01.2025).
12. Макаренко О. В. Юридическое лицо как правовая категория // URL: cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskoe-litso-kak-pravovaya-kategoriya/viewer (дата обращения: 28.01.2025).
13. Малько А. В., Семикин Д. С., Люкина О. В. Судебная политика и судебно-правовой прогресс. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 205 с.

³¹ См.: Нерсисянц В. С. Философия права. М., 1997. С. 17–32.

³² Антонченко В. В. Указ. соч.

³³ Гаджиев Г. А. Юридическая картина мира. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 8.

14. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — М., 2018. — 420 с.
15. Нерсесянц В. С. Философия права. — М. : Инфра-М, 1997. — 647 с.
16. Саудовская Аравия предоставила гражданство роботу // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3454104> (дата обращения: 10.04.2025).
17. Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. — М. : Статут, 2000. — 299 с.
18. Танимов О. В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 4. — С. 4–18.
19. Танимов О. В. Теория юридических фикций : монография. — М. : Проспект, 2016. — 225 с.
20. Танимов О. В. Юридическое лицо — классическая фикция в праве // Юридический мир. — 2013. — № 5. — С. 45–47.
21. Тункин Г. И. Теория международного права. — М. : Зерцало, 2015. — 416 с.
22. ФССП приравняла молчание коллекторов в трубку к психологическому давлению. Как должны и не должны вести себя взыскатели с должниками // URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/12/2021/61c333709a794704735cdb1a> (дата обращения: 10.05.2025).
23. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — Т. 13. — № 2. — С. 36–55.

Материал поступил в редакцию 14 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Antonchenko V. V. Kriterii progressa gosudarstva i prava // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2025. — Т. 29. — № 1. — С. 95–106.
2. Arkhipov S. I. Subekt prava v tsifrovuyu epokhu // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. — 2023. — № 4 (43). — С. 7–16.
3. Barsukov A. Yu. Pravovoy progress kak yuridicheskaya kategoriya: dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2004. — 191 s.
4. Bratus S. N. Yuridicheskie litsa v sovetskom grazhdanskom prave. — М.: Yurid. izd-vo MYu SSSR, 1947. — 364 s.
5. Burde P. Sotsiologiya politiki / per. s fr.; sost., obshch. red. i predisl. N. A. Shmatko. — М.: Socio-Logos, 1993. — 333 s.
6. Volkov V. E. Tsifrovoe pravo. Obshchaya chast: uchebnoe posobie. — Samara: Izd-vo Samarskogo universiteta, 2022. — 111 s.
7. Gadzhiev G. A. Yuridicheskaya kartina mira. — SPb.: SPbGUP, 2016. — 32 s.
8. Gervagen L. L. Razvitie ucheniya o yuridicheskom litse. — SPb.: Tip. I. N. Skorokhodova, 1888. — 91 s.
9. Kaliforniyskiy sud postanovil, chto pchely mogut byt rybami // URL: <https://news.mail.ru/society/51605224/> (data obrashcheniya: 31.03.2025).
10. Kashanina T. V. Sushchnost i sodержание prava: differentsirovanny podkhod // Lex russica. — 2011. — Т. 70. — № 5. — С. 873–889.
11. Kovalenko A. S. Yuridicheskie fiktsii v osnovakh konstitutsionnogo stroya Rossii // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. — 2024. — № 1. — С. 151–157. — URL: <https://www.vestnykeps.ru/0124/30.pdf> (data obrashcheniya: 28.01.2025).
12. Makarenko O. V. Yuridicheskoe litso kak pravovaya kategoriya // URL: cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskoe-litso-kak-pravovaya-kategoriya/viewer (data obrashcheniya: 28.01.2025).
13. Malko A. V., Semikin D. S., Lyukina O. V. Sudebnaya politika i sudebno-pravovoy progress. — М.: Yurlitinform, 2013. — 205 s.

14. Morkhat P. M. Pravosubektnost iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektualnoy sobstvennosti: grazhdansko-pravovye problemy: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.03. — M., 2018. — 420 s.
15. Nersesyants V. S. Filosofiya prava. — M.: Infra-M, 1997. — 647 s.
16. Saudovskaya Araviya predostavila grazhdanstvo robotu // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3454104> (data obrashcheniya: 10.04.2025).
17. Suvorov N. S. Ob yuridicheskikh litsakh po rimskomu pravu. — M.: Statut, 2000. — 299 s.
18. Tanimov O. V. Razvitie yuridicheskikh fiktsiy v epokhu Novogo vremeni // Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki. — 2014. — № 4. — S. 4–18.
19. Tanimov O. V. Teoriya yuridicheskikh fiktsiy: monografiya. — M.: Prospekt, 2016. — 225 s.
20. Tanimov O. V. Yuridicheskoe litso — klassicheskaya fiktsiya v prave // Yuridicheskiy mir. — 2013. — № 5. — S. 45–47.
21. Tunkin G. I. Teoriya mezhdunarodnogo prava. — M.: Zertsalo, 2015. — 416 s.
22. FSSP priravnjala molchanie kollektorov v trubku k psikhologicheskomu davleniyu. Kak dolzhny i ne dolzhny vesti sebya vzyaskateli s dolzhnikami // URL: <https://www.rbc.ru/finances/23/12/2021/61c333709a794704735cdb1a> (data obrashcheniya: 10.05.2025).
23. Yastrebov O. A. Pravosubektnost elektronogo litsa: teoretiko-metodologicheskie podkhody // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. — 2018. — T. 13. — № 2. — S. 36–55.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.032-043

Н. О. Скобелкин*

Опыт кодификации административного законодательства в Российской империи

Аннотация. В статье исследуется исторический опыт упорядочения и кодификации административного законодательства в Российской империи, охватывающий период с петровских преобразований до середины XIX в. Анализируются ключевые этапы этого процесса: от ранних попыток систематизации отдельных сфер управления, таких как Воинский устав и Генеральный регламент, до знаковых кодификационных актов, включая Устав благочиния Екатерины II, называемый первой комплексной попыткой упорядочения полицейского права, и Общее учреждение министерств 1811 г., систематизировавшее деятельность центральных исполнительных органов. Особое внимание уделяется масштабным кодификационным работам под руководством М. М. Сперанского, результатом которых стало создание Полного собрания законов и Свода законов Российской империи, где административно-правовые нормы получили свое отраслевое закрепление и были распределены по соответствующим томам. Отдельно на примере Сибирского учреждения 1822 г. рассматривается новаторский опыт региональной кодификации, продемонстрировавший адаптацию общих принципов систематизации к специфике управления обширной территорией. Оценивается значение этих многоэтапных усилий для становления административного права как самостоятельной отрасли и совершенствования системы государственного управления в Российской империи.

Ключевые слова: кодификация; административное законодательство; Российская империя; систематизация законодательства; М. М. Сперанский; Свод законов Российской империи; Устав благочиния; Общее учреждение министерств; полицейское право; проблемы кодификации

Для цитирования: Скобелкин Н. О. Опыт кодификации административного законодательства в Российской империи // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 32–43. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.032-043

The Experience of Codifying Administrative Law in the Russian Empire

Nikolay O. Skobelkin, Postgraduate Student, Vyatka State University (VyatGU),
Kirov, Russian Federation
nskobelkin@mail.ru

Abstract. The paper examines the historical experience of ordering and codifying administrative legislation in the Russian Empire, covering the period from the Petr the Great reforms to the mid-19th century. The author

© Скобелкин Н. О., 2026

* Скобелкин Николай Олегович, аспирант Вятского государственного университета (ВятГУ)
Московская ул., д. 36, г. Киров, Российская Федерация, 610000
nskobelkin@mail.ru

analyzes the principal stages of this process: from early attempts to systematize discrete spheres of governance, such as the Military Statute and the General Regulation, to landmark codificatory instruments, including the Charter of Police Order (*Ustav blagochiniya*) of Catherine II — regarded as the first comprehensive attempt to systematize police law — and the General Establishment of the Ministries of 1811, which systematized the activities of central executive organs. Attention is paid to the large-scale codification efforts led by M. M. Speransky, which resulted in the creation of the Complete Collection of Laws and the Code of Laws of the Russian Empire, wherein administrative-legal norms were given their sectoral consolidation and were allocated to the appropriate volumes. The study separately considers the innovative experience of regional codification exemplified by the Siberian Charter of 1822, which demonstrated the adaptation of general principles of systematization to the specific requirements of governing an extensive territory. The paper also assesses the significance of these multi-stage efforts for the emergence of administrative law as an autonomous branch and for the improvement of the system of state administration in the Russian Empire.

Keywords: codification; administrative legislation; Russian Empire; systematization of legislation; M. M. Speransky; Code of Laws of the Russian Empire; Deanery Charter; General establishment of ministries; police law; codification problems

Cite as: Skobelkin NO. The Experience of Codifying Administrative Law in the Russian Empire. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):32-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.032-043

Процесс становления и развития административного законодательства в Российской империи (РИ), равно как и попытки его кодификации, представляет собой сложный и многогранный феномен, отражающий эволюцию государственного управления и правовой мысли на протяжении нескольких столетий. Накопление значительного массива нормативных актов, регулирующих управленческие отношения, неизбежно порождало потребность в их систематизации, упорядочении и приведении в соответствие с изменяющимися социально-экономическими и политическими реалиями. Данная потребность, как отмечает Т. В. Шатковской и Е. Ю. Клеветовой, органически связана с ростом правотворческой активности государства, включая и органы исполнительной власти, что делает изучение исторических опытов кодификации особенно актуальным¹. Ранние своды законов, такие как Соборное уложение 1649 г.², уже демонстрировали стремление к некоторой систематизации правовых норм, закладывая

отдаленные предпосылки для будущих кодификационных работ в сфере государственного управления. Однако о целенаправленных и масштабных попытках кодификации именно административного законодательства можно говорить лишь применительно к более поздним периодам Российской империи, когда усложнение управленческих задач и развитие правовой доктрины создали для этого необходимые условия.

Эпоха преобразований Петра I стала важнейшим этапом в формировании административно-правовых норм и институтов, что актуализировало вопрос об их систематизации. В этот период был принят целый ряд знаковых нормативных актов, оказавших существенное влияние на развитие российского административного законодательства. Среди них следует выделить Воинский устав от 30 марта 1716 г.³, содержащий не только военно-правовые, но и административно-дисциплинарные нормы, Генеральный регламент коллегий от 28 февраля

¹ Шатковская Т. В., Клеветова Е. Ю. Исторические формы техники российской кодификации (на примере Свода законов Российской империи) // Вестник ПАГС. 2024. № 3. С. 48.

² Соборное уложение 1649 года : учеб. пособие для высш. школы / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. М. : Изд-во Московского университета, 1961. 444 с.

³ Устав воинский о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. Напечатано повелением Е. И. В. 1716 г. марта 30 дня. СПб., 1826.

1720 г.⁴, унифицировавший делопроизводство и организацию деятельности центральных органов управления, Табель о рангах от 24 января 1722 г.⁵, установившую систему чинов и порядок прохождения государственной службы, а также Регламент, или Устав, Главного магистрата от 16 января 1721 г.⁶, положивший начало созданию регулярной городской полиции.

Н. С. Бацвин полагает, что, несмотря на развитие в рамках полицейских преобразований, административное право в этот период выделилось в самостоятельную отрасль и приступило к формированию своих институтов⁷. Но, по мнению Н. Л. Федневой, в период с 1718 по 1767 г. законодатель не прилагал серьезных усилий к систематизации полицейского законодательства, которое сохраняло преимущественно локальный и ситуативный характер, и можно вести речь лишь о наличии массива полицейского законодательства, а не о полной институализации полицейского права как отрасли⁸. Мы считаем, что Петровские реформы и принятые в их ходе акты, безусловно, создали обширную и качественно новую нормативную базу для административного права, но их нельзя в полной мере охарактеризовать как кодификацию отрасли в современном понимании. Скорее это была систематизация отдельных, наиболее важных сфер государственного управления, характеризовавшаяся определенной разрозненностью

и отсутствием единого кодификационного замысла для всей совокупности административно-правовых норм. Проблема фрагментарности и казуистичности регулирования оставалась актуальной, требуя дальнейших усилий по упорядочению законодательства.

В период, следовавший за петровскими преобразованиями, в середине XVIII столетия, развитие административно-правовых норм продолжалось преимущественно в рамках концепции полицейского права. Как отмечает М. В. Ежов, административное право в это время существовало и развивалось именно как часть полицейского права, регулирующего общую систему государственного управления, обеспечение безопасности и «благочиния»⁹.

Существенным шагом на пути к систематизации административного (полицейского) законодательства стала эпоха правления Екатерины II, ознаменовавшаяся принятием Устава благочиния, или полицейского, от 8 апреля 1782 г.¹⁰ Этот масштабный нормативный акт, состоящий из 14 глав и 274 статей, представлял собой одну из первых в российской истории попыток комплексного и детализированного урегулирования вопросов организации и деятельности полицейских органов, а также определения широкого круга деяний, нарушающих общественный порядок и благоустройство. По мнению Н. Е. Буякина и А. Н. Чашина, именно с Устава благо-

⁴ Законодательство Петра I. 1696–1725 гг. : сборник документов / сост. В. А. Томсинов. М. : Зерцало-М, 2017. С. 277.

⁵ Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / под общ. ред. проф. О. И. Чистякова. М. : Юридическая литература, 1984–1994. Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма.

⁶ ПСЗ РИ. Собр. 1-е. СПб. : Тип. Второго отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851. Т. 6. № 3708.

⁷ Бацвин Н. С. К вопросу зарождения и развития института рассмотрения дел об административных правонарушениях в России // История государства и права. 2009. № 4. С. 17.

⁸ Феднева Н. Л. К вопросу о предпосылках институализации полицейского права в Российской империи // Право и политика: история и современность : материалы Девятой междунар. науч.-практ. конференции, Омск, 25–26 ноября 2021 г. / пред. редкол. С. К. Буряков. Омск : Омская академия МВД РФ, 2022. С. 132.

⁹ Ежов М. В., Ежова Г. В. История государственного управления и государственной службы России : учеб. пособие. СПб. : ИВЭСЭП ; Знание, 2004. С. 18.

¹⁰ Законодательство императора Петра III : 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II : 1762–1782 годы : сборник документов / сост. В. А. Томсинов. М. : Зерцало-М, 2017. С. 293.

чиния начинается оформление российского полицейского права в отдельную отрасль и этот акт положил начало кодификации российского полицейского права¹¹. Анализ структуры Устава подтверждает его кодификационный характер: он охватывал вопросы штатов и чинов полиции (главы А, Б), порядка определения на должность (глава В), компетенции управы благочиния (главы Г, Д), организации полицейского надзора в частях города и кварталах (главы Е, Ж, З, И), а также содержал подробный перечень запрещенных деяний и мер взыскания (главы М, Н).

Научные оценки Устава благочиния и заложенных в него принципов весьма разнообразны, но в целом признают его значимость как памятника права эпохи просвещенного абсолютизма. Сама императрица Екатерина II, как подчеркивает Н. Л. Феднева, находилась под влиянием идей европейских просветителей, в частности Ч. Беккариа, что отразилось, например, в стремлении Устава различать преступления, караемые судом по уголовным законам, и менее опасные проступки против управления, подведомственные полиции¹². Е. Н. Анучин утверждал, что одной из практических целей Устава было облегчение управленческой нагрузки на городничего путем предоставления ему квалифицированных помощников в лице чинов управы благочиния¹³. Особое внимание исследователей привлекает глава Д «Наказ управе благочиния» и содержащееся в ней «Зерцало управы благочиния», которое Н. П. Ерошкин характеризует как типичное проявление политики просвещенного абсолютизма, где морально-нравственные императивы и «добрые отеческие наставления» излагались в качестве руко-

водства к действию для полицейских чинов¹⁴. Подобная идеологическая насыщенность Устава благочиния, стремление не только установить формальные правила, но и придать им морально-философское обоснование, действительно отражает дух эпохи Просвещения. Однако, как и многие другие законодательные акты того времени, Устав благочиния столкнулся с проблемой соотношения декларативных положений и суровой правоприменительной реальности, что обуславливало ограниченность его практического воздействия на улучшение состояния законности и порядка в полной мере.

Так, историки и правоведаы указывают на ряд присущих ему недостатков и внутренних противоречий. В. О. Ключевский весьма скептически отзывался о декларативном характере многих «добрых слов» екатерининского законодательства, которые зачастую расходились с практикой государственного управления и реальным положением дел в стране¹⁵. О. И. Чистякова также отмечает определенную непоследовательность в изложении материала, наличие повторов и даже противоречий между отдельными его нормами¹⁶. Одной из существенных проблем, затруднявших эффективное правоприменение, являлась недостаточная четкость в разграничении компетенции полицейских и судебных органов, несмотря на формальные попытки Устава благочиния провести такое разграничение (например, в ст. 37). Это на практике приводило к смешению функций, возникновению управленческих коллизий и пресловутой волоките. Подобные недостатки были обусловлены несколькими факторами: уровнем развития юридической техники того времени, сложно-

¹¹ Буныкин Н. Е. Концепция становления и развития административного права в России : монография. Б. м. : ЭБС «ЮристЛиб», 2002. С. 21 ; Чашин А. Н. Кодификационные акты дореволюционной России // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 1 (28). С. 172.

¹² Феднева Н. Л. Указ. соч. С. 132.

¹³ Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб. : Тип. М-ва вн. дел, 1872. С. 222.

¹⁴ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1983. С. 137.

¹⁵ Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. М. : Мысль, 1989. Т. 5. С. 359.

¹⁶ Российское законодательство X–XX веков. Т. 5 : Законодательство периода расцвета абсолютизма. С. 398–401.

стью самой задачи кодификации столь обширной и многоаспектной сферы общественных отношений, а также объективными ограничениями, налагаемыми условиями абсолютистского государственного строя с его неразвитой системой разделения властей и недостаточной подготовленностью чиновничьего аппарата.

Начало XIX столетия ознаменовалось новыми попытками упорядочения системы государственного управления, что создавало предпосылки для дальнейшего развития и систематизации административного законодательства. Важным шагом в этом направлении стала министерская реформа, инициированная манифестом «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г.¹⁷ Как указывает Н. С. Бацвин, реформа привела к дальнейшей специализации государственного аппарата, что требовало более четкого нормативного регулирования деятельности вновь созданных центральных органов исполнительной власти¹⁸. Логическим развитием преобразований стало принятие манифеста «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. (далее — Общее учреждение министерств)¹⁹. Этот акт был первой в российской истории масштабной попыткой кодифицировать организацию и деятельность министерств, установив единые принципы их структуры, компетенции, порядка делопроизводства и ответственности должностных лиц. Общее учреждение министерств разделено на две части: ч. I «Образование министерств» и ч. II «Общий наказ министерствам», что свидетельствует о стремлении законодателя к системному изложению норм. В нем подробно регламентировались вопросы разделения государственных дел по ведомствам, внутренняя организация министерств (департаменты, отделения, канцелярия министра, совещательные органы), полномочия и ответственность министров и других чиновников. Хотя данный акт не являлся кодексом административного права в современном

понимании, он, несомненно, представлял собой значительный опыт отраслевой кодификации, направленный на унификацию и упорядочение деятельности центрального звена государственного управления.

Доктринальный подход к Общему учреждению министерств, во многом сформированный под влиянием выдающегося государственного деятеля и правоведа М. М. Сперанского, рассматривал этот акт как важный, но промежуточный этап на пути к более полной и детальной кодификации административного законодательства. Сам М. М. Сперанский, как следует из его Пермского письма императору Александру I от 4 февраля 1813 г., рассматривал Общее учреждение министерств в качестве наказа для всех министерств, который должен был быть дополнен разработкой и принятием особых учреждений или уставов для каждого конкретного ведомства. Он считал министерскую организацию 1811 г. незавершенной, своего рода полуустройством и указывал на насущную необходимость детализации правового статуса и компетенции каждого министерства для устранения притязаний власти и дублирования функций. Хотя М. М. Сперанскому удалось подготовить проекты таких индивидуальных учреждений для некоторых министерств, они, по его собственному признанию, остались без действия²⁰. Несмотря на это, концепция, заложенная в Общем учреждении министерств, была, безусловно, прогрессивной для своего времени. Она отражала стремление к созданию рациональной и эффективной системы центрального управления, основанной на принципах единоначалия, специализации и четкого разграничения компетенций.

Таким образом, Общее учреждение министерств от 25 июня 1811 г., хотя и не решило всех проблем и столкнулось с трудностями в полной практической реализации замыслов его разработчиков, стало важной нормативной

¹⁷ ПСЗ РИ. Т. 27. № 20406.

¹⁸ Бацвин Н. С. Указ. соч. С. 19.

¹⁹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 6 : Законодательство первой половины XIX века. С. 92–134.

²⁰ Плотникова Г. Н., Плотников С. Н. Пермское письмо М. М. Сперанского императору Александру I // Культурный код. 2021. № 2. С. 54.

и концептуальной основой для последующих масштабных кодификационных работ в сфере административного права Российской империи, к которым М. М. Сперанский смог приступить позднее. Существовавший разрыв между глубиной теоретических проработок и возможностями их немедленного воплощения в жизнь на данном этапе был обусловлен комплексом объективных и субъективных факторов, характерных для той исторической эпохи.

Вершиной дореволюционных усилий по систематизации российского законодательства, включая и нормы, непосредственно относящиеся к сфере государственного управления и административной деятельности, бесспорно, стала грандиозная кодификационная работа, осуществленная в первой половине XIX в. под непосредственным руководством М. М. Сперанского. Насущная необходимость этой работы была продиктована как объективными факторами (накоплением огромного массива разрозненных и зачастую противоречивых нормативных актов, регулирующих управленческие отношения), так и субъективным осознанием высшей государственной властью и передовой юридической мыслью того времени потребности в упорядочении правовой системы для обеспечения стабильности и эффективности государственного управления.

Как справедливо отмечает И. П. Слободянюк, многократные попытки кодификации, предпринимавшиеся в России на протяжении всего XVIII в., не увенчались успехом²¹. Решающий же этап этого сложного процесса начался с восшествием на престол Николая I, когда в 1826 г. Уложенная комиссия была преобразована во Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а фактическое руководство этим важнейшим государственным начинанием было возложено на М. М. Сперан-

ского. Принципиально важно, что император Николай I четко сформулировал задачу: не создание кардинально нового уложения, а именно составление свода действующих законов²², что и определило фундаментальный законодательный подход — масштабную систематизацию и консолидацию уже существующего правового материала, в том числе и в сфере административного права.

Законодательный подход, избранный М. М. Сперанским и его сподвижниками во Втором отделении С. Е. И. В. канцелярии, предполагал двухэтапный характер кодификационных работ, имевших целью охватить весь массив российского законодательства. Первым этапом стала кропотливая инкорпорация всего исторического пласта нормативных актов, результатом чего явилось издание в апреле 1830 г. 45-томного Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ РИ)²³. Этот колоссальный труд, построенный по хронологическому принципу и вместивший в себя более 30 тыс. законодательных актов, изданных с 1649 по 12 декабря 1825 г., послужил исчерпывающей и незаменимой источниковой базой для последующей, еще более сложной работы над Сводом действующих законов. Полное собрание законов РИ, как подчеркивают Т. В. Шатковская и Е. Ю. Клеветова, формировало «определенное представление о состоянии законодательства за два столетия»²⁴. В процессе его составления оттачивались и совершенствовались приемы упорядочения узаконений, что было критически важно для последующего отбора и первоначальной аналитической обработки массива актов, включая и те многочисленные, что регулировали различные аспекты сферы государственного управления. Параллельно с составлением ПСЗ РИ велась интенсивная работа над Сводом законов Российской империи (СЗ РИ), который после всесторон-

²¹ Слободянюк И. П. Российский ученый М. М. Сперанский и его вклад в создание свода законов Российской империи // Российский судья. 2013. № 9. С. 32.

²² См.: Абдиева Д. А. Систематизация законодательства в условиях перехода к новому технологическому укладу : дис. ... канд. наук. М., 2024. С. 31.

²³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г. СПб. : Тип. 2 Отделения С. Е. И. В. канцелярии, 1830–1851.

²⁴ Шатковская Т. В., Клеветова Е. Ю. Указ. соч. С. 49.

него рассмотрения Государственным советом 10 января 1832 г. был введен в действие императорским указом с 1 января 1835 г.²⁵ В отличие от ПСЗ РИ, Свод законов РИ, состоявший из 15 объемных томов, сгруппированных в восемь книг, строился, хотя и не всегда с абсолютной и безупречной последовательностью, уже по отраслевому принципу, что само по себе являлось значительным шагом вперед. Именно в рамках этой новой, отраслевой систематизации административное законодательство получило формальное и обособленное закрепление, что знаменовало важный этап в его становлении.

Нормы, регулирующие государственное управление и административную деятельность, были рассредоточены по различным томам и книгам СЗ РИ, отражая многообразие управленческих функций государства. А. В. Мицкевич прямо указывает, что в результате титанического труда Второго отделения С. Е. И. В. канцелярии административное законодательство было должным образом кодифицировано и нашло свое отражение в томах XIII–XIV СЗ РИ, посвященных уставам государственного благочиния и путей сообщения²⁶. П. М. Майков уточняет, что книга первая СЗ РИ содержала в основном законы об органах власти и управления, а также о государственной службе; вторая — уставы о повинностях, имевшие значительный административный компонент; третья — Устав казенного управления, включавший уставы о податях, пошлинах и других фискальных сборах, неразрывно связанных с административной деятельностью; шестая — уставы государственного благоустройства, регламентировавшие деятельность кредитных установлений, торговлю и промышленность под надзором государства; седьмая — уставы благочиния, такие как уставы о народном продовольствии, общественном призрении и Врачебный устав²⁷. А. Н. Чашин

также обращает внимание на то, что том XIV СЗ РИ содержал уставы о паспортах, о цензуре и о предупреждении и пресечении преступлений (которые часто имели административно-превентивный характер)²⁸. Совокупность этих норм и составляла кодифицированное административное (или, в терминологии того времени, полицейское, благочинническое и управленческое) право. Такой подход, заключающийся в дополнении общего полиотраслевого свода административно-правовыми нормами, отражал как достигнутый уровень развития правовой науки, так и насущную практическую потребность в систематизации всего действующего законодательства. Представляется, что это был единственно возможный и наиболее эффективный путь для своего времени, позволивший, несмотря на определенную рассредоточенность материала, придать административному законодательству большую системность, доступность и обеспечить его единообразное применение на практике.

Доктринальная оценка осуществленных под руководством М. М. Сперанского масштабных кодификационных работ и созданного в результате СЗ РИ весьма многогранна и не лишена дискуссионных моментов. Н. С. Бацвин рассматривает успешную кодификацию административного законодательства в рамках СЗ РИ (особенно в т. XIII–XIV) как неоспоримое свидетельство существования в этот период административного права в качестве отдельной, уже вполне оформившейся отрасли российского права²⁹. Сходную позицию занимает и С. В. Кодан, констатирующий, что систематизация права, проведенная под эгидой М. М. Сперанского, имела огромное значение, поскольку она привела к формированию и обособлению специальных отраслей законодательства и, по сути, завершила процесс формирования основных отраслей

²⁵ Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. [СПб.], 1832.

²⁶ *Мицкевич А. В.* Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 158.

²⁷ *Майков П. М.* О своде законов Российской империи. М.: Зерцало-М, 2014. С. 32.

²⁸ *Чашин А. Н.* Указ. соч. С. 173.

²⁹ *Бацвин Н. С.* Указ. соч. С. 20.

отечественного права, включая государственное и административное³⁰. Однако в научной среде высказываются и критические оценки отдельных аспектов этой кодификации. Так, А. Н. Самарский, признавая сам факт и значимость систематизации, указывает на существенные недостатки юридической техники кодифицированного материала, в частности на казуальность СЗ РИ, неопределенность и стилистическую неуклюжесть формулировок³¹. С нашей точки зрения, отмеченные А. Н. Самарским технические и стилистические недочеты действительно имели место, но они не способны умалить колоссального историко-правового значения успешного завершения систематизации, которая обеспечила столь необходимую правовую определенность и стабильность правоприменения на многие десятилетия вперед, в том числе и в административной сфере.

Сам М. М. Сперанский, как утверждают Т. М. Баженова и С. В. Кодан, рассматривал создаваемый им СЗ РИ не просто как механическую инкорпорацию или собрание существующих актов, а как своего рода сводное уложение. Под этим он понимал «уложение известной части законов, приведенных в простой и удобный порядок, с отменой всего недействующего и с соглашением противоречий». Этот подход, очевидно, подразумевал не только собирание и хронологическое или тематическое расположение материала, но и аналитическую переработку, отбор действующих норм и устранение явных коллизий, хотя и без создания принципиально нового по содержанию права³². Такой методологический принцип был в полной мере применим и к административно-правовым нормам, которые были включены в соответствующие тома СЗ РИ.

Кроме того, А. А. Александров усматривал в деятельности М. М. Сперанского и его законодательных трудах стремление через правовые механизмы гарантировать свободу воли индивида, его права, прежде всего право собственности, что свидетельствует о либеральных интенциях в его кодификационной работе, пусть и реализованных в рамках самодержавной системы³³. На наш взгляд, М. М. Сперанский, действуя в сложных условиях абсолютной монархии, стремился максимально рационализировать и упорядочить правовую систему, что объективно способствовало укреплению начал законности и могло служить прочной основой для правового развития российского общества и государства, включая и совершенствование административно-правового регулирования.

Важнейшей и показательной стороной опыта кодификации административного законодательства в Российской империи является целенаправленная деятельность М. М. Сперанского по созданию и упорядочению регионального законодательства, наиболее ярко и полно проявившаяся в разработке Учреждения для управления сибирских губерний и областей 1822 г. (далее — Сибирское учреждение 1822 г.)³⁴ и целого пакета сопутствующих ему специальных уставов и положений. Как подчеркивает И. А. Коновалов, М. С. Сперанский в период своего пребывания на посту сибирского генерал-губернатора на основе глубокого анализа и личной ревизии пришел к твердому убеждению в практической непригодности общего губернского законодательства 1775 г. для специфических и сложных условий Сибири. Он видел корень многочисленных злоупотреблений и неэффективности управления именно в отсутствии законности и произволе чиновников. Сибир-

³⁰ Кодан С. В. Свод законов Российской империи. Место и роль в развитии юридической техники и систематизации законодательства в России в XIX — начале XX века // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 189.

³¹ Самарский А. Н., Жуланов А. В. Совершенствование законодательства Российской империи в первой половине XIX века: свод законов Российской империи // Философия права. 2020. № 1 (92). С. 103.

³² Баженова Т. М., Кодан С. В. Свод законов Российской империи (к 175-летию издания) // Российский юридический журнал. 2008. № 3 (60). С. 118.

³³ Александров А. А. Философия реформ в России и Западной Европе: взгляды М. М. Сперанского // Новый исторический вестник. 2001. № 4. С. 80.

³⁴ Из Учреждения для управления сибирских губерний, 22 июня 1822 г. // ПСЗ РИ. Т. 38. № 29125. С. 345–394.

ское учреждение 1822 г. стало для М. М. Сперанского и его ближайших сотрудников первым практическим опытом подготовки свода законов, который по времени даже опередил начало общеимперской кодификации и может рассматриваться как первая в истории страны систематизация регионального законодательства³⁵. Это была новаторская и смелая попытка комплексного нормативного регулирования административно-территориального устройства и всех основных аспектов управления огромным и стратегически важным регионом, учитывающая его уникальные геополитические, экономические, этноконфессиональные и социально-бытовые особенности. Такой подход, который Л. М. Дамешек и И. Л. Дамешек определяют как проявление политики имперского регионализма, демонстрирует глубокое понимание М. М. Сперанским насущной необходимости дифференцированного правового регулирования в условиях многосоставной и полиэтничной империи и является ярким примером гибкого и творческого применения кодификационных принципов³⁶. Именно такой взвешанный подход, сочетающий унификацию с учетом специфики, позволил создать жизнеспособную систему управления для Сибири.

Сибирское учреждение 1822 г., как отмечает И. В. Упоров, представляло собой внушительный пакет из 13 взаимосвязанных законов общим объемом около 350 страниц, ядром которого стало Учреждение для управления сибирских губерний. Этот основополагающий акт устанавливал новую, более рациональную административно-территориальную организацию (разделение Сибири на Западное и Восточное генерал-губернаторства, определение состава губерний и областей) и четкую иерархию управленческих

структур (главное управление, губернское, окружное, волостное и инородное)³⁷. Оно дополнялось рядом специализированных уставов, таких как Устав об управлении инородцев, который, по оценке И. А. Коновалова, стал самым значительным дореволюционным нормативным актом в отношении коренных сибирских народов и действовал с изменениями вплоть до начала XX в.; Устав о ссыльных, впервые предпринявший попытку упорядочить систему ссылки; Устав об этапах, регулировавший порядок конвоирования, и др.³⁸ Л. М. Дамешек и И. Л. Дамешек указывают, что Сибирское учреждение (в широком смысле, как комплекс актов) состояло из 10 законов, насчитывающих свыше 4 тыс. параграфов, и отличалось исключительно высоким для своего времени качеством проработки юридического материала³⁹. Этот уникальный опыт региональной кодификации, основанный на принципах разделения властей (насколько это было возможно при самодержавии), самостоятельной функциональной роли каждой ветви власти в системе управления, а также глубоком учете местных особенностей, на длительный период определил структуру сибирской администрации и основные направления правительственной политики в регионе. По нашему убеждению, сибирские реформы М. М. Сперанского — выдающийся пример новаторского и творческого подхода к кодификационной деятельности, когда общие принципы систематизации и упорядочения законодательства были успешно адаптированы к специфическим потребностям управления обширной, удаленной и сложной в этнокультурном отношении территорией. Это продемонстрировало возможность эффективного сочетания государственной централизации с разумным учетом

³⁵ См.: Коновалов И. А. «Учреждение для управления сибирских губерний» 1822 г. — первый опыт кодификации М. М. Сперанского // Правоприменение. 2021. № 1. С. 36.

³⁶ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 426. С. 90.

³⁷ Упоров И. В. Учреждения для управления сибирских губерний и другие акты Российской империи 200 лет назад (в июле 1822 года) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7-1. С. 250.

³⁸ Коновалов И. А. Указ. соч. С. 38.

³⁹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Указ. соч. С. 91.

насуточных региональных нужд и особенностей, что имело огромное значение для обеспечения управляемости и развития Сибири в составе Российской империи.

Опыт кодификации административного законодательства в Российской империи — сложный, многоэтапный процесс, сопряженный с рядом системных проблем, детерминированных как объективными условиями развития государства и права, так и спецификой правотворческой деятельности в разные исторические периоды. Одной из ключевых проблем была фрагментарность и казуистичность административно-правового регулирования, проистекавшая из первоначального отсутствия единого кодификационного замысла и ориентации на систематизацию лишь отдельных, наиболее актуальных сфер государственного управления, что было характерно для эпохи петровских преобразований. Даже последующие, более масштабные кодификационные инициативы, такие как Устав благочиния, страдали от декларативности отдельных положений, нечеткости в разграничении компетенций органов, в частности полицейских и судебных, и внутренних противоречий, что было вызвано не только уровнем развития юридической техники того времени, но и объективными ограничениями абсолютистского строя с его неразвитой системой разделения властей и недостаточной

подготовленностью чиновничьего аппарата. Несмотря на заметный прогресс, достигнутый в ходе министерской реформы начала XIX в. и создания Общего учреждения министерств, сохранялась проблема неполной реализации замыслов и разрыва между теоретическими разработками и практическим воплощением. Кульминацией кодификационных усилий стало создание СЗ РИ, в рамках которого административное законодательство получило формальное обособление, но и здесь проявились такие недостатки, как рассредоточенность административно-правовых норм по разным томам и казуальность и стилистическая несовершенство формулировок, что объяснялось фундаментальным подходом составителей, ориентированных на систематизацию и консолидацию уже существующего (зачастую архаичного) правового материала, а не на создание кардинально нового законодательства. Вместе с тем успешный опыт региональной кодификации — создания Сибирского учреждения 1822 г. — показал, что глубокий анализ специфических условий и потребностей конкретных территорий мог приводить к созданию более жизнеспособных и эффективных нормативных актов, однако этот подход не всегда последовательно применялся в масштабах всей империи, что также было причиной проблем в унификации и эффективности административного законодательства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдиева Д. А. Систематизация законодательства в условиях перехода к новому технологическому укладу : дис. ... канд. наук. — М., 2024. — 192 с.
2. Александров А. А. Философия реформ в России и Западной Европе: взгляды М. М. Сперанского // Новый исторический вестник. — 2001. — № 4. — С. 75–81.
3. Анучин Е. Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России, с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени : сост. по распоряжению министра вн. дел чиновником особых поручений при министре Е. Анучиным. — СПб. : Тип. М-ва вн. дел, 1872. — 238 с.
4. Баженова Т. М., Кодан С. В. Свод законов Российской империи (к 175-летию издания) // Российский юридический журнал. — 2008. — № 3 (60). — С. 110–119.
5. Бацвин Н. С. К вопросу зарождения и развития института рассмотрения дел об административных правонарушениях в России // История государства и права. — 2009. — № 4. — С. 16–20.
6. Буякин Н. Е. Концепция становления и развития административного права в России : монография. — Б. м. : ЭБС «ЮристЛиб», 2002. — 148 с.

7. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Сибирская реформа М. М. Сперанского 1822 г. как проявление принципов имперского регионализма // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 426. — С. 88–93.
8. Ежов М. В., Ежова Г. В. История государственного управления и государственной службы России : учеб. пособие. — СПб. : ИВЭСЭП ; Знание, 2004. — 236 с.
9. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Высшая школа, 1983. — 352 с.
10. Ключевский В. О. Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. — М. : Мысль, 1989. — Т. 5 : Курс русской истории / послесл. и коммент., сост.: В. А. Александров, В. Г. Зимица. — 476 с.
11. Кодан С. В. Свод законов Российской империи. Место и роль в развитии юридической техники и систематизации законодательства в России в XIX — начале XX века // Юридическая техника. — 2007. — № 1. — С. 178–191.
12. Коновалов И. А. «Учреждение для управления сибирских губерний» 1822 г. — первый опыт кодификации М. М. Сперанского // Правоприменение. — 2021. — № 1. — С. 32–39.
13. Майков П. М. О Своде законов Российской империи. — М. : Зерцало-М, 2014. — 294 с.
14. Мицкевич А. В. Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. — 2001. — № 5. — С. 154–160.
15. Плотникова Г. Н., Плотников С. Н. Пермское письмо М. М. Сперанского императору Александру I // Культурный код. — 2021. — № 2. — С. 52–57.
16. Самарский А. Н., Жуланов А. В. Совершенствование законодательства Российской империи в первой половине XIX века: свод законов Российской империи // Философия права. — 2020. — № 1 (92). — С. 100–104.
17. Слободянюк И. П. Российский ученый М. М. Сперанский и его вклад в создание Свода законов Российской империи // Российский судья. — 2013. — № 9. — С. 31–34.
18. Упоров И. В. Учреждения для управления сибирских губерний и другие акты Российской империи 200 лет назад (в июле 1822 г.) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2022. — № 7-1. — С. 248–252.
19. Феднева Н. Л. К вопросу о предпосылках институализации полицейского права в Российской империи // Право и политика: история и современность : материалы Девятой международной научно-практической конференции, Омск, 25–26 ноября 2021 г. / пред. редкол. С. К. Буряков. — Омск : Омская академия МВД РФ, 2022. — С. 130–133.
20. Чашин А. Н. Кодификационные акты дореволюционной России // Вопросы гуманитарных наук. — 2007. — № 1 (28). — С. 170–173.
21. Шатковская Т. В., Клеветова Е. Ю. Исторические формы техники российской кодификации (на примере Свода законов Российской империи) // Вестник ПАГС. — 2024. — № 3. — С. 44–55.

Материал поступил в редакцию 17 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abdieva D. A. Sistematzatsiya zakonodatelstva v usloviyakh perekhoda k novomu tekhnologicheskomu ukladu: dis. ... kand. nauk. — M., 2024. — 192 s.
2. Aleksandrov A. A. Filosofiya reform v Rossii i Zapadnoy Evrope: vzglyady M. M. Speranskogo // Novyy istoricheskiy vestnik. — 2001. — № 4. — S. 75–81.
3. Anuchin E. N. Istoricheskiy obzor razvitiya administrativno-politseyskikh uchrezhdeniy v Rossii, s Uchrezhdeniya o guberniyakh 1775 g. do poslednego vremeni: sost. po rasporyazheniyu ministra vn. del chinovnikom osobykh porucheniy pri ministre E. Anuchinym. — SPb.: Tip. M-va vn. del, 1872. — 238 s.

4. Bazhenova T. M., Kodan S. V. Svod zakonov Rossiyskoy imperii (k 175-letiyu izdaniya) // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2008. — № 3 (60). — S. 110–119.
5. Batsvin N. S. K voprosu zarozhdeniya i razvitiya instituta rassmotreniya del ob administrativnykh pravonarusheniyakh v Rossii // Istoriya gosudarstva i prava. — 2009. — № 4. — S. 16–20.
6. Bunyakin N. E. Kontseptsiya stanovleniya i razvitiya administrativnogo prava v Rossii: monografiya. — B. m.: EBS «YuristLib», 2002. — 148 s.
7. Dameshek L. M., Dameshek I. L. Sibirskaya reforma M. M. Speranskogo 1822 g. kak proyavlenie printsipov imperskogo regionalizma // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2018. — № 426. — S. 88–93.
8. Ezhov M. V., Ezhova G. V. Istoriya gosudarstvennogo upravleniya i gosudarstvennoy sluzhby Rossii: ucheb. posobie. — SPb.: IVESEP; Znanie, 2004. — 236 s.
9. Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii: uchebnik. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: Vysshaya shkola, 1983. — 352 s.
10. Klyuchevskiy V. O. Sochineniya: v 9 t. / pod red. V. L. Yanina. — M.: Mysl, 1989. — T. 5: Kurs russkoy istorii / poslesl. i komment., sost.: V. A. Aleksandrov, V. G. Zimina. — 476 s.
11. Kodan S. V. Svod zakonov Rossiyskoy imperii. Mesto i rol v razvitii yuridicheskoy tekhniki i sistematizatsii zakonodatelstva v Rossii v XIX — nachale XX veka // Yuridicheskaya tekhnika. — 2007. — № 1. — S. 178–191.
12. Konovalov I. A. «Uchrezhdenie dlya upravleniya sibirskikh guberniy» 1822 g. — pervyy opyt kodifikatsii M. M. Speranskogo // Pravoprimerenie. — 2021. — № 1. — S. 32–39.
13. Maykov P. M. O Svode zakonov Rossiyskoy imperii. — M.: Zertsalo-M, 2014. — 294 s.
14. Mitskevich A. V. Sistematizatsiya zakonov Rossiyskoy imperii M. M. Speranskim // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2001. — № 5. — S. 154–160.
15. Plotnikova G. N., Plotnikov S. N. Permskoe pismo M. M. Speranskogo imperatoru Aleksandru I // Kulturnyy kod. — 2021. — № 2. — S. 52–57.
16. Samarskiy A. N., Zhulanov A. V. Sovershenstvovanie zakonodatelstva Rossiyskoy imperii v pervoy polovine XIX veka: svod zakonov Rossiyskoy imperii // Filosofiya prava. — 2020. — № 1 (92). — S. 100–104.
17. Slobodyanyuk I. P. Rossiyskiy uchenyy M. M. Speranskiy i ego vklad v sozdanie Svoda zakonov Rossiyskoy imperii // Rossiyskiy sudya. — 2013. — № 9. — S. 31–34.
18. Uporov I. V. Uchrezhdeniya dlya upravleniya sibirskikh guberniy i drugie akty Rossiyskoy imperii 200 let nazad (v iyule 1822 g.) // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. — 2022. — № 7-1. — S. 248–252.
19. Fedneva N. L. K voprosu o predposylkakh instutualizatsii politseyskogo prava v Rossiyskoy imperii // Pravo i politika: istoriya i sovremennost: materialy Devyatoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Omsk, 25–26 noyabrya 2021 g. / pred. redkol. S. K. Buryakov. — Omsk: Omskaya akademiya MVD RF, 2022. — S. 130–133.
20. Chashin A. N. Kodifikatsionnye akty dorevolutsionnoy Rossii // Voprosy gumanitarnykh nauk. — 2007. — № 1 (28). — S. 170–173.
21. Shatkovskaya T. V., Klevetova E. Yu. Istoricheskie formy tekhniki rossiyskoy kodifikatsii (na primere Svoda zakonov Rossiyskoy imperii) // Vestnik PAGES. — 2024. — № 3. — S. 44–55.

Правовое регулирование наличных расчетов по внешнеторговым контрактам в современных условиях

Аннотация. Работа посвящена специфике правового регулирования наличных расчетов по внешнеторговым контрактам в условиях санкционных ограничений недружественных государств. Установлено, что в связи с искусственно создаваемыми санкционными ограничениями законодательство о валютном регулировании и валютном контроле в Российской Федерации реализует параллельно с основными правилами систему международных расчетов наличными денежными средствами. Определено, что в результате вынужденного для российского государства допуска такой формы расчетов происходят системные изменения базовых правил валютного регулирования и валютного контроля. Фактически формируются две системы правового регулирования валютных расчетов, институт таможенного декларирования наличной выручки по внешнеторговому контракту становится обязательным элементом системы валютных расчетов. Автор приходит к выводу о возникновении новой парадигмы существования двух систем валютного регулирования в целом и системы источников финансового права в частности.

Ключевые слова: валютное регулирование; валютные расчеты; наличный расчет по внешнеторговым контрактам; таможенное декларирование наличной выручки по внешнеторговому контракту; источники финансового права; санкционные ограничения; репатриация; таможенное законодательство; валютный контроль; обязанности резидента; компетенция таможенных органов

Для цитирования: Турова А. В. Правовое регулирование наличных расчетов по внешнеторговым контрактам в современных условиях // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 44–50. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.044-050

© Турова А. В., 2026

* Турова Анастасия Владимировна, кандидат юридических наук, профессор кафедры трудового и экологического права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, исполняющий обязанности заведующего кафедрой международного публичного и частного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, федеральный тренер Школы экспорта Российского экспортного центра
п. Аякс, д. 10, о. Русский, г. Владивосток, Российская Федерация, 690922
turova.av@dvfu.ru

The Legal Regulation of Cash Settlements under International Trade Contracts in the Contemporary Context

Anastasia V. Turova, Cand. Sci. (Law), Professor, Department of Labor and Environmental Law, School of Law, Far Eastern Federal University; Acting Head of the Department of International Public and Private Law, School of Law, Far Eastern Federal University; Federal Trainer, Export School of the Russian Export Center; Vladivostok, Russian Federation
turova.av@dvfu.ru

Abstract. The paper examines the specifics of legal regulation of cash settlements under foreign-trade contracts in the context of sanctions imposed by unfriendly states. It is established that, owing to artificially created sanctions, the legislation on foreign-exchange regulation and foreign-exchange control in the Russian Federation has implemented a system of international cash settlements running parallel to the primary legal regime. It is determined that the compelled authorization of this form of settlement has led to systemic changes in the fundamental principles of currency regulation and currency control. In effect, two systems of legal regulation of currency settlements are emerging, and the institution of customs declaration of cash proceeds under foreign trade contracts is becoming a mandatory element of the currency settlement framework. The author concludes that a new paradigm has emerged characterized by the coexistence of two systems of foreign-exchange regulation in general and, more specifically, by a duality in the system of sources of financial law.

Keywords: currency regulation; currency settlements; cash settlement under foreign trade contracts; customs declaration of cash proceeds under a foreign trade contract; sources of financial law; sanctions restrictions; repatriation; customs legislation; currency control; resident duties; competence of customs authorities

Cite as: Turova AV. The Legal Regulation of Cash Settlements under International Trade Contracts in the Contemporary Context. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):44-50. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.044-050

На современном этапе внешнеэкономическая деятельность российских предпринимателей существенно осложнена значительным числом ограничений, вызванных сложившейся политической и экономической ситуацией. Ограничительные меры недружественных стран не только ограничивают возможности экспорта и импорта отдельных категорий товаров соответствующих кодов ТН ВЭД, но и осложняют проведение взаимных валютных операций между российскими резидентами и нерезидентами этих стран. Вместе с тем, невзирая на вновь и вновь вводимые в одностороннем порядке принудительные меры, экономическое взаимодействие между предпринимателями разных стран не прекращается, внешнеторговые контракты продолжают заключаться, а стороны таких контрактов с обеих сторон находят способы для обхода установленных

санкционных ограничений, и экспортно-импортные потоки продолжают свое движение.

Адаптироваться к сложившимся политическим и экономическим реалиям вынуждены не только предприниматели, но и государство, в том числе в части регулирования валютных расчетов своих резидентов.

Традиционный подход к валютным расчетам, вытекающий из положений ст. 19 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»¹, возлагает на российских резидентов обязанность обеспечить в сроки, установленные внешнеторговым контрактом, поступление на свои счета в уполномоченных банках иностранной валюты или валюты РФ, причитающейся по экспортным контрактам за переданные товары, выполненные работы, оказанные услуги, а также за передачу информации и результатов интеллектуальной

¹ СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

деятельности, включая исключительные права. При этом должно исполняться базовое правило о соблюдении надлежащей формы расчетов: расчеты между резидентами и нерезидентами проводятся между счетами, предусмотренными соответствующими внешнеторговыми контрактами. Данное правило одинаково применимо при осуществлении расчетов как по импортным, так и по экспортным контрактам или договорам займа между резидентами и нерезидентами. Экспортер обязан обеспечить получение соответствующих средств на счета в уполномоченных банках по реквизитам, указанным в тексте экспортного контракта, импортер — поступление оплаченных им товаров, а займодавец — возврат денежных средств, переданных заемщику, в срок, предусмотренный договором займа.

Наибольшее внимание в такой экономической и политической ситуации законодатель уделяет вопросам репатриации выручки по внешнеторговым контрактам, заключенным российскими участниками ВЭД. И не отказываясь от базовых принципов регулирования валютных расчетов, и не отменяя указанные выше правила, государство с учетом принятых в отношении Российской Федерации и предпринимателей из России ограничительных мер, которые существенно затрудняют проведение взаимных валютных операций между российскими резидентами и нерезидентами, предусматривает отклонения от базовых требований ст. 19 Закона о валютном регулировании и валютном контроле.

Так, Указ Президента РФ от 08.08.2022 № 529 «О временном порядке исполнения обязательств по договорам банковского счета (вклада), выраженных в иностранной валюте, и обязательств по облигациям, выпущенным иностранными организациями»² установил, что при осуществлении внешнеторговой деятельности российскими юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями не применяются требования абз. 1 ч. 2 ст. 14, ч. 1 и 2 ст. 19 вышеупомянутого Закона в части обя-

зательной формы расчетов. В связи с этим на текущем этапе допускаются зачет взаимных требований и обязательств с нерезидентами, замена обязательств (новация), а также проведение расчетов между резидентами и нерезидентами наличными денежными средствами.

Кроме того, еще через четыре месяца после принятия Указа Президента РФ от 08.08.2022 № 529 постановлением Правительства РФ от 26.12.2022 № 2433³ утверждены Правила осуществления между резидентами и нерезидентами расчетов наличными денежными средствами, согласно которым резиденты вправе получать от нерезидентов наличную иностранную валюту и (или) наличную валюту РФ в сумме, причитающейся по внешнеторговым контрактам за поставленные товары, выполненные работы, оказанные услуги, а также за передачу информации и результатов интеллектуальной деятельности, включая исключительные права. Из содержания Правил следует, что расчеты наличными допускаются:

- как валютная выручка по экспортным контрактам;
- возврат аванса по импортным контрактам;
- средства, подлежащие получению по договору займа, когда резидент предоставлял заем нерезиденту.

Если такие наличные получены за пределами РФ, резидент имеет право:

- напрямую (без зачисления на счета в банках за рубежом или в российских банках) рассчитаться полученными наличными денежными средствами по внешнеторговым контрактам в целях импорта товаров на территорию РФ;
- произвести зачисление наличных денежных средств, полученных в качестве выручки по экспортному контракту, на счета в банках за рубежом;
- ввезти полученные в качестве выручки по экспортному контракту наличные денежные средства на территорию РФ в соответствии с требованиями ТК ЕАЭС⁴ и Федеральным законом от

² СЗ РФ. 2022. № 33. Ст. 5887.

³ СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 252.

⁴ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. 9 января 2018 г. № 0001201801090004.

03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵. При этом ввоз наличных в счет исполнения обязательств по внешнеторговым контрактам осуществляется с подачей декларации на товары (ДТ), форма и порядок заполнения которой утверждены решением Комиссии Таможенного союза от 20.05.2010 № 257⁶.

Применение в отношении ввозимых на территорию ЕАЭС наличных денежных средств по внешнеторговым контрактам ДТ обусловлено прежде всего тем, что в контексте требований пп. 45 п. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС под товаром понимается любое движимое имущество, в том числе валюта государств — членов ЕАЭС, валютные ценности, и в части таможенного декларирования на наличные денежные средства распространяются общие требования права ЕАЭС в сфере таможенного регулирования.

Данный подход законодателя объясняется также тем, что общий порядок декларирования наличных денежных средств с применением ДТ является следствием необходимости со стороны ФТС России обеспечивать передачу уполномоченному банку в электронном виде информации о ДТ и тем самым способствовать идентификации наличных денежных средств уполномоченным банком как денежных средств, поступивших в рамках исполнения обязательств по внешнеторговому контракту. Если в рамках исполнения обязательств по контракту ввозится различная валюта (доллары США (840), рубли (643), евро (978), юани (156) и др.), то на каждый вид валют необходимо подавать отдельную ДТ. При подаче ДТ в отношении такой валюты и использовании ее на таможенной территории ЕАЭС декларанту необходимо корректно определить, помещению под какую именно таможенную процедуру подлежат наличные денежные средства.

В соответствии с основными правилами интерпретации товаров наличные денежные средства, перемещаемые через границу РФ в целях исполнения обязанности резидента по возврату валютной выручки или авансового платежа по внешнеторговому контракту, надлежит в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС классифицировать кодом 4907 00 300 0 «Банкноты».

В соответствии с Единым таможенным тарифом ЕАЭС базовая ставка ввозной таможенной пошлины в отношении ввозимых на территорию РФ банкнот составляет 0 %. Что касается уплаты НДС, исчисляемого при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС, то в случае, когда ввозимые банкноты являются законным средством платежа и данная информация дополнительно к коду ТН ВЭД 4907 00 300 0 отражена в графе 44 ДТ, в соответствии с абз. 10 п. 13 Инструкции о порядке применения таможенными органами РФ НДС в отношении товаров, ввозимых на территорию РФ⁷, ввоз указанной категории товаров не подлежит налогообложению. Таможенной процедурой выбора при ввозе наличных денежных средств, поступивших в качестве выручки по внешнеторговому контракту, является таможенная процедура выпуска для внутреннего потребления (импорт 40), которая предусматривает возможность использования ввезенных на территорию ЕАЭС и помещенных под нее товаров без ограничений и без обязательств о последующем вывозе. Нужно отметить, что заявление касательно этой категории товара иных таможенных процедур по выбору декларанта законодательно не ограничено.

Исходя из п. 6 приказа ФТС России от 12.05.2011 № 971 «О компетенции таможенных органов по совершению таможенных операций в отношении драгоценных металлов и драгоценных камней»⁸, декларант должен заранее определить тот таможенный орган, который правомочен совершать операции с наличными денеж-

⁵ СЗ РФ. 2018. № 32 (ч. I). Ст. 5082.

⁶ Таможенный вестник. 2010. Июнь. № 12.

⁷ Приказ ГТК РФ от 07.02.2001 № 131 «Об утверждении Инструкции о порядке применения таможенными органами Российской Федерации налога на добавленную стоимость в отношении товаров, ввозимых на территорию Российской Федерации» // Налоги и бизнес. 2001. Июнь. № 11.

⁸ Российская газета. 27 июня 2011. № 136.

ными средствами, включая их помещение под различные таможенные процедуры. Для данной

категории товаров компетенция таможенных органов распределена следующим образом:

Регион деятельности	Наименование таможенного органа
Москва и Московская область	10009130. Таможенный пост Специализированный Центральной акцизной таможни
Санкт-Петербург и Ленинградская область	10009190. Северо-Западный акцизный таможенный пост (специализированный) Центральной акцизной таможни 10221010. Таможенный пост Пулковский 10221020. Таможенный пост Аэропорт Пулково
Смоленская область	10009230. Таможенный пост Смоленский акцизный Центральной акцизной таможни
Свердловская область	10502050. Таможенный пост Малахит (специализированный) Екатеринбургской таможни
Иные субъекты РФ	Центры электронного декларирования

Иные таможенные органы, в том числе расположенные в пунктах пропуска через государственную границу РФ, по рассматриваемой категории товаров осуществляют операции прибытия/убытия и при необходимости оформляют таможенный транзит. После завершения транзита, в соответствии с положениями ст. 152 ТК ЕАЭС, товары подлежат помещению на временное хранение или под иную таможенную процедуру путем подачи ДТ.

Помимо непосредственно самой обязанности резидента по репатриации валютной выручки необходимо после ввоза на территорию РФ наличных денежных средств строго соблюсти сроки:

- 30 рабочих дней в случае ввоза или получения наличных денежных средств (зачисление / продажа / внесение в кассу);
- 45 рабочих дней после осуществления наличных расчетов нерезидентом (представление подтверждения в банк).

Стоит подчеркнуть, что в целях идентификации полученной наличной выручки по внешне-торговым контрактам, помимо выполнения требований ТК ЕАЭС и решения от 20.05.2010 № 257 о форме декларации на товары и порядке ее заполнения, декларант обязан обеспечивать прослеживаемость перемещения наличных денежных средств в непосредственной связке с товарными поставками с документальным отражением такого перемещения в условиях внешне-торгового контракта, инвойсах, товаросопроводительных и иных коммерческих документах.

Несмотря на всё возрастающую актуальность, остается неисследованным на настоящий момент вопрос о допустимости декларирования наличной выручки по внешнеторговому контракту, ввозимой в сопровождаемом багаже сотрудником (должностным лицом) организации-резидента, в пассажирской таможенной декларации (ПТД). С одной стороны, выручка по внешнеторговому контракту фактически получена этим лицом на территории иностранного государства (например, при реализации товара на выставке) и может быть ввезена им при возвращении с выставки. И в целом механизм декларирования в рамках ПТД с учетом документов, подтверждающих основания получения и перемещения данных денежных средств, мог бы потенциально позволять идентифицировать эти денежные средства для целей валютного и таможенного контроля. Однако сама по себе процедура декларирования путем подачи ПТД предназначена в рамках требований действующего таможенного законодательства ЕАЭС исключительно для товаров, ввозимых физическими лицами с некоммерческими, личными целями. Базовым правилом применения ПТД является ее применение только для личного потребления. Действующие нормы ТК ЕАЭС и Закона о таможенном регулировании не допускают применения ПТД в коммерческом обороте. Представляется, что, когда сотрудник (должностное лицо) организации при пересечении таможенной границы ввозит в сопровождаемом багаже наличные денежные средства,

полученные им от имени юридического лица в качестве валютной выручки по внешнеторговому контракту, такая форма декларирования могла бы легально применяться таким физическим лицом для помещения товаров под таможенную процедуру таможенного транзита без ущерба для законных интересов государства. Тем не менее как базовыми нормами, регулирующими валютные расчеты между резидентами и нерезидентами, так и приведенными выше нормами подзаконных нормативных актов, введенных в условиях санкционных ограничений, этот вопрос оставлен без внимания.

Вместе с тем на основании распоряжения ФТС России от 08.07.2016 № 192-р «Об утверждении Временного порядка использования Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов при совершении таможенных операций в отношении товаров для личного пользования, перемещаемых в сопровождаемом, несопровождаемом багаже или доставляемых перевозчиком, с применением сведений, подаваемых в электронном виде»⁹ в ряде таможенных органов проводится эксперимент, предусматривающий возможность подачи ПТД в электронном виде на перечисленные в распоряжении таможенные посты. Анализ перечня предусмотренных данным распоряжением таможенных постов и сопоставление их с перечнем таможенных постов, утвержденных указанным выше приказом ФТС России от 12.05.2011 № 971, свидетельствует о том, что таможенный пост 10221010 Пулковский упомянут в обоих нормативных актах и мог бы стать пилотным таможенным постом с декларированием поступивших в рамках внешне-торговой сделки наличных денежных средств путем подачи пассажирской таможенной декларации в электронном виде. Использование Единой автоматизированной информационной системы таможенных органов (ЕАИС ТО) для декларирования ввозимых сотрудниками (представителями) резидентов в такой упрощенной форме наличных денежных средств в целом способно обеспечить передачу уполномоченному банку в электронном виде информации

о ПТД и не препятствует идентификации этих средств уполномоченным банком как денежных средств, поступивших в рамках исполнения обязательств по внешнеторговому контракту. А в случае ввоза наличных денежных средств через другие пункты пропуска использование ПТД на ввозимые наличные денежные средства в целях их помещения под таможенную процедуру транзита также не нарушает процесса идентификации ввезенных наличных денежных средств с внешнеторговым контрактом, а лишь требует нормативного урегулирования процедуры подтверждения полномочий лица, ввозящего наличные денежные средства в качестве выручки по внешнеторговому контракту или возврата авансового платежа, займа. Представляется, что использование такой таможенной операции, как ПТД, в том числе в электронной форме, могло бы существенно упростить имеющийся механизм перемещения и декларирования выручки, полученной в текущих политических и экономических условиях в наличной денежной форме.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в сложившейся обстановке модернизировать и развивать подходы к внешне-торговой деятельности вынуждены не только участники ВЭД, но и государство в целом. Законодательство устремляется за молниеносно меняющимися условиями внешней торговли, создавая конструкцию валютных расчетов российских экспортеров на период действия санкций недружественных государств. При этом законодатель, осознавая неклассический путь развития международных расчетов в текущий период времени, на наш взгляд, осознанно не вносит изменения в базовые нормативные правовые акты, регулирующие порядок осуществления валютных расчетов и порядок привлечения к ответственности за нарушения валютного законодательства РФ и актов органов валютного регулирования. Нормы, предназначенные для временного использования, вносятся в виде примечаний (например, нормы КоАП РФ), а не в виде норм, отменяющих (исключающих) те или иные базовые правила. Фактически одновременно существуют две парадигмы

⁹ Таможенные ведомости. 2016. № 12.

правового регулирования валютных расчетов, и в системе источников права возникает коллизия между двумя нормативными правовыми актами, различными по юридической силе. С одной стороны, продолжают действовать в полной мере нормы ст. 19 Закона о валютном регулировании и валютном контроле, а с другой — вступают в силу нормы постановления Правительства РФ от 26.12.2022 № 2433, создающие принципиально иные правила осуществления между резидентами и нерезидентами расчетов наличными денежными средствами. На вопрос о том, как соотносить данные правовые нормы по юридической силе, какова роль подобных подзаконных правовых актов, классическая теория источников финансового права уже не может предложить однозначного и беспелляционного ответа. Налицо проблема соотношения классических и новейших (санкционных) источников финансового права, которую еще предстоит осмыслить как теории финансового права, так и общей теории права.

Кроме того, когда законодатель, изменяя базовые правила валютных расчетов, допускает их осуществление между резидентами и нерезидентами наличными денежными средствами, институт таможенного декларирования наличных денежных средств с подачей декларации на товары при расчетах наличными денежными средствами в качестве валютной выручки по экспортным внешнеторговым договорам, в качестве возврата авансового платежа по импортным внешнеторговым контрактам или в качестве денежных средств, причитающихся в соответствии с условиями договора займа в случае предоставления займов резидентами нерезидентам, становится обязательным элементом осуществления валютных расчетов. Происходит имплементация института таможенного декларирования из таможенного права в систему финансового права как комплексного института права, что влечет за собой проникновение в систему источников финансового права Тамо-

женного кодекса ЕАЭС и Закона о таможенном регулировании. Вопрос о роли и месте института таможенного декларирования в системе финансового права также становится предметом для размышлений и концептуализации. А система источников таможенного права еще больше усложняется. С одной стороны, вертикаль традиционных источников финансового права России возглавляется Конституцией РФ, за которой на федеральном уровне следуют федеральные конституционные законы, федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, на региональном уровне — конституции, уставы и законы субъектов РФ, на местном — нормативные правовые акты органов местного самоуправления. С другой стороны, в контексте современного политического и экономического ландшафта в рамках валютного регулирования и валютного контроля формируется параллельная система источников, включающая международный источник права — ТК ЕАЭС, регулирующий порядок декларирования наличных денежных средств при осуществлении наличных расчетов между резидентами и нерезидентами, упомянутые выше Указ Президента РФ от 08.08.2022 № 529 и постановление Правительства РФ от 26.12.2022 № 2433, фактически устанавливающие правовые нормы, прямо противоречащие ст. 19 Закона о валютном регулировании и валютном контроле.

Представляется, что при нормализации политической и экономической ситуации временные правила в виде Указа Президента РФ от 08.08.2022 № 529, Правил осуществления между резидентами и нерезидентами расчетов наличными денежными средствами будут отменены и регулирование валютных расчетов в Российской Федерации вернется к традиционным правилам и нормам. Однако, невзирая на предполагаемый временный характер данных новаций, игнорировать те глубокие изменения, которые они несут на настоящем этапе, не представляется возможным.

Материал поступил в редакцию 23 декабря 2025 г.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.051-057

Д. И. Яковлев*

Федеральные стратегии, концепции и государственные программы как эффективные инструменты реализации национальных целей развития РФ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ правового регулирования жилищной поддержки семей в Российской Федерации как одного из ключевых элементов реализации национальных целей развития РФ. На основе системно-структурного, сравнительно-правового и иных методов выявляется многоуровневый характер нормативно-правовой базы, включающей в себя конституционные принципы, отраслевое законодательство, специальные федеральные законы, подзаконные акты и государственные стратегические документы. Особое внимание уделено правовому статусу семьи, жилищное благополучие которой рассматривается как условие устойчивого национального развития и достижения национальных целей развития РФ. Выявлены расхождения между декларируемыми государственными гарантиями и практикой их реализации, обусловленные несовершенством правового регулирования, дублированием полномочий и низкой правовой грамотностью населения. В заключение предложены научно обоснованные рекомендации по устранению пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: социальное государство; семейная политика; государственная поддержка семьи; национальные цели развития государства; бюджетно-правовое обеспечение; материнский капитал; льготное жилищное кредитование; стратегия развития; финансово-правовое обеспечение; проблемы правового регулирования; государственная политика Президента РФ; финансовое право; бюджетное право

Для цитирования: Яковлев Д. И. Федеральные стратегии, концепции и государственные программы как эффективные инструменты реализации национальных целей развития РФ // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 51–57. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.051-057

Federal Strategies, Policy Concepts, and State Programs as Effective Instruments for the Implementation of the National Development Goals of the Russian Federation

Dmitry I. Yakovlev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Finance, Banking and Customs Law named after Professor N.I. Khimicheva, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
yd7878@yandex.ru

Abstract. The paper provides a comprehensive analysis of the legal regulation of housing support for families in the Russian Federation as a key element in the implementation of national development goals of the Russian

© Яковлев Д. И., 2026

* Яковлев Дмитрий Иванович, кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Н.И. Химичевой Саратовской государственной юридической академии
Чернышевского ул., д. 104, г. Саратов, Российская Федерация, 410028
yd7878@yandex.ru

Federation. Drawing on systemic and structural, comparative legal, and other methodological approaches, the study identifies the multi-level nature of the regulatory framework, encompassing constitutional principles, sectoral legislation, special federal statutes, subordinate regulations, and state strategic policy documents. Particular attention is devoted to the legal status of the family, whose housing well-being is regarded as a prerequisite for sustainable national development and the achievement of national development objectives. The paper reveals discrepancies between declared state guarantees and their practical implementation, attributable to deficiencies in legal regulation, duplication of competences, and low levels of legal literacy among the population. The author provides scientifically grounded recommendations aimed at eliminating gaps in the legislation.

Keywords: welfare state; family policy; government support for the family; national development goals of the state; budget and legal support; maternity capital; preferential housing lending; development strategy; financial and legal support; problems of legal regulation; state policy of the President of the Russian Federation; financial law; budgetary law

Cite as: Yakovlev DI. Federal Strategies, Policy Concepts, and State Programs as Effective Instruments for the Implementation of the National Development Goals of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):51-57. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.051-057

Конституционное провозглашение Российской Федерации социальным государством (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ¹) предполагает не только формальное признание прав, но и создание условий для их реализации.

Семья в соответствии с национальными целями развития РФ рассматривается не как изолированная ячейка, а как своего рода посредник между человеком и государством, через которого осуществляется передача ценностей, ресурсов и идентичности.

В этом контексте жилищное обеспечение многодетных и молодых семей приобретает особый статус: оно трансформируется из элемента социальной защиты в инструмент поддержки демографического развития в государстве. Однако реализация конституционных гарантий в социальной сфере сталкивается с фундаментальной проблемой: декларация права, как показывает практика, еще не означает его юридической обеспеченности.

Анализ действующих нормативных правовых актов показал, что в настоящее время существует достаточно большое количество федеральных стратегий, концепций и государственных программ, обеспечивающих исполнение нацио-

нальных целей развития РФ, но они закреплены в различных нормативных правовых актах, которые зачастую содержатся во многих отраслях российского права.

В свете вышеизложенного целесообразно проанализировать и обобщить весь спектр указанных мер поддержки, предоставляемых гражданам, имеющим право на получение помощи от государства в сфере обеспечения жильем, и их правовое закрепление.

Современная система правового регулирования жилищной поддержки многодетных, малообеспеченных и молодых семей — достаточно многослойная конструкция.

Статьей 2 Жилищного кодекса РФ² гарантировано право граждан на жилище, реализуемое через комплекс мер государственной жилищной политики. К таким мерам относятся: целевое финансирование за счет средств бюджетов различных уровней с целью улучшения жилищных условий населения; предоставление жилых помещений из государственного и муниципального жилищного фонда на условиях социального найма либо по договорам найма; стимулирование объемов жилищного строительства; установление механизмов контроля за

¹ Конституция РФ, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 дек. ; СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

² Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 04.11.2025) // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14 ; официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 4 ноября 2025 г.

рациональным использованием, сохранностью жилищного фонда и осуществлением государственного жилищного надзора.

Семейный кодекс РФ³ содержит положения, связанные с жильем для семей, а также регламентирует совместную собственность супругов. В статье 34 закреплены права супругов на имущество, нажитое в браке, а в ст. 36 — на имущество, нажитое до брака, к которому относятся и жилые помещения.

Гражданский кодекс РФ⁴ регламентирует отношения, касающиеся права собственности и найма жилых помещений (гл. 18 и 35).

Земельным кодексом РФ⁵ регулируются вопросы использования и охраны земельных участков семьями. Ключевой момент — возможность предоставления земельных участков многодетным семьям на бесплатной основе в собственность, предусмотренная статьей 39.5.

В улучшении жилищных условий нуждается каждая вторая молодая и многодетная семья в России⁶, и именно данной категории населения необходима особая поддержка со стороны государства. Одно из направлений социальной поддержки семей — меры по обеспечению жильем определенных категорий граждан и семей. Молодым семьям, многодетным семьям и семьям, имеющим детей, должна оказываться государственная поддержка в решении вопроса их обеспеченности жильем, поскольку это наиболее эффективный инструмент стимулирования позитивных демографических процессов в стране.

Согласно п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ регулирование жилищных отношений относит-

ся к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Вместе с тем в рамках реализации принципов разграничения полномочий Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 25.07.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»⁷ в ст. 44 устанавливает перечень вопросов, решение которых возлагается на органы государственной власти субъектов РФ как самостоятельные полномочия, исполняемые за счет средств соответствующих региональных бюджетов. Пункты 34, 35, 49, 59, 115 и 116 указанной статьи закрепляют за субъектами РФ компетенцию в сфере обеспечения жилыми помещениями отдельных категорий граждан, признания жилищного фонда непригодным для проживания, а также реализации специализированных мер социальной поддержки в жилищной сфере для семей с детьми, многодетных семей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Комплекс мер, направленных на улучшение жилищных условий семей с детьми, включая частичную компенсацию расходов на аренду жилых помещений, предоставление целевых выплат в счет погашения ипотечных обязательств, льготное кредитование по сниженным процентным ставкам, введен и систематизирован в ряде федеральных нормативных актов. Правовые основы таких мер содержатся в Федеральном законе от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»⁸,

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 07.07.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 26.04.2025) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁵ Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

⁶ По данным ВЦИОМ, более половины молодых семей хотят улучшить жилищные условия, но только 35 % собираются заняться этим в ближайшие пять лет и имеют для этого необходимые ресурсы // Официальный сайт «Спроси.дом.РФ». URL: <https://спроси.дом.рф/news/vtsiom-bolee-poloviny-molodykh-semey-khotyat-uluchshit-zhilishchnye-usloviya/> (дата обращения: 10.11.2025).

⁷ СЗ РФ. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

⁸ СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 19; 2025. № 23. Ст. 2990.

регулирующем использование материнского (семейного) капитала, в частности, в целях улучшения жилищных условий; Федеральном законе от 30.12.2004 № 214-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости...»⁹, обеспечивающем правовые гарантии приобретения жилья на этапе строительства; Федеральном законе от 03.07.2019 № 157-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам)...»¹⁰, устанавливающим специальный механизм досрочного погашения ипотеки за счет средств федерального бюджета.

В отношении военнослужащих и членов их семей государство также предусматривает в качестве элемента компенсации за особые условия службы ряд гарантий, закрепленных в Федеральном законе от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 07.07.2025) «О статусе военнослужащих»¹¹.

Переходя к анализу подзаконных актов, следует отметить, что ведущую роль в современной законодательной базе по улучшению качества жизни семей в Российской Федерации в сфере оптимизации жилищных условий играет Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей»¹², ключевым институциональным нововведением которого стали впервые закрепленные на федеральном уровне критерии многодетной семьи и комплекс финансовых мер (в том числе 30 %-я компенсация за оплату ЖКУ и обеспечение земель с надлежащей инфраструктурой).

Помимо Конституции РФ, федерального законодательства и подзаконных актов, важное значение в обеспечении правом на жилище

семей в Российской Федерации имеют концепции государственной политики и стратегии их реализации.

Согласно Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.¹³ дополнительные меры государственной поддержки семей с детьми, в частности институт материнского (семейного) капитала, рассматриваются в качестве ключевого инструмента стимулирования рождаемости и укрепления семейного потенциала. Реализация данных мер сопровождается активизацией жилищной политики, направленной на расширение предложения доступного жилья для семей с детьми, особенно молодых семей. Достижение этой цели предполагается за счет двух взаимодополняющих направлений: развития ипотечного кредитования, включая льготные программы и механизмы частичного субсидирования первоначального взноса или процентной ставки; совершенствования системы адресной социальной поддержки в сфере ЖКХ, основанной на принципах разделения объема помощи с учетом состава семьи, уровня дохода и социально-демографических характеристик получателей.

В ряде иных стратегических и концептуальных документов федерального уровня улучшение жилищных условий также представлено как приоритетное направление государственной поддержки семей. Так, в Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.¹⁴ конкретизируются механизмы адресной помощи семьям, признанным нуждающимися в улучшении жилищного положения. Аналогичная задача указана в Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в РФ до

⁹ СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 40 ; 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8497.

¹⁰ СЗ РФ. 2019. № 27. Ст. 3522 ; 2025. № 31. Ст. 4707.

¹¹ СЗ РФ. 1998. № 22. Ст. 2331 ; 2025. № 28. Ст. 3844.

¹² СЗ РФ. 2024. № 5. Ст. 665.

¹³ Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (ред. от 01.07.2014) // СЗ РФ. 2007. № 42. Ст. 5009 ; 2014. № 27. Ст. 3754.

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

2036 г.¹⁵, где в числе ключевых целей выделено формирование пространственной и инфраструктурной среды, ориентированной на потребности семей с детьми, включая обеспечение доступного жилья как одного из условий устойчивого роста рождаемости и укрепления института семьи.

Кроме того, регионально дифференцированный подход к жилищной поддержке закреплен в документах, ориентированных на специфику отдельных территорий: в Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 г.¹⁶ предусматриваются модернизация жилищного фонда и стимулирование строительства в сельской местности; в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.¹⁷ и Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 г.¹⁸ особое внимание уделяется мерам по привлечению семей и закреплению их в регионе, в том числе через предоставление льготного жилья, субсидий на приобретение или строительство индивидуального жилья и развитие арендного сектора.

Таким образом, проанализировав федеральное законодательство и иные нормативные правовые акты, необходимо определить основные меры, предусмотренные государством в сфере

поддержки семьи, в частности обеспечения жильем¹⁹:

1. Закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» устанавливает правовые основы реализации мер, направленных на улучшение жилищных условий граждан, в том числе посредством использования средств материнского (семейного) капитала в строго регламентированных законодательством формах, таких как погашение основного долга и процентов по жилищным кредитам, приобретение или строительство индивидуального жилого дома, участие в долевом строительстве, а также компенсация затрат на уже построенное или реконструированное жилье.

2. Граждане и члены их семей, официально признанные малоимущими на основании объективной оценки совокупного уровня доходов и рыночной стоимости принадлежащего им имущества (в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 49 Жилищного кодекса РФ), при условии одновременного признания их нуждающимися в улучшении жилищных условий и последующей постановки на официальный учет в качестве таковых приобретают законное право на удовлетворение жилищной потребности вне общей очереди путем выделения пригодного для постоянного проживания жилого помеще-

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 13. Ст. 1505.

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2015. № 6. Ст. 1014.

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 № 1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 27. Ст. 4062. Концепция предусматривает: совершенствование механизмов льготного ипотечного кредитования для молодых семей и семей с детьми, самостоятельно приобретающих жилье; оказание государственной помощи в улучшении жилищных условий молодых семей; развитие системы доступного арендного и социального жилья для многодетных и молодых семей, а также создание иных благоприятных условий.

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» // СЗ РФ. 2020. № 40. Ст. 6311.

¹⁹ Поддержка семьи и сохранение населения является одной из целей национального развития Российской Федерации в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

ния, отвечающего установленным санитарно-техническим требованиям.

Указанное жилое помещение предоставляется гражданам во владение и пользование на основании договора социального найма при обязательном условии его территориального размещения в границах того же муниципального образования (населенного пункта), в котором заявитель и совместно проживающие с ним члены семьи зарегистрированы по месту жительства на дату включения в список лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Данная норма направлена на обеспечение конституционного права граждан на жилище и реализацию государственной социальной политики, ориентированной на поддержку наиболее уязвимых слоев населения.

3. К ключевым мерам государственной поддержки, направленным на укрепление демографической стабильности и улучшение жилищных условий граждан, также можно отнести предоставление целевой финансовой помощи семьям, воспитывающим детей, в сумме 450 тыс. руб. Указанные средства могут быть израсходованы на досрочное (полное или частичное) погашение обязательств по основному долгу и/или процентам по ипотечным жилищным кредитам (займам), привлеченным исключительно для целей приобретения или возведения жилого помещения, пригодного для постоянного проживания.

Реализация данной меры осуществляется в рамках специального правового режима, установленного Законом «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам)...», который закрепляет механизм целевого бюджетного софинансирования ипотечных обязательств семей с детьми, соединяя в себе смежные нормы семейного и регистрационного законодательства (в частности, положения ст. 13.2 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»²⁰).

Кроме того, в целях единообразного применения норм законодательства и разъяснения

отдельных аспектов администрирования выплат абзац 2 п. 3 письма Министерства финансов Российской Федерации от 20.06.2024 № 05-05-08/57988 «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в целях создания условий для погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам)»²¹ уточняет порядок учета средств материнского (семейного) капитала при расчете остатка задолженности, подлежащей погашению за счет указанной меры поддержки, и подтверждает возможность совместного использования данной выплаты с иными формами государственной (муниципальной) помощи в жилищной сфере при условии соблюдения установленных требований и отсутствия двойного финансирования одного и того же обязательства.

4. В рамках реализации мер социальной поддержки, направленных на обеспечение прав граждан на жилище и содействие в решении жилищного вопроса, предусмотрен механизм безвозмездного предоставления земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, гражданам в социально уязвимом положении. Такое предоставление осуществляется уполномоченными органами — органами государственной власти субъектов РФ — в порядке, установленном земельным и жилищным законодательством, а также нормативными правовыми актами соответствующего уровня. Важным условием реализации этого права является постановка гражданина (или семьи) на официальный учет. Данное требование служит гарантией адресности меры поддержки и позволяет обеспечить приоритетное рассмотрение заявок лиц, которые действительно испытывают трудности с улучшением жилищных условий.

5. В соответствии с Указом Президента РФ от 23.01.2024 № 63 устанавливается мера государственной социальной поддержки в виде адресной компенсации расходов на жилищно-коммунальные услуги. Льгота реализуется в форме субсидии, покрывающей до 30 % от объема начисленной платы за жилое помещение и коммунальные услуги, включая плату за содержание и ремонт жилья, холодную и горячую воду, водо-

²⁰ СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

²¹ Официально опубликован не был. Доступен в СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2025).

отведение, электроснабжение, газоснабжение и отопление. Ее предоставление носит исключительно заявительный характер и осуществляется при соблюдении установленных критериев нуждаемости и официально подтвержденного статуса многодетной семьи.

6. Многодетные семьи также могут воспользоваться правом, закрепленным в абз. 7 п. «а» ст. 6 Указа Президента РФ от 23.01.2024 № 63, на получение земельного участка, который должен соответствовать определенным критериям, в частности обладать необходимыми объектами инфраструктуры, позволяющими использовать его по прямому назначению.

7. Программы льготного кредитования — это целевые программы, реализуемые совместно с банковским сектором государства, позволяющие брать жилые помещения или земельные участки по низкой процентной ставке при соблюдении ряда условий (п. 1.2 разд. 5 «Мероприятия (результаты) федерального проекта», разд. 8 «Дополнительная информация» паспорта федерального проекта «Поддержка семьи»²² в рамках национального проекта «Семья»²³).

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что граждане, имеющие право на государственную поддержку в обеспечении жильем, обладают достаточно большим комплексом возможностей, которые они могут реализовать через федеральные стратегии, концепции и программы.

Несмотря на обширность нормативной базы, ее анализ позволяет выявить и ряд системных проблем в данной сфере:

1. Положения о жилищной поддержке содержатся в пяти кодексах, более чем 10 федеральных законах, 20 подзаконных актах и достаточно большом количестве стратегических докумен-

тов, что затрудняет как правоприменение, так и правовую ориентацию граждан.

2. Несмотря на то что регулирование жилищных отношений отнесено Конституцией РФ к предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «ж» ч. 1 ст. 72), распределение конкретных функций по реализации мер (например, выделению земли или назначению субсидий) зачастую не урегулировано надлежащим образом, что приводит к перекладыванию ответственности между различными уровнями власти.

3. Согласно действующему законодательству, не существует единого закона о государственной поддержке семьи, что противоречит тенденциям кодификации в социальной сфере (например, Трудовой кодекс РФ, Семейный кодекс РФ).

4. Эмпирические исследования²⁴ показывают, что до 40 % потенциально имеющих право на поддержку не реализуют ее из-за низкой правовой грамотности и сложности административных процедур.

Подводя итог, отметим, что государству необходимо добиться комфортного материального положения российских семей, а также обеспечить им благоприятные условия для существования.

С большой долей уверенности можно утверждать, что отсутствие надлежащей финансовой грамотности, незнание своих прав и возможностей, которыми обладают многодетные и молодые семьи, а также граждане иных категорий, имеющие право на получение льгот, субсидий и других мер государственной поддержки, существенным образом влияет на количество и качество предоставляемых и потребляемых мер государственной поддержки.

Материал поступил в редакцию 11 ноября 2025 г.

²² Официально опубликован не был. Доступен в СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2025).

²³ Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию, утвержденный Президентом РФ 30 марта 2024 г., № Пр-616 // Официально опубликован не был. Доступен в СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.11.2025).

²⁴ По результатам исследования, проведенного Аналитическим центром «НАФИ» при поддержке Национальной юридической службы «Амулекс», 31 % россиян оценил свой уровень правовой грамотности как низкий или ниже среднего. Только 13 % опрошенных хорошо знали свои права и то, как их защищать в повседневной жизни. URL: <https://amulex.ru/indeks-pravovoj-gramotnosti-2> (дата обращения: 12.11.2025).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.058-068

А. В. Никишина*

Правовое регулирование участия несовершеннолетних в создании медиаконтента: системные пробелы российского законодательства и пути их преодоления

Аннотация. Выявлены системные пробелы в российском правовом регулировании участия несовершеннолетних в создании монетизируемого цифрового контента, особенно в формате семейных блогов. Несмотря на признание блогерства экономической деятельностью (ОКВЭД 73.11.1, 70.21.1), отсутствуют специальные нормы, защищающие права детей в данной области. Анализ показывает ключевые риски: нарушение неприкосновенности частной жизни (распространение личной информации), отсутствие гарантий трудовых прав (нормирование времени съемок, отдых, обучение), лишение права распоряжаться своим заработком (ст. 26 ГК РФ). Сравнительно-правовой анализ демонстрирует эффективные зарубежные механизмы: опыт штатов Калифорния (закон Джеки Кугана) и Иллинойс (SB 1782), Франции (поправки к Трудовому кодексу) и Китая (классификация вредоносного контента). Эти модели обеспечивают финансовую защиту, контроль за условиями труда несовершеннолетних, привлекаемых к созданию медиаконтента. Для преодоления пробелов предложен комплекс мер: законодательное закрепление требования информированного согласия несовершеннолетнего на участие в создании и публикации контента (с учетом возраста и с возможностью отзыва); обязанность резервирования 30–50 % доходов, связанных с использованием образа и участием ребенка, на счет до совершеннолетия; прямое запрещение контента, наносящего вред развитию или репутации; нормирование времени участия с гарантиями отдыха и обучения. Обоснована необходимость принятия федерального закона или внесения поправок в действующие акты (ТК РФ, СК РФ, федеральные законы об информации, о персональных данных, о защите детей от информации) исходя из обязанности государства защищать детей от злоупотреблений со стороны родителей или заменяющих их лиц (ст. 56, 65 СК РФ), несмотря на аргументы о невмешательстве в семейную жизнь.

Ключевые слова: информационное право; медиаправо; трудовые права несовершеннолетних; блог; блогер; блогосфера; семейные блоги; цифровой контент; медиаконтент; защита прав несовершеннолетних; сеть Интернет; персональные данные

© Никишина А. В., 2026

* *Никишина Анастасия Вячеславовна*, аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), старший консультант-аналитик отдела перспективных проектов Научно-технического центра ФГУП «ГРЧЦ»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
s2043051@edu.msal.ru

Для цитирования: Никишина А. В. Правовое регулирование участия несовершеннолетних в создании медиаконтента: системные пробелы российского законодательства и пути их преодоления // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 58–68. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.058-068

Legal Regulation of Minors' Participation in Media Content Creation: Systemic Gaps in Russian Law and Ways to Overcome Them

Anastasia V. Nikishina, Postgraduate Student, Department of IT Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Senior Consultant-Analyst, Department of Prospective Projects, Scientific and Technical Center «General Radio Frequency Centre» Federal State Unitary Enterprise (GRFC), Moscow, Russian Federation
s2043051@edu.msal.ru

Abstract. The study identifies systemic gaps in Russian legal regulation governing participation of minors in the creation of monetized digital content, particularly in the format of family blogs. Although blogging is recognized as an economic activity (OKVED 73.11.1, 70.21.1), no specific legal provisions ensure the protection of children's rights in this sphere. The analysis highlights key risks, including violations of privacy through the dissemination of personal information; the absence of labor protections, such as limitations on filming time and guarantees of access to rest and education; and deprivation of the minor of his/her right to dispose of his/her earnings (Article 26 of the Civil Code of the Russian Federation).

A comparative legal analysis demonstrates the effectiveness of foreign regulatory mechanisms, including California's Coogan Laws, the State of Illinois' SB 1782, amendments to the French Labor Code, and China's classification of harmful content. These models provide financial safeguards and oversight of working conditions for minors involved in media content production.

To address the identified deficiencies, the author proposes a comprehensive set of measures: statutory recognition of a minor's informed consent to participation in the creation and publication of content, taking into account the age and providing for revocation; mandatory allocation of 30–50 percent of income derived from the use of the child's image and participation to a protected account until the age of majority; an explicit prohibition of content harmful to a child's development or reputation; and regulation of participation time with guarantees of rest and education. The necessity of adopting a federal law or introducing amendments to existing legislation (the Labor Code, the Family Code, the Federal Law «On Information», the Federal Law «On Personal Data», and the Federal Law «On the Protection of Children from Information Harmful to their Health and Development») is substantiated in light of the State's duty to protect children from abuse by parents or persons acting in *the place of a parent* (Articles 56 and 65 of the Family Code), notwithstanding arguments invoking non-interference in family life.

Keywords: information law; media rights; labour rights of minors; blog; blogger; blogosphere; family blogs; digital content; media content; protecting the rights of minors; Internet; personal data

Cite as: Nikishina AV. Legal Regulation of Minors' Participation in Media Content Creation: Systemic Gaps in Russian Law and Ways to Overcome Them. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):58-68. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.058-068

Первоначально блоггерство не квалифицировалось как трудовая или предпринимательская деятельность, а воспринималось как процесс фиксации обыденных жизненных ситуаций с целью последующего распространения широкому кругу лиц. Расширение сферы социальных медиа, практики ведения видео-

блогов изменило данную парадигму. Симбиоз видеоконтента и блогосферы трансформировался в мощный инструмент коммуникации, влияния и, что наиболее существенно с правовой точки зрения, получения доходов.

Появление и развитие механизмов монетизации, таких как рекламные интеграции, спон-

сорство и пр., превратило ведение популярных блогов в экономически значимую деятельность. Этот качественный сдвиг — от обмена информацией к систематическому извлечению прибыли — обусловил объективную необходимость правовой квалификации блогерства как самостоятельного вида экономической деятельности, что и было закреплено в 2025 г. в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности (73.11.1 «Деятельность по распространению рекламы пользователем социальной сети», 70.21.1 «Деятельность по распространению информации пользователем социальной сети»)¹. Однако фиксация факта экономической деятельности владельца аккаунта (блогера) пока не решила комплекс правовых проблем. Несмотря на данное нововведение, аспект участия несовершеннолетних в создании монетизируемого контента, особенно в рамках популярных семейных блогов, остается за рамками правового регулирования.

Понятия «блогер», «блог», «блогосфера»

Стремительная цифровизация массовых коммуникаций и трансформация механизмов распространения информации привели к возникновению устойчивого социально-правового феномена блогерства. Блогеры, будучи создателями цифрового контента, формируют каналы публичной коммуникации и оказывают влияние на экономические, социальные и культурные процессы. Вместе с тем понятийно-категориальный аппарат продолжает оставаться фрагментарным: прямые законодательные дефиниции понятий «блог», «блогер», «блогосфера» отсутствуют, что осложняет установление правового режима отношений в сфере производства и распространения медиаконтента.

В результате анализа понятия «блог» были выявлены различные доктринальные подходы к определению его содержания. С точки зрения жанровой принадлежности исследователи не выделяют блог как отдельный жанр интернет-коммуникации. *Блог в широком понимании* представляет собой макрожанр интернет-коммуникации, к признакам которого относятся: мультимедийность (креолизованность); гипертекстуальность — построение текста из отдельных, соединенных гиперссылками блоков; интерактивность — способность влиять на содержание и вид электронного ресурса, возможность коммуникации через комментарии; синхронность или квазисинхронность интернет-коммуникации; межличностная, групповая, массовая коммуникация и эксплицированность коммуникантов (эксплицированный или анонимный участник коммуникации)².

Однако эти характеристики, по мнению Е. А. Баженовой и И. А. Ивановой, не конкретизируют жанровую природу блога. Для этого необходимо исследовать отдельные составляющие блогов — тексты записей (постов) и комментариев³. Так, отдельные публикации в блоге (посты) формируют его микрожанры: аналитический, информационный, художественно-публицистический, блог-дневник и др. — и представляют отдельный интерес с точки зрения правового регулирования распространения медиаконтента в сети Интернет. Информация, содержащаяся в постах, может быть признана запрещенной к распространению на территории РФ, и владельцы интернет-ресурсов уведомляются о необходимости удаления данной информации.

Блог в узком понимании — это сайт (или раздел сайта), содержащий датированные записи одного автора, посвященные преимущественно бытовой тематике⁴.

¹ Приказ Росстандарта от 21.03.2025 № 208-ст «Об утверждении изменения 79/2025 ОКВЭД 2 к Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

² Щипицина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации : монография. Архангельск : Поморский университет, 2009. 238 с.

³ Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 125.

⁴ Баженова Е. А., Иванова И. А. Указ. соч. С. 125–131.

Акцент на единоличном авторстве и освещении преимущественно бытовой тематики сужает смысловое поле понятия. Развитие сферы блогов существенно расширило предметно-тематическую область информации, освещаемой блогерами, а ограничения количества авторов контента не усматриваются.

Таким образом, с точки зрения публично-правового регулирования распространения информации блог — это личный или групповой интернет-ресурс, позволяющий регулярно публиковать информационный контент с возможностью взаимного обмена мнениями с подписчиками (пользователями сети Интернет), в том числе в комментариях.

Понятие «блог» содержится в ряде нормативных актов, но его употребление носит фрагментарный характер и не формирует единого понимания⁵. Так, в ст. 16.2 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»⁶ упоминается, что военнослужащие и гражданский персонал органов федеральной службы безопасности могут размещать свои персональные данные в социальных сетях, блогах (микроблогах) и иных сетевых сообществах информационно-телекоммуникационной сети Интернет в порядке, определяемом руководителем федерального органа исполнительной власти в области обеспечения безопасности. Федеральная налоговая служба России в письме от 16.06.2021 № БС-4-

11/8412@⁷ определяет блогеров как физических лиц, создавших цифровой контент (например, видеоролики), являющихся получателями доходов от компаний — операторов цифровых платформ и сервисов.

Вследствие активного развития интернет-коммуникации блоги стали популярным средством получения и распространения информации. В обобщенном виде блогосфера — это совокупность блогов и связанных с ними онлайн-платформ и социальных сетей⁸. В настоящее время отсутствуют универсальные правовые средства регулирования блогосферы как альтернативы традиционным средствам массовой информации.

Действующее российское законодательство не содержит определения понятия «блогосфера» на уровне федеральных законов. По мнению И. В. Приваловой, современная блогосфера представляет собой совокупность социальных сетей — социальных групп, осуществляющих виртуальное общение⁹. Данный термин существует в правовом поле в состоянии нормативной неопределенности, что создает значительные сложности для последовательного регулирования этой динамично развивающейся сферы¹⁰. При этом в ряде подзаконных нормативных правовых актов указанный термин всё же используется, хотя и без раскрытия его содержания¹¹.

В некоторых работах подчеркивается, что блогер выступает в качестве участника массовой

⁵ Савенко Н. Е. Правовое регулирование деятельности блогеров // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 6. С. 92–99.

⁶ СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

⁷ Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/11047902/ (дата обращения: 16.07.2025).

⁸ Мухачев С. В. Особенности правового регулирования блогосферы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 1. С. 20–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-blogosfery> (дата обращения: 27.11.2025).

⁹ Привалова И. В. Деиндивидуализация сообщений в блогосфере // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2020. Т. 39. № 1. С. 26.

¹⁰ Грищенко Г. А. Подходы к правовому регулированию блогосферы в российском законодательстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 127–135.

¹¹ См., например: распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р (ред. от 06.11.2024) «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8613.

информационной деятельности и (или) проекта, связанного с распространением информации¹².

Несомненно, блогер является субъектом информационных правоотношений, и его деятельность должна осуществляться в рамках Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹³, Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»¹⁴ и Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе»¹⁵. В ряде западных стран используется синонимичное понятие «инфлюенсер» (от англ. influence — «влияние») — физическое лицо или виртуальная организация, имеющие охват на соответствующей платформе выше среднего, и блогеры рассматриваются как участники рекламного рынка.

Ранее понятие «блогер» было зафиксировано в информационном законодательстве РФ: оно было введено в 2014 г. в Закон «Об информации...». Согласно поправкам¹⁶ блогером признавался «владелец сайта и (или) страницы сайта в сети Интернет, на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более 3 тыс. пользователей сети». Однако в 2017 г. эта норма утратила силу.

Таким образом, несмотря на отдельные упоминания, в действующем российском законодательстве отсутствуют единые подходы к определению понятий «блогер», «блог» и «блогосфера».

Тем не менее владельцы сайтов и интернет-страниц обязаны соблюдать установленные законодательством общие требования о недопустимости размещения информации, ограниченной или запрещенной к распространению. Так, часть 1.1 ст. 10.6 Закона «Об информации...»

обязывает пользователей социальных сетей, чьи страницы насчитывают свыше 10 тыс. подписчиков, предоставлять в Роскомнадзор сведения для идентификации. Роскомнадзор, в свою очередь, ведет реестр таких страниц.

Правовые риски привлечения несовершеннолетних к созданию медиаконтента

Интенсивное развитие блогосферы открывает новые возможности для социальных медиа, но отсутствие специализированных правовых норм, регулирующих участие несовершеннолетних в создании контента, порождает риски нарушения их прав. В отличие от сферы кинематографии, где установлены гарантии охраны труда несовершеннолетних (ст. 63 ТК РФ), деятельность в рамках семейного блогерства остается вне правового поля. Эта проблема приобретает массовый характер в контексте распространения семейных видеороликов, где родители, мотивированные финансовой выгодой и популярностью, систематически привлекают несовершеннолетних к съемкам.

Родители и законные представители несовершеннолетнего вступают в правоотношения как представители интересов ребенка. Возникает коллизия, когда действия родителя противоречат интересам несовершеннолетнего. Предполагается, что родители обязаны обеспечивать защиту информации о своих детях, но эта обязанность слабо подкреплена правовыми механизмами. Необходимость особой защиты персональных данных детей ввиду их меньшей способности осознавать связанные с их распространением риски подчеркивается, например, в Общем регламенте о защите данных Евро-

¹² Вербицкая Ю. В. Тенденции правового регулирования деятельности блогеров в России и за рубежом // Образование и право. 2023. № 10. С. 457–461.

¹³ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I–II). Ст. 3448.

¹⁴ Российская газета. 1992, 8 февраля. № 32.

¹⁵ СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

¹⁶ Федеральный закон от 05.05.2014 № 97-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2302.

пейского Союза (GDPR)¹⁷. В российском законодательстве обработка персональных данных несовершеннолетних подчиняется общим требованиям Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁸, а защиту их прав и интересов в этой сфере осуществляют родители (законные представители). В некоторых случаях закон предусматривает самостоятельную дачу несовершеннолетними согласия на обработку своих персональных данных. Например, в ст. 41 Закона о средствах массовой информации предусмотрена самостоятельная дача лицами, достигшими 14-летнего возраста, согласия на распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях их персональных данных — информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия). Несовершеннолетний, достигший 14 лет, также имеет право обратиться в орган ЗАГС с заявлением о перемене имени: фамилии, собственно имени, отчества (согласно ст. 58 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»¹⁹ несовершеннолетний может самостоятельно реализовать это право, если он приобрел полную дееспособность, в иных случаях требуется согласие родителей или законных представителей либо соответствующее решение суда). Исследователи отмечают, что системное толкование указанных норм в совокупности с нормами ГК РФ и иных федеральных законов, а также подзаконных актов позволяет говорить о дееспособности несовершеннолетних в отношении распоряжения персональными данными с 14 лет²⁰.

Первоначально ребенок может не обладать информацией о том, что его законные представители осуществляют съемку и последующую публикацию контента. Однако по мере взросления он неизбежно столкнется с фактами систематической демонстрации видеоматериала,

содержащих аспекты его частной жизни, в публичном цифровом пространстве неограниченному кругу лиц. Возникла бы у вас, как у такого ребенка, претензия к нарушению неприкосновенности частной жизни? Потребовали бы вы долевого участия в доходах, полученных родителями от коммерческого использования вашего изображения? А не будет ли подобное требование входить в конфликт с исполнением обязанности по содержанию детей, если доходы от созданного медиаконтента они тратят на благо несовершеннолетних?

Родители, привлекающие детей к съемкам контента в социальных сетях, могут опубликовать личные моменты из семейной жизни ради просмотров, иногда игнорируя явное желание детей сохранить конфиденциальность или не учитывая того, что в будущем дети могут испытывать стеснение из-за распространенного приватного контента. Помимо проблем с приватностью, очевидны проблемы тяжелых условий труда: дети вынуждены переснимать сцены, следовать указаниям по поведению и речи ради заработка родителей, что аналогично профессиональным съемкам, но без ограничений по времени и нагрузке, предусмотренных трудовым законодательством.

Помимо возможных нарушений права на неприкосновенность частной жизни, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет лишены предусмотренного в ст. 26 ГК РФ права распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами. Отсутствие правового регулирования, аналогичного нормам о детском труде, ставит несовершеннолетних в положение уязвимых субъектов, чьи интересы могут быть нарушены даже со стороны законных представителей. Доходы от монетизации контента с участием детей формально получают родители как владельцы аккаунтов, лишая ребенка возможности распоряжаться своим заработком. В настоящее время в российском законо-

¹⁷ URL: <https://gdpr-text.com/ru/> (дата обращения: 16.07.2025).

¹⁸ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I–II). Ст. 3451.

¹⁹ СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

²⁰ Право персональных данных : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. В. Минбалева. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. С. 82–86.

дательстве отсутствуют какие-либо механизмы установления доли ребенка в общем доходе и обеспечения его прав на эту долю.

Зарубежный опыт правового регулирования

Анализ зарубежного регулирования, в частности опыта США, выявляет пути решения данного вопроса. В 1938 г. Конгрессом Соединенных Штатов Америки был принят Закон о справедливых трудовых стандартах (Fair Labor Standards Act, FLSA)²¹, устанавливающий минимальные возрастные требования для привлечения несовершеннолетних к трудовой деятельности. Первоначальная его цель заключалась в защите детей, занятых на работах с опасными условиями труда, например в горнодобывающей промышленности. Примечательно, что с момента принятия указанный закон содержал исключение в отношении несовершеннолетних, занятых в сфере актерской деятельности²². В соответствии с федеральным трудовым законодательством на юных актеров не распространялись гарантии минимального возраста трудоустройства, ограничения максимальной продолжительности рабочей недели и даже нормы, касающиеся оплаты труда. Принятие Закона о справедливых трудовых стандартах 1938 г. совпало с периодом наивысшей популярности Ширли Темпл; законодатели не усматривали необходимости в регулировании данной сферы, не считая актерскую профессию опасной и требующей специальных мер защиты для несовершеннолетних.

Отсутствие федеральных гарантий создало условия для эксплуатации юных актеров со стороны представителей индустрии и собственных родителей. В качестве ответной меры на систематические злоупотребления, ярко проявившиеся в резонансном деле Джеки Кугана, штат Калифорния ввел в действие разд. 6750–6753 Семейного кодекса²³, известные как закон

Джеки Кугана. Дж. Куган, несовершеннолетний актер, достигший известности и заработавший миллионы долларов, в том числе благодаря роли в фильме Ч. Чаплина «Малыш», по достижении совершеннолетия узнал, что большая часть его доходов была растрочена родителями. Судебный иск, предъявленный им к матери и отчиму, хотя и завершился в пользу истца, не позволил полностью восстановить утраченные средства. Осознание того, что данный случай не единичный, послужило катализатором для принятия в штате Калифорния специального законодательства.

В то время как федеральное законодательство о детском труде сохраняет исключение для юных актеров на национальном уровне, закон Джеки Кугана обеспечивает их защиту в рамках юрисдикции штата Калифорния. Однако изначально он не распространялся на сферу социальных медиа, поскольку блогинг не квалифицировался законодателем как профессиональная деятельность или разновидность актерской деятельности, а воспринимался как фиксация повседневных событий для частного общения.

Вступившие в силу в 2000 г. поправки к упомянутому выше закону установили комплекс требований, нацеленных на обеспечение финансовых и трудовых гарантий несовершеннолетних работников: закреплена обязанность работодателей депонировать не менее 15 % валового заработка несовершеннолетнего работника на специальный доверительный счет, средства которого подлежат хранению до достижения им совершеннолетия. Важно отметить, что расчет указанной суммы производится исключительно от валового заработка, определяемого как общая компенсация по контракту, без вычета каких-либо издержек. Данное требование является безусловным и применяется независимо от факта судебного утверждения трудового договора. Досрочное снятие средств со счета до наступления совершеннолетия возможно

²¹ URL: <https://www.dol.gov/general/aboutdol/history/flsa1938> (дата обращения: 14.07.2025).

²² *Morehouse L.* The Kids Are Not Alright: A Look into the Absence of Laws Protecting Children in Social Media // 44 *Loy. L. A. Ent. L. Rev.* 2024. No. 74.

²³ Разд. 6750 Семейного кодекса штата Калифорния // URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?sectionNum=6750.&lawCode=FAM (дата обращения: 14.07.2025).

исключительно по решению суда. Поправки также прямо установили, что весь заработок несовершеннолетнего в индустрии развлечений принадлежит непосредственно ему. Помимо вышесказанного, закон Джеки Кугана закрепил минимальный возраст для привлечения к труду, предельную продолжительность рабочего времени и обязательный объем учебных часов, дифференцированные в зависимости от возрастной категории несовершеннолетнего. Гарантируется предоставление несовершеннолетним в течение каждого рабочего дня не менее одного-двух часов на отдых/досуг и 30 минут на прием пищи. Общее время нахождения несовершеннолетнего на рабочем месте (включая непосредственно работу, обучение, отдых, досуг и прием пищи) не может превышать пределов, установленных для его возрастной категории. Это призвано обеспечить получение им образования и защитить его право на отдых²⁴.

Трудовой договор между работодателем (студией) и несовершеннолетним подлежит полному утверждению в вышестоящем суде округа по месту жительства или работы несовершеннолетнего. После утверждения судом расторжение договора до достижения им совершеннолетия невозможно. Это положение Семейного кодекса Калифорнии (Cal. Fam. Code § 6750 et. seq.) корреспондирует с разд. 1700.37 Трудового кодекса Калифорнии²⁵, требующим разрешения на трудоустройство несовершеннолетних в сфере развлечений, включая деятельность по утвержденным судом контрактам. Указанные положения были введены в целях защиты трудовых прав и

заработной платы несовершеннолетних, а также для гарантирования их имущественных прав на заработанные средства по достижении совершеннолетия.

Следует учитывать, что в настоящее время большинство штатов США предусматривают определенный уровень правовой защиты для несовершеннолетних работников сферы развлечений. Однако степень такой защиты, а также требования к разрешительной документации и процедурам трудоустройства существенно варьируются в зависимости от юрисдикции. Институт депозитных счетов является обязательным исключительно в штатах Калифорния, Нью-Мексико, Нью-Йорк, Иллинойс и Луизиана.

Раздел 6750 Калифорнийского семейного кодекса определяет сферу применения закона Джеки Кугана как несовершеннолетних, оказывающих «художественные или творческие услуги», в частности актеров, певцов, танцоров или «иных исполнителей и артистов»²⁶. В 2018 г. законодатели Калифорнии пришли к заключению, что защита по данному закону не распространяется на несовершеннолетних, участвующих в создании контента для социальных сетей. Мотивировочная часть решения указывала на «менее значимый» характер ролей детей в соцсетях по сравнению с участием в кинопроектах, а также на «несопоставимую» нагрузку, что, по мнению законодателей, не требует предоставления финансовой защиты юным блогерам²⁷.

11 августа 2023 г. губернатор Иллинойса подписал закон SB 1782²⁸, вносящий изменения в трудовое законодательство штата в отношении

²⁴ Разд. 6750 Семейного кодекса штата Калифорния.

²⁵ The California Labor Code // URL: https://www.leginfo.ca.gov/.html/lab_table_of_contents.html (дата обращения: 14.07.2025).

²⁶ Включают, помимо прочего, услуги актера, актрисы, танцовщицы, музыканта, комика, певца, каскадера, артиста озвучивания или другого исполнителя, или артиста, или автора песен, музыкального продюсера или аранжировщика, сценариста, режиссера, продюсера, руководителя производства, хореографа, композитора, дирижера или дизайнера.

²⁷ *Ковит Б.* Обсуждение этики семейных видеоблогеров // The Muhlenberg Weekly. URL: <https://muhlenbergweekly.com/campus-voices/considering-the-ethics-of-family-vloggers/> (дата обращения: 11.11.2021).

См.: А.В. 1880, 2023 Leg., Reg. Sess. (Cal.2024) (предложение о внесении поправки в Cal. Fam. Code § 6750(a)(1) с целью включения понятия «ребенок-инфлюенсер» в платный онлайн-контент на интернет-сайтах, в социальных сетях и приложениях социальных сетей). Данный законопроект был внесен в 2024 г.

²⁸ LL. comp. STAT. 103-0556, 2024 Leg., 103rd Sess.

несовершеннолетних с целью прямой защиты прав детей, участвующих в создании контента для социальных сетей.

В сентябре 2024 г. губернатор Калифорнии Г. Ньюсом подписал законопроекты AB 1880²⁹ и SB 764³⁰, расширив сферу применения закона Джеки Кугана, включив в него создателей детского контента в социальных сетях. Соответственно, создание контента для социальных сетей трансформировалось в профессиональную деятельность, приносящую доход за счет рекламы и спонсорских соглашений.

Ряд других зарубежных юрисдикций также приступили к решению проблемы детского труда в социальных медиа. Так, в 2020 г. были приняты поправки к Трудовому кодексу Франции³¹, обеспечивающие защиту несовершеннолетних в отношении рабочего времени и размера заработной платы, полученной от работы в социальных медиа. Хотя механизмы регулирования отличаются от закона Джеки Кугана в Калифорнии, во Франции аналогичные меры защиты детей-актеров теперь применяются к детям-блогерам, в том числе требования откладывать часть дохода на специальный сберегательный счет до достижения ребенком совершеннолетия и получать разрешение органов власти перед вступлением в трудовые отношения.

Следует отметить, что этот закон распространяется не на всех детей, публикующих посты в социальных сетях³². Трудовые отношения возникают, например, когда ребенок действует по указанию видеопродюсера. Этими продюсерами или режиссерами часто являются родители ребенка. Принятые положения распространяются не только на детей, нанятых для создания ви-

део контента по запросу, но и на детей, изображение которых распространяется с целью получения прибыли на платформах обмена видео. В законе указано, что любая компания, желающая нанять несовершеннолетнего для создания контента в социальных сетях, должна получить разрешение от местных органов власти.

В целях усиления защиты физического и психического здоровья несовершеннолетних пользователей сети Интернет Администрация киберпространства Китая совместно с Национальным управлением по делам прессы и публикаций, Управлением Китая по кинематографии, Министерством образования, Министерством промышленности и информатизации, Министерством общественной безопасности, Министерством культуры и туризма, а также Государственным управлением радио и телевидения 13 июня 2025 г. ввела в действие Методы классификации интернет-информации, которая может повлиять на физическое и психическое здоровье несовершеннолетних³³.

Указанный акт устанавливает правовые критерии для обнаружения и категоризации контента, потенциально способного оказать негативное воздействие на уязвимую категорию пользователей. Особое внимание в рамках классификации уделяется информации, содержащей признаки неправомерной эксплуатации образа несовершеннолетних. К такой информации, в частности, отнесены случаи, когда образы несовершеннолетних используются в интернет-контенте, в том числе в коротких видеороликах, на протяжении длительного времени с основной целью получения популярности или извлечения коммерческой выгоды, когда подобное исполь-

²⁹ Assembly Bill No. 1880. Minors: artistic employment // URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202320240AB1880 (дата обращения: 14.07.2025).

³⁰ Senate Bill No. 764 Minors: online platforms // URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/billNavClient.xhtml?bill_id=202320240SB764 (дата обращения: 14.07.2025).

³¹ Nicolas Boring, France: Parliament Adopts Law to Protect Child «Influencers» on Social Media // Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legalmonitor/2020-10-30/france-parliament-adopts-law-to-protect-child-influencers-on-social-media/> (дата обращения: 14.07.2025).

³² France Passes New Law to Protect Child Influencers // BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-54447491>. URL: <https://perma.cc/2HTM-KTDG> (дата обращения: 14.07.2025).

³³ 关于公开征求《可能影响未成年人身心健康的网络信息分类办法(征求意见稿)》意见的通知 // URL: https://www.cac.gov.cn/2025-06/20/c_1752130362026338.htm (дата обращения: 14.07.2025).

зование оказывает негативное воздействие на нормальный распорядок жизни, включая образовательный процесс, досуг и развитие, а также нарушает их законные интересы.

Данные критерии представляют собой комплексный межведомственный подход к регулированию, направленный на создание более безопасной цифровой среды для детей и подростков путем установления четких юридических оснований для ограничения распространения контента, эксплуатирующего несовершеннолетних или способного причинить вред их здоровью и благополучию. Классификация служит инструментом для последующего применения мер административного характера в отношении распространителей такого контента.

Заключение

Таким образом, несмотря на прогресс в признании сферы блогерства (блогинга) экономической деятельностью, в российском законодательстве отсутствуют эффективные механизмы защиты несовершеннолетних создателей медиаконтента. Для устранения выявленных пробелов необходимы комплексные законодательные меры. Во-первых, видится целесообразным введение требования получения с 14-летнего возраста обязательного информированного согласия ребенка на участие в создании и публикации контента, учитывающего его возраст и зрелость, с возможностью отзыва такого согласия. Во-вторых, имеет потенциал заимствования зарубежная практика установления обязанности резервирования существенной части доходов (30–50 %), генерируемых использованием образа и участия несовершеннолетнего, на специальный блокированный банковский счет в его пользу, доступный только по достижении совершеннолетия. В-третьих, важным видится норми-

рование времени участия ребенка в съемках с гарантиями отдыха, досуга и обучения.

Основной аргумент против такого регулирования — тезис о недопустимости вмешательства государства в частную семейную жизнь и воспитание детей, а также отсутствие формальных трудовых отношений в домашних условиях. Однако некоторые родители трансформируют домашнее пространство в коммерческие студии для съемок медиаконтента, где основную роль выполняют дети.

Верховный суд США по делу «Пархем против Дж. Р.» заявил, что государственная власть не должна «заменять родительскую власть во всех случаях, поскольку некоторые родители жестоко обращаются с детьми и пренебрегают ими»³⁴. Кроме того, Верховный суд постановил, что «опека, уход и воспитание ребенка» являются в первую очередь обязанностью родителя. Несмотря на то что эта основная обязанность лежит на родителях или законных опекунах несовершеннолетнего, государство не лишено полномочий защищать детей.

В российском законодательстве (ст. 56, 65 СК РФ) также прямо закреплено право ребенка на защиту от злоупотреблений со стороны родителей и корреспондирующая обязанность государства такую защиту обеспечивать.

Следовательно, разработка и принятие комплексных поправок к действующим актам (ТК РФ, СК РФ, законы об информации, о персональных данных, Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»³⁵) для создания правовых механизмов защиты детей в связи с участием их в генерации медиаконтента — насущная необходимость, продиктованная реалиями индустрии интернет-медиа и обязанностью государства гарантировать соблюдение прав наиболее незащищенных категорий граждан.

³⁴ Parham v. J.R., 442 U.S. 584 (1979) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/442/584/> (дата обращения: 14.07.2025).

³⁵ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грищенко Г. А. Подходы к правовому регулированию блогосферы в российском законодательстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 4 (92). — С. 127–135.
2. Савенко Н. Е. Правовое регулирование деятельности блогеров // Журнал российского права. — 2024. — Т. 28. — № 6. — С. 92–99.
3. Morehouse L. The Kids Are Not Alright: A Look into the Absence of Laws Protecting Children in Social Media // 44 Loy. L. A. Ent. L. Rev. — 2024. — No. 74.

Материал поступил в редакцию 28 августа 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Grishchenko G. A. Podkhody k pravovomu regulirovaniyu blogosfery v rossiyskom zakonodatelstve // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2022. — № 4 (92). — S. 127–135.
2. Savenko N. E. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti blogerov // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2024. — T. 28. — № 6. — S. 92–99.
3. Morehouse L. The Kids Are Not Alright: A Look into the Absence of Laws Protecting Children in Social Media // 44 Loy. L. A. Ent. L. Rev. — 2024. — No. 74.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.069-082

Д. А. Мальбин*

Сделка по отчуждению чужой вещи как элемент юридического состава возникновения права собственности у добросовестного приобретателя

Аннотация. В российском гражданском праве остается нерешенным вопрос о влиянии неуправомоченности отчуждателя имущества на юридическую силу сделки и роли последней в формировании юридического состава для приобретения добросовестным приобретателем права собственности на вещь. В цивилистической науке и правоприменительной практике распространены два подхода. Согласно первому сделка с чужим имуществом ничтожна на основании ст. 168 ГК РФ как противоречащая ст. 209 ГК РФ и нарушающая права собственника имущества. В соответствии со вторым такая сделка является действительной и влечет возникновение обязательства. Оснований для признания сделки с чужим имуществом недействительной нет, так как неуправомоченность отчуждателя не отнесена объективным правом к порокам, которые влекут недействительность сделки. В свою очередь, расширение перечня случаев, когда сделка является недействительной, за счет не установленных объективным правом оснований невозможно ввиду прямого указания ст. 166 ГК РФ. Сделка с имуществом — один из фактов юридического состава для приобретения права собственности, и сама по себе она не создает вещно-правового эффекта. Поскольку заключение договора об отчуждении вещи приводит к возникновению обязательства, нет оснований для вывода о противоречии такой сделки ст. 209 ГК РФ, признания ее нарушающей права собственника и, как следствие, квалификации как недействительной по п. 2 ст. 168 ГК РФ. Действительная сделка, на основании которой добросовестный приобретатель получает вещь, является наряду с фактами, указанными в ст. 302 ГК РФ, одним из фактов юридического состава для возникновения у него права собственности на вещь. Недействительность такой сделки означает отпадение одного из необходимых юридических фактов и влечет невозможность приобретения добросовестным приобретателем права собственности в соответствии со ст. 302 ГК РФ.

Ключевые слова: право собственности; сделка; виндикационный иск; добросовестный приобретатель; ничтожность сделки; оспоримость сделки; реституция; юридический факт; добросовестность; обязательство; распоряжение; вещное право

Для цитирования: Мальбин Д. А. Сделка по отчуждению чужой вещи как элемент юридического состава возникновения права собственности у добросовестного приобретателя // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 69–82. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.069-082

© Мальбин Д. А., 2026

* Мальбин Дмитрий Андреевич, кандидат юридических наук, доцент, адвокат, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доцент кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
Азовская ул., д. 2, корп. 1, г. Москва, Российская Федерация, 117638
dmalbin@internet.ru

The Transaction for the Alienation of Another's Property as an Element of the Legal Composition Giving Rise to Ownership Rights in a Good-Faith Purchaser

Dmitriy A. Malbin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Lawyer; Associate Professor, Department of Civil and Business Law, All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia); Associate Professor Department of Business and Corporate Law, Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
dmalbin@internet.ru

Abstract. Russian civil law has not resolved the issue of how the lack of authority of a transferor affects the legal validity of a transaction and the role of such a transaction in forming the legal composition necessary for a good-faith acquirer to obtain title to property. Civil law doctrine and judicial practice reflect two prevailing approaches. Under the first approach, a transaction involving another's property is void pursuant to Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation as contradicting Article 209 of the Civil Code and as infringing the owner's rights. Under the second approach, such a transaction is valid and gives rise to an obligation. There are no grounds for declaring a transaction involving another's property invalid, since the transferor's lack of authority is not classified by positive law as a defect entailing invalidity. Moreover, the expansion of the statutory grounds for invalidity beyond those expressly established by law is precluded by the direct provision of Article 166 of the Civil Code. A transaction concerning property constitutes one of the legal facts within the legal composition required for the acquisition of ownership and does not in itself produce a proprietary (real) effect. Since a contract for the transfer of property gives rise to an obligation, there are no grounds for concluding that such a transaction contradicts Article 209 of the Civil Code, infringes the owner's rights, or should therefore be deemed invalid under paragraph 2 of Article 168. A valid transaction under which a good-faith acquirer receives the property constitutes, alongside the circumstances specified in Article 302 of the Civil Code, one of the necessary legal facts for the emergence of the acquirer's ownership. The invalidity of such a transaction entails the absence of one of the requisite legal facts and, consequently, precludes the acquisition of ownership by a good-faith acquirer under Article 302 of the Civil Code.

Keywords: ownership; transaction; vindication lawsuit; purchaser in good faith; nullity of the transaction; disputability of the transaction; restitution; legal fact; good faith; obligation; order; property law

Cite as: Malbin DA. The Transaction for the Alienation of Another's Property as an Element of the Legal Composition Giving Rise to Ownership Rights in a Good-Faith Purchaser. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):69-82. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.069-082

Приобретение добросовестным приобретателем вещи у лица, которое не является собственником и не имеет права на ее отчуждение, закономерно ставит перед юридической наукой вопрос о действительности совершаемой с чужой вещью сделки и роли последней в формировании юридического состава для возникновения у добросовестного приобретателя права собственности на вещь. Вопрос этот следует отнести к наиболее спорным, поскольку в цивилистической науке до настоящего времени так и не достигнут консен-

сус относительно влияния неуправомоченности отчуждателя на юридическую силу сделки.

Отсутствие ответа на данный вопрос отражается на правоприменительной практике, которая при рассмотрении споров склоняется к разным решениям. Например, в определении Верховного Суда РФ от 14.11.2023 № 26-КГПР23-4-К5¹ констатируется, что признание недействительным первоначального договора купли-продажи влечет также недействительность последующих сделок купли-продажи с этим имуществом, в то время как в определении Вер-

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.11.2023 № 26-КГПР23-4-К5 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

ховного Суда РФ от 18.03.2025 № 89-КГ24-14-К7² уже подчеркивается, что законодательство не содержит ни указания на такое последствие недействительности сделки, как признание недействительными всех последующих сделок, ни самостоятельного основания для признания сделки недействительной. В обоих случаях неуправомоченность отчуждателя вещи связана с ретроактивным характером недействительности сделки, вследствие которого право отчуждателя на имущество отпадает так, как если бы такого права у него никогда не было. Разные правоприменительные решения отражают различные подходы к вопросу о действительности сделки по отчуждению имущества, совершенной неуправомоченным отчуждателем.

Изложенное свидетельствует об актуальности исследуемого вопроса, а также верности замечания А. Д. Рудокваса о том, что «в отечественной доктрине и судебно-арбитражной практике до сих пор нет единства мнений по поводу того, является ли купля-продажа чужой вещи ничтожной сделкой как противоречащая закону и нарушающая права третьего лица либо обязательственный договор купли-продажи действителен и речь может идти лишь об ответственности продавца за неисполнение вытекающей из этого договора обязанности передать

покупателю право собственности на товар»³. При этом правильное разрешение этого вопроса не только способно обогатить науку гражданского права, но и имеет важное практическое значение, так как ответ на него решает правовую судьбу вещи и проблему конкуренции прав собственника и добросовестного приобретателя.

В современном российском праве вопрос о юридической силе сделки с чужим имуществом впервые на высоком уровне был поднят в п. 1 информационного письма Президиума ВАС РФ от 28.04.1997 № 13 «Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»⁴, где указывалось на признание сделки по распоряжению чужим имуществом недействительной.

В дальнейшем представление о недействительности сделки вследствие неуправомоченности отчуждателя получило распространение в юридической науке⁵ и судебной практике⁶. Согласно излагаемому подходу основанием недействительности сделки по отчуждению чужой вещи является статья 168 ГК РФ⁷, а правовой нормой, которая нарушается сделкой, выступает статья 209 ГК РФ, определяющая содержание субъективного права собственности⁸. При этом нарушение ст. 209 сторонники такой точки зре-

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.03.2025 № 89-КГ24-14-К7.

³ Рудоквас А. Д. Некоторые проблемы применения ст. 431.2 ГК РФ в связи с принципом добросовестности // Вестник гражданского права. 2017. № 2. С. 46.

⁴ Вестник ВАС РФ. 1997. № 7.

⁵ Ем В. С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству // Вестник гражданского права. 2018. № 4. С. 28–30; Скловский К. И. Запрет продажи чужого и реформирование ГК // Закон. 2018. № 12. С. 74; Горбатов К. А. Элементы добросовестного приобретения права собственности // Правовые вопросы строительства. 2011. № 2. С. 35; Мананников О. В. Споры, связанные с применением норм наследственного права // Нотариус. 2005. № 3. С. 25.

⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.06.2024 № 18-КГ24-21-К4; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.07.2016 № 9-КГ16-6; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.12.2022 № Ф07-17289/2022 по делу № А52-4653/2021; постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.07.2021 № Ф05-16732/2021 по делу № А40-106918/2013; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 29.12.2020 № Ф10-4608/2020 по делу № А64-8416/2018.

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁸ Скловский К. И. Запрет продажи чужого и реформирование ГК. С. 74.

ния видят в том, что только собственнику принадлежит право отчуждения вещи, а поскольку имущество отчуждает лицо, которое не имеет такого права, то сделка нарушает ст. 209 ГК РФ и права третьего по отношению к сторонам сделки лица — собственника имущества, вследствие чего такая сделка недействительна на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ.

Вместе с тем изложенная аргументация сталкивается с трудностями согласования недействительности сделки по отчуждению чужой вещи с пунктом 2 ст. 455 ГК РФ⁹, прямо допускающим заключение договора купли-продажи в отношении товара, который не принадлежит продавцу в момент заключения договора и будет приобретен в будущем.

Возражая против признания сделки по продаже чужого имущества действительной по мотиву законодательного закрепления возможности совершить сделку в отношении товара, который не принадлежит продавцу, В. В. Груздев подчеркивает, что продажу чужого необходимо отличать от продажи будущей вещи¹⁰.

Несмотря на то что продажа чужой вещи не тождественна продаже вещи, которая будет приобретена продавцом в будущем, оснований для противоположных выводов по вопросу о действительности сделки нет, так как для признания сделки недействительной необходимо, чтобы порок имелся на момент ее совершения¹¹. При этом в обоих случаях при совершении сделки отчуждатель не имеет права на вещь, в связи с чем признание сделки с собственно чужой вещью недействительной при правомерности продажи вещи, которая также не принадлежит продавцу, но будет приобретена им в будущем, не выглядит убедительным, поскольку неуправомоченность отчуждателя как утверждаемый

порок сделки не выдерживается единообразно в отношении обеих сделок. Принятие за основу того, что именно неуправомоченность в отношении вещи является тем пороком, который влечет недействительность сделки, приводит к выводу о том, что квалификация сделки должна быть одинаковой. Проводимое сторонниками такой точки зрения различие между отчуждением чужой вещи и вещи, которая будет создана или приобретена продавцом в будущем, не позволяет убедительно объяснить наступление различных правовых последствий с учетом того, что на момент совершения сделки положение отчуждателя одинаковое: он не имеет права на вещь, по поводу которой заключает договор.

Ввиду этого следует согласиться с В. А. Слыщенковым, который подчеркивает, что если договор купли-продажи не принадлежащего продавцу товара с точки зрения правопорядка не является противоправным, то не может признаваться противоправной сделка по отчуждению чужого имущества, поскольку отличие второго договора от первого лишь в оговорке относительно продажи именно чужой вещи, поэтому, заключает автор, договор купли-продажи чужого имущества может быть противоправным либо в обоих случаях, либо ни в одном из них¹².

Указание ГК РФ на возможность заключения договора купли-продажи вещи, которая в момент заключения договора не принадлежит продавцу, неслучайно: сделка есть юридический факт, влекущий возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, и поскольку речь идет о заключении договора купли-продажи, совершение такой сделки влечет возникновение договорного обязательства, а не переход права собственности на вещь, что прямо следует из взаимосвязанных положений

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

¹⁰ Груздев В. В. Актуальные проблемы гражданско-правовой реституции // Право и экономика. 2013. № 5. С. 45.

¹¹ Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2018. С. 734.

¹² Слыщенков В. А. Обязанность передать право собственности на товар в связи с некоторыми проблемами современной российской купли-продажи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2. С. 129.

п. 2 ст. 218, ст. 223 и п. 2 ст. 307 ГК РФ. Соответственно, должны быть высказаны сомнения в отношении довода о том, что совершение неуправомоченным отчуждателем сделки с чужой вещью нарушает субъективное право собственности, так как объектом обязательства выступает поведение обязанного лица¹³, что существенно отличает обязательственные права от вещных, объектом которых всегда является индивидуально-определенная вещь¹⁴. Именно вследствие обязательственного характера сделки по отчуждению в п. 1 постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем»¹⁵ указано, что отсутствие у продавца в момент заключения договора продажи недвижимости права собственности на имущество само по себе не является основанием для признания договора недействительным.

В этой связи возникновение на основании сделки обязательства между отчуждателем и приобретателем не может нарушить субъективное право собственности потому, что собственник не претерпевает изменений в правах и обязанностях: обязательство вообще не может создать обязанности для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон, а на вещь не оказывается никакого воздействия с одним только достижением сторонами соглашения о возникновении обязательства между ними. Неслучайно передача имущества указана в ст. 307 ГК РФ при перечислении действий, составляющих содержание обязательства; этим подчеркивается, что на основании договора об отчуждении вещи в собственность (независимо от того, принадлежит она продавцу на праве собственности или нет) создается обязательство между его сторонами, в силу которого у отчуждателя возникает обязанность передать покупателю вещь. В обязанность продавца по договору вменяется

совершение действия, в то время как право собственности на вещь при совершении сделки по отчуждению имущества переходит на основании юридического состава. Оказывается, что неуправомоченный отчуждатель при заключении договора купли-продажи распоряжается не вещью, а своим поведением, обязываясь к совершению фактических действий, за неисполнение или ненадлежащее исполнение которых несет ответственность. Это свидетельствует о верности довода Ю. В. Романаца о том, что возникающие на основании договора имущественные правоотношения могут быть только обязательственными¹⁶. Таким образом, сделка по отчуждению вещи в собственность как юридический факт, который влечет возникновение обязательства между ее сторонами, не может быть признана нарушающей права собственника, что исключает возможность квалификации такой сделки в качестве недействительной по ст. 168 ГК РФ.

Более того, само по себе заключение договора купли-продажи не влечет перехода права собственности на имущество даже тогда, когда отчуждателем является собственник, ведь, как следует из п. 2 ст. 218 и ст. 223 ГК РФ, для перехода права собственности к приобретателю по договору по общему правилу необходима совокупность юридических фактов: сделки по отчуждению имущества и совершаемой во исполнение такой сделки передачи движимой вещи, а равно иного факта, с которым стороны связали момент перехода права собственности на движимое имущество, или регистрации перехода права собственности на недвижимость. Таким образом, совершение сделки по отчуждению имущества не имеет вещно-правового эффекта, а выступает одним из фактов юридического состава для приобретения права собственности на вещь. Поэтому сделка по отчуждению вещи не может быть признана недействительной по причине отсутствия у отчуждателя вещных

¹³ Суханов Е. А. К понятию вещного права // Правовые вопросы недвижимости. 2005. № 1. С. 37.

¹⁴ Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М., 1950. С. 43–44; Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. С. 49.

¹⁵ Вестник ВАС РФ. 2011. № 9.

¹⁶ Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М., 2013. С. 26.

прав на имущество, т.к. единственное правовое последствие совершения такой сделки — возникновение обязательства.

С учетом изложенного противоречивыми кажутся доводы К. И. Забоева о том, что купля-продажа чужой вещи не может породить у собственника обязанностей в силу п. 3 ст. 308 ГК РФ и не является основанием для утраты им права собственности в силу п. 2 ст. 168 ГК РФ¹⁷. Юридическое безразличие для собственника сделки, которую совершает неуправомоченный отчуждатель, подчеркивает, что такая сделка, напротив, не может быть квалифицирована в качестве ничтожной на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ потому, что она не ведет к изменению прав и обязанностей собственника, но создает для должника обязанность совершить определенное действие фактического характера. Права собственника нарушаются незаконным владением отчуждателем вещью собственника и ее передачей приобретателю, а не совершением между неуправомоченным отчуждателем и приобретателем сделки, которая не оказывает никакого влияния на права и обязанности собственника.

При этом тот факт, что в силу ст. 223 ГК РФ стороны могут договориться об ином моменте перехода права собственности, исключив передачу вещи как факт, с которым по общему правилу связывается переход права на движимую вещь, не может служить основанием для вывода о недействительности сделки с чужим имуществом, ведь даже при исключении акта передачи вещи из юридического состава сделка остается той же, а меняется лишь одно из ее условий. Между тем изменение отдельных условий не должно приводить к квалификации в целом сделки по отчуждению чужого имущества в качестве недействительной, иначе это означало бы обобщение на основе частного случая.

Более того, изменение модели перехода права собственности с *traditio* на *solo consensu* возможно только в отношении движимых вещей, что при квалификации сделки с чужим имуществом в качестве недействительной означало

бы, что действительность сделки зависит не от ее содержания и противоречия нормам объективного права, а от того, какая вещь — движимая или недвижимая — выступает предметом сделки, в то время как недействительность сделки на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ определяется ее содержанием, а не видом отчуждаемого имущества.

Действительность договора об отчуждении чужого имущества не может зависеть от того, какую модель — *traditio* или *solo consensu* — избрали стороны для перехода права собственности, также потому, что право собственности вообще не способно выступать объектом обязательства и, таким образом, продавцу не может вменяться в обязанность передача субъективного права, поскольку субъективное право не передается, а прекращается и возникает вновь либо переходит от одного субъекта к другому при наступлении определенных юридических фактов, с которыми объективное право связывает юридические последствия.

Будучи идеальной категорией, субъективное право, в отличие от вещи, не может быть передано, ввиду чего наличие у отчуждателя права собственности на вещь нужно рассматривать в качестве условия перехода права от отчуждателя к приобретателю, а не действительности сделки по отчуждению вещи. Сам же переход права является результатом действия правопорядка, в частности тех юридических фактов, с которыми нормы объективного права связывают такой переход, вследствие чего независимо от выбранной модели стороны своим соглашением оговаривают лишь момент перехода права собственности, а не переход такого права. Изложенное подчеркивает, что в отсутствие у отчуждателя права собственности к моменту достижения юридического состава для перехода права собственности такое право не переходит к приобретателю в силу правила *nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse habet*.

Безотносительно к ст. 454 ГК РФ, в которой указывается, что продавец обязан передать вещь, а не право собственности на нее, можно

¹⁷ Забоев К. И. О применении ст. 168 Гражданского кодекса РФ и к вопросу о публичных интересах // Закон. 2015. № 9. С. 50.

также обратить внимание на ст. 398 ГК РФ. Она предоставляет кредитору право требовать отобрания вещи у должника в случае неисполнения им обязательства передать индивидуально-определенную вещь в собственность. Речь идет о неисполнении обязательства передать вещь, а не право собственности; соответственно, должник на основании ст. 398 ГК РФ принуждается к совершению действия, составляющего обязательство. При этом передачу вещи в собственность надо понимать исключительно в качестве действия физического, составляющего предмет обязательства, и в тех случаях, когда стороны заключили договор с условием о переходе права по модели *solo consensu*, что прямо вытекает из ст. 398 ГК РФ, так как избираемая сторонами договора модель определяет лишь момент перехода права, а не существо обязательства.

Однако нет достаточных оснований для признания сделки по отчуждению чужого имущества недействительной в части условия о переходе права собственности с момента достижения сторонами соглашения об этом. Как указывает В. А. Слыщенко, вещный эффект проявляется только при исполнении договора, даже если исполнение совпадает с его заключением, поэтому условие договора купли-продажи чужой вещи о переносе права собственности простым соглашением вовсе не ничтожно, договор в этой части просто не исполняется¹⁸.

Кроме того, стоит отметить, что статья 168 ГК РФ определяет недействительность сделки в качестве последствия нарушения ей требований закона, что указывает на предписывающий или запрещающий характер той правовой нормы, которая должна быть нарушена сделкой. В то же время по своему характеру статья 209 ГК РФ является управомочивающей, она не устанавливает требований для субъектов гражданских правоотношений, а только называет круг правомочий собственника. В этой связи говорить о

нарушении статьи 209 ГК РФ сделкой по отчуждению чужой вещи вряд ли возможно.

Рассматривая вопрос юридической силы сделки по отчуждению чужой вещи, А. М. Ширвиндт подчеркивает, что недействительна также сделка, совершенная в нарушение правила, которое хотя и не закреплено в законе, но имеет аксиоматичное значение, например, «никто не может передать другому больше права, чем имеет сам»¹⁹.

С таким подходом едва ли можно согласиться потому, что он расходится с положением п. 1 ст. 166 ГК РФ о том, что сделка может быть признана недействительной лишь по основаниям, установленным законом, что исключает тезис о возможности признания недействительной сделки по основаниям, которые в законе не закреплены.

Кроме того, юридическая максима *nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse habet* не дает убедительных оснований для вывода о недействительности сделки, совершенной неуправомоченным отчуждателем, а лишь указывает на невозможность перехода субъективного права от лица, не имеющего права, к приобретателю (что вполне очевидно, ведь при отсутствии права у одного субъекта оно не может от него перейти к другому). Вследствие отсутствия у отчуждателя права на вещь у добросовестного приобретателя возникает право собственности первоначальным образом, так как оно не может перейти к нему от стороны сделки.

Рассматривая вопрос конкуренции норм о реституции и виндикации в контексте защиты добросовестного приобретателя, Конституционный Суд РФ в постановлении от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева»²⁰ пришел к выводу: поскольку

¹⁸ Слыщенко В. А. Указ. соч. С. 132.

¹⁹ Ширвиндт А. М. Комментарий к «Обзору судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» (информационное письмо от 13.11.2008 № 126) // Вестник гражданского права. 2009. № 1. С. 109.

²⁰ СЗ РФ. 2003. № 17. Ст. 1657.

статья 168 ГК РФ указывает на возможность установления законом иных последствий нарушения требований закона, то последствием совершения сделки с чужим имуществом является не двусторонняя реституция, а возврат имущества из незаконного владения (виндикация) с учетом ст. 302 ГК РФ. Такой подход в дальнейшем возобладал в судебной практике²¹.

Причем вывод сделан Конституционным Судом РФ при отсутствии каких-либо сомнений в квалификации сделки по отчуждению чужой вещи в качестве недействительной.

Сходные аргументы приводил В. С. Ем: разъяснение о применении ст. 461 и неприменении ст. 167 ГК РФ к договорам при изъятии вещи у покупателя, изложенное в п. 83 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²², еще не свидетельствует о действительности договора потому, что закон может устанавливать иные последствия недействительности сделки²³.

Вместе с тем такая аргументация кажется спорной, ведь согласно ст. 168 ГК РФ при нарушении требований закона сделка является ничтожной или оспоримой, если из закона не следует, что должны применяться другие последствия, не связанные с ее недействительностью. Как видим, иные последствия, установленные на случай нарушения требований закона, оппонируют таким правовым последствиям, как ничтожность и оспоримость сделки, т.е. при наличии иных последствий сделка действительна. Более того, в ст. 168 ГК РФ прямо указано, что иные последствия, которые устанавливает закон при его нарушении, не связаны с недействительностью сделки.

Представленная в постановлении № 6-П позиция Конституционного Суда РФ противоречива в том числе потому, что право собственника на предъявление виндикационного иска не может выступать последствием недействительности сделки, совершенной неуправомоченным отчуждателем, так как виндикационный иск применяется, наряду с иском о применении последствий недействительности ничтожной сделки, как способ защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) и в случае нарушения субъективного права управомоченным лицом должен быть осуществлен выбор необходимого способа защиты права исходя из существа правоотношения, характера правонарушения и возможности избранного способа защиты непосредственно восстановить нарушенное право.

Поэтому указание в постановлении Конституционного Суда РФ № 6-П на возврат имущества из незаконного владения в качестве иного последствия нарушения закона, как верно подчеркивает А. М. Ширвиндт, свидетельствует о смешении различных категорий, таких как следствие недействительности сделки и последствие нарушения закона при совершении сделки²⁴.

В пункте 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»²⁵ (далее — Постановление № 10/22) указано, что ответчик может быть признан добросовестным приобретателем имущества при условии, если сделка, по которой он приобрел владение спорным имуществом, отвечает признакам действительной сделки во всем, за исключением того, что она совершена неуправомоченным отчуждателем.

²¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 5-КГ21-34-К2 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.03.2025 № 4-КГ24-91-К1 ; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 14-КГ18-12 ; постановление Президиума ВАС РФ от 09.09.2008 № 6132/08 по делу № А45-10354/07-35/366.

²² Российская газета. 2015, 20 июня. № 140.

²³ Ем В. С. Указ. соч. С. 29.

²⁴ Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 120–121.

²⁵ Российская газета. 2010, 21 мая. № 109.

В юридической литературе встречается восприятие данного разъяснения как указывающего на недействительность отчуждения чужого имущества²⁶.

Но бесспорные основания для такого вывода отсутствуют, поскольку, несмотря на отсылку в п. 38 Постановления № 10/22 к признакам действительной сделки, вывод о том, что сделка по отчуждению чужой вещи недействительна, в тексте разъяснения всё же отсутствует. Анализ текста п. 38 Постановления № 10/22 показывает, что вопрос о действительности сделки и влиянии неуправомоченности отчуждателя на сделку ставится исключительно в контексте того, считать ли приобретателя добросовестным.

Стоит, однако, заметить, что добросовестность приобретателя, согласно ст. 302 ГК РФ, связывается с отсутствием у него знаний о неуправомоченности отчуждателя, в то время как наличие или отсутствие в сделке каких-либо пороков находится вне предмета искомого знания, что не может не ставить вопрос об обоснованности такого разъяснения.

Между тем необходимость соответствующего разъяснения в контексте добросовестности не связана с квалификацией сделки по отчуждению чужой вещи недействительной и обусловлена следующим.

Как видим, в тексте п. 38 Постановления № 10/22 действительные сделки противопоставляются недействительным, каковыми являются ничтожные сделки (*ipso iure*), а также те оспоримые сделки, которые признаны судом недействительными. С учетом того, что в момент совершения добросовестным приобретателем сделки по приобретению имущества не может существовать судебного решения, которым бы такая сделка признавалась недействительной, совершаемая сделка исходя из п. 38 Постановления № 10/22 не должна иметь таких пороков, которые влекли бы ее ничтожность.

При этом пороки, которые влекут ничтожность и оспоримость сделки, в разной степени распознаваемы при ее совершении. В свою

очередь, те пороки, вследствие которых сделка оказывается ничтожной, как правило, распознать несложно. Так, к ничтожным относятся сделки, совершенные с нарушением обязательной нотариальной формы сделки (ст. 163 ГК РФ), нарушающие требования закона (ст. 168 ГК РФ), совершенные с целью, противной основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), мнимая и притворная сделки (ст. 170 ГК РФ), сделки, совершенные недееспособным (ст. 171 ГК РФ) и несовершеннолетним (ст. 172 ГК РФ). С учетом вышесказанного добросовестный приобретатель должен осознавать, что совершает ничтожную сделку, и это дает основания для вывода о том, что такой приобретатель поступился требованием закона при совершении сделки, что исключает политико-правовые мотивы его защиты.

Рассматривая возможность приобретения имущества добросовестным приобретателем, Б. Б. Черепяхин указывал следующее: «Не будет приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя при отсутствии двусторонней отчуждательной сделки, а равно если она недействительна вследствие того, что цель ее противна закону, или она направлена к явному ущербу для государства, или вследствие несоблюдения требуемой законом формы, или вследствие недееспособности отчуждателя»²⁷. Нетрудно заметить, что Б. Б. Черепяхин перечисляет такие пороки, которые влекут не оспоримость, а ничтожность сделки, а это свидетельствует в пользу того, что добросовестный приобретатель не может приобрести вещь на основании ничтожной сделки (что соответствует п. 38 Постановления № 10/22), но может приобрести имущество на основании оспоримой сделки, которая является действительной, если только не признана недействительной решением суда.

Разъяснение, изложенное в п. 38 Постановления № 10/22, дает основания для вывода о том, что сделка, совершенная неуправомоченным отчуждателем и добросовестным приобре-

²⁶ Жужжалов М. Б. Природа ответственности за эвикцию // Вестник гражданского права. 2014. № 6. С. 138.

²⁷ Черепяхин Б. Б. Виндикационные иски в советском праве // Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 221.

тателем, в отсутствие известных пороков является действительной, так как ничтожная сделка является *nullum esse* независимо от порока, вследствие которого она ничтожна, и числа пороков. В этой связи при признании сделки с чужим имуществом ничтожной по причине неуправомоченности отчуждателя указание в п. 38 Постановления № 10/22 на необходимость отсутствия пороков, которые влекут недействительность сделки, в некоторой степени лишалось бы смысла, поскольку сделка и без того оказывалась бы недействительной, в то время как наличие наряду с одним пороком, который повлек ничтожность сделки (отсутствие у отчуждателя права на вещь), других пороков ничего не меняет в вопросе юридической силы сделки и ее правовых последствий.

При этом нет оснований соглашаться с встречающимся в юридической литературе утверждением о том, что пункт 38 Постановления № 10/22 фактически вводит новый признак добросовестного приобретателя: последний должен получить вещь по непорочной сделке²⁸.

Приобретение добросовестным приобретателем вещи по сделке вообще имплицитно присуще институту защиты добросовестного приобретателя. Необходимость отсутствия в сделке пороков связана с тем, что неуправомоченность отчуждателя не составляет порока, вследствие которого сделка оказывалась бы недействительной, в то время как недействительность сделки (независимо от порока, который привел к недействительности) влекла бы возникновение между сторонами сделки относительного правоотношения по возврату друг другу всего полученного по недействительной сделке, что составляет самостоятельный способ защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ).

Однако последствия недействительности сделки не преодолеваются тем, что у добросовестного приобретателя возникает право собственности на полученную вещь (при наличии всех фактов юридического состава), так как соответствующая обязанность возникает в

силу одной только недействительности сделки и существует независимо от права сторон на переданное имущество. Как подчеркивает К. И. Скловский, сторона недействительной сделки для возврата вещи не только не обязана доказывать наличие права на вещь, но может не иметь такого права²⁹. С учетом изложенного неисполнение добросовестным приобретателем обязанности по возврату имущества в порядке реституции так или иначе свидетельствовало бы о его объективно противоправном поведении, хотя бы такой приобретатель и стал собственником при наличии всех необходимых фактов юридического состава.

Но такого противоречия не возникает при квалификации сделки с неуправомоченным отчуждателем в качестве действительной, так как у сторон сделки не имеется обязанности возвратить всё полученное по ней, но возникает ответственность продавца в случае изъятия вещи собственником у покупателя (ст. 461 ГК РФ). Если же вещь не истребована либо добросовестный приобретатель стал собственником вещи, то субъективные права и обязанности участников гражданского оборота не претерпевают изменений (кроме тех, которые связаны с прекращением прав собственника на вещь и возникновением такого права у добросовестного приобретателя).

Тем более необходимость обеспечить стабильность прав и обязанностей участников гражданских правоотношений актуализируется потому, что приобретению вещи добросовестным приобретателем обычно предшествует некоторое число сделок с имуществом и признание сделки по отчуждению чужой вещи недействительной означало бы формирование у значительного числа участников гражданского оборота соответствующих обязанностей, что расходится с целью института защиты добросовестного приобретателя, призванного обеспечить стабильность правового положения участников гражданского оборота.

Таким образом, наличие действительной сделки в юридическом составе для приобре-

²⁸ Потапенко С. В., Зарубин А. В. Настольная книга судьи по спорам о праве собственности / под ред. С. В. Потапенко. М. : Проспект, 2015. С. 128.

²⁹ Скловский К. И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. 2002. № 8. С. 109–110.

тения добросовестным приобретателем права собственности на вещь предписано природой правоотношений и отвечает политико-правовым стремлениям обеспечить стабильность гражданских прав и обязанностей, в то время как признание сделки по отчуждению чужой вещи недействительной, напротив, негативным образом сказывается на стабильности гражданского оборота и его участниках, которые вследствие императивного характера п. 2 ст. 167 ГК РФ обязаны вернуть друг другу всё полученное по сделкам.

Вместе с тем в юридической науке встречаются указания на отсутствие у добросовестного приобретателя обязанности возратить имущество в связи с недействительностью сделки по отчуждению чужой вещи. В частности, С. К. Ханашевич считает добросовестность средством легитимации приобретателя, исключающим реституцию и виндикацию имущества³⁰.

Однако добросовестность хотя и оправдывает приобретателя, но (в случае признания неуправомоченности отчуждателя пороком, который влечет недействительность сделки) не исключает самого порока сделки, из-за чего сделка остается недействительной, а у ее сторон имеется обязанность возратить друг другу всё полученное по ней. Для исключения соответствующей обязанности необходимо законодательное указание о том, что правило п. 2 ст. 167 ГК РФ об обязанности сторон вернуть всё полученное по сделке не распространяется на добросовестного приобретателя имущества либо на конвалидацию сделки ввиду добросовестности приобретателя, в то время как сегодня для этого не существует нормативных оснований, а в ст. 167 ГК РФ содержится императивное требование о возврате сторонами всего полученного по сделке при ее недействительности. При таких обстоятельствах квалификация сделки с чужим имуществом в качестве ничтожной с одновременным рассмотрением добросовестности приобретателя в качестве условия, исключающего общие последствия недействительности сделки, кажется решением неестественным, а потому

вызывает сомнения. Между тем потребность в таком обосновании отпадает при одном только признании того, что сделка по отчуждению чужого имущества действительна.

Таким образом, в российском гражданском праве субъективное право собственности переходит от собственника к приобретателю при наличии фактов юридического состава, к числу которых относятся сделка по отчуждению вещи в собственность и регистрация перехода права собственности на недвижимость или совершаемая во исполнение сделки передача движимой вещи либо иной факт, указанный в законе или договоре. В свою очередь, наличие у отчуждателя права собственности на вещь выступает условием его перехода к приобретателю.

При этом сделка по отчуждению имущества, совершенная между неуправомоченным отчуждателем и приобретателем, действительна и в силу ст. 8 и 307 ГК РФ порождает между сторонами обязательство. Оснований для квалификации сделки с чужим имуществом в качестве недействительной не имеется, поскольку сама по себе сделка не имеет вещного эффекта и не оказывает влияния на права собственника. В связи с обязательственным характером правовых последствий сделки отчуждатель распоряжается не чужим имуществом, а собственным поведением, а значит, нет оснований для вывода о противоречии такой сделки норме ст. 209 ГК РФ и признания ее нарушающей права собственника.

Неуправомоченность отчуждателя не отнесена объективным правом к тем порокам, которые влекут недействительность сделки. Расширение же перечня случаев, когда сделка является недействительной, за счет не установленных объективным правом оснований, в том числе правила *nemo plus iuris ad alium transferre potest, quam ipse habet*, невозможно ввиду прямого указания ст. 166 ГК РФ о том, что сделка может быть недействительной только по основаниям, установленным законом. Кроме того, упомянутая юридическая максима отражает лишь идею о том, что право не может перейти

³⁰ Ханашевич С. К. Добросовестное приобретение имущества от неуправомоченного лица // СПС «КонсультантПлюс».

от одного субъекта к другому, если у отчуждателя такого права нет, но не дает убедительных оснований для вывода о недействительности сделки по отчуждению вещи, совершенной неуправомоченным отчуждателем (тем более с учетом того, что право собственности переходит не вследствие совершения сделки, а на основании сложного юридического состава).

Признание сделки по отчуждению чужого имущества действительной отвечает политико-правовым стремлениям обеспечить стабильность прав и обязанностей участников гражданского оборота, в то время как при квалификации соответствующей сделки в качестве недействительной между сторонами возникают относительные по своему характеру отношения из недействительности сделки и обязанность сторон возвратить всё полученное по ней. При этом такая обязанность возникает в силу одной только недействительности сделки и существует безотносительно к вопросу наличия у сторон прав на переданное по сделке имущество. В свете этого возникновение у добросовестного приобретателя права собственности не исключает его обязанности вернуть вещь другой стороне сделки ввиду императивного характера института реституции, а неисполнение реституционной обязанности в любом случае свидетельствовало бы о его объективно противоправном бездействии.

С учетом изложенного действительная сделка, на основании которой добросовестный приобретатель получает вещь, является одним из фактов юридического состава, наличие которого, наряду с фактами, указанными в ст. 302 ГК РФ, влечет возникновение у него права собственности на имущество и, следовательно, невозможность виндикации этого имущества собственником, так как последний утрачивает право собственности в связи с приобретением такого права добросовестным приобретателем.

Недействительность сделки, на основании которой добросовестный приобретатель получает вещь, означает отсутствие одного из юридических фактов, требуемых для приобретения им права собственности, что исключает возникновение у него права собственности на полученную вещь. В этом случае между неуправомоченным отчуждателем и добросовестным приобретателем как сторонами сделки возникают отношения из ее недействительности (ст. 167 ГК РФ), которые состоят в возникновении у каждой стороны обязанности возвратить друг другу всё полученное по сделке. При этом как самостоятельный способ защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ) и в силу императивного характера института реституции право требовать применения последствий недействительности сделки принадлежит каждой стороне сделки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горбатов К. А. Элементы добросовестного приобретения права собственности // Правовые вопросы строительства. — 2011. — № 2. — С. 33–36.
2. Груздев В. В. Актуальные проблемы гражданско-правовой реституции // Право и экономика. — 2013. — № 5. — С. 43–47.
3. Ем В. С. Ничтожность сделок по действующему гражданскому законодательству // Вестник гражданского права. — 2018. — № 4. — С. 12–45.
4. Жужжалов М. Б. Природа ответственности за эвикцию // Вестник гражданского права. — 2014. — № 6. — С. 118–139.
5. Забоев К. И. О применении ст. 168 Гражданского кодекса РФ и к вопросу о публичных интересах // Закон. — 2015. — № 9. — С. 49–72.
6. Мананников О. В. Споры, связанные с применением норм наследственного права // Нотариус. — 2005. — № 3. — С. 24–29.
7. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. — М., 1950. — 416 с.
8. Потапенко С. В., Зарубин А. В. Настольная книга судьи по спорам о праве собственности / под ред. С. В. Потапенко. — М. : Проспект, 2015. — 248 с.

9. Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. — М., 2013. — 496 с.
10. Рудоквас А. Д. Некоторые проблемы применения ст. 431.2 ГК РФ в связи с принципом добросовестности // Вестник гражданского права. — 2017. — № 2. — С. 31–47.
11. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2018. — 1264 с.
12. Скловский К. И. Запрет продажи чужого и реформирование ГК // Закон. — 2018. — № 12. — С. 71–78.
13. Скловский К. И. Некоторые проблемы реституции // Вестник ВАС РФ. — 2002. — № 8. — С. 108–122.
14. Слыщенков В. А. Обязанность передать право собственности на товар в связи с некоторыми проблемами современной российской купли-продажи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2017. — № 2. — С. 129–144.
15. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. — М. : Статут, 2017. — 560 с.
16. Суханов Е. А. К понятию вещного права // Правовые вопросы недвижимости. — 2005. — № 1. — С. 34–40.
17. Ханашевич С. К. Добросовестное приобретение имущества от неуправомоченного лица // СПС «КонсультантПлюс».
18. Черепяхин Б. Б. Виндикационные иски в советском праве // Черепяхин Б. Б. Труды по гражданскому праву. — М. : Статут, 2001. — С. 171–224.
19. Ширвиндт А. М. Комментарий к «Обзору судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения» (информационное письмо от 13.11.2008 № 126) // Вестник гражданского права. — 2009. — № 1. — С. 107–146.

Материал поступил в редакцию 2 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gorbатов K. A. Elementy dobrosovestnogo priobreteniya prava sobstvennosti // Pravovye voprosy stroitelstva. — 2011. — № 2. — S. 33–36.
2. Gruzdev V. V. Aktualnye problemy grazhdansko-pravovoy restitutsii // Pravo i ekonomika. — 2013. — № 5. — S. 43–47.
3. Em V. S. Nichtozhnost sdelok po deystvuyushchemu grazhdanskomu zakonodatelstvu // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2018. — № 4. — S. 12–45.
4. Zhuzhzhhalov M. B. Priroda otvetstvennosti za eviktsiyu // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2014. — № 6. — S. 118–139.
5. Zaboiev K. I. O primenenii st. 168 Grazhdanskogo kodeksa RF i k voprosu o publichnykh interesakh // Zakon. — 2015. — № 9. — S. 49–72.
6. Manannikov O. V. Spory, svyazannye s primeneniem norm nasledstvennogo prava // Notarius. — 2005. — № 3. — S. 24–29.
7. Novitskiy I. B., Lunts L. A. Obshchee uchenie ob obyazatelstve. — M., 1950. — 416 s.
8. Potapenko S. V., Zarubin A. V. Nastolnaya kniga sudi po sporam o prave sobstvennosti / pod red. S. V. Potapenko. — M.: Prospekt, 2015. — 248 s.
9. Romanets Yu. V. Sistema dogovorov v grazhdanskom prave Rossii. — M., 2013. — 496 s.
10. Rudokvas A. D. Nekotorye problemy primeneniya st. 431.2 GK RF v svyazi s printsipom dobrosovestnosti // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2017. — № 2. — S. 31–47.
11. Sdelki, predstavitelstvo, iskovaya davnost: postateynny kommentariy k statyam 153–208 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / отв. ред. А. Г. Карапетов. — М.: М-Логос, 2018. — 1264 с.
12. Sklovskiy K. I. Zapret prodazhi chuzhogo i reformirovanie GK // Zakon. — 2018. — № 12. — S. 71–78.
13. Sklovskiy K. I. Nekotorye problemy restitutsii // Vestnik VAS RF. — 2002. — № 8. — S. 108–122.

14. Slyshchenkov V. A. Obyazannost peredat pravo sobstvennosti na tovar v svyazi s nekotorymi problemami sovremennoy rossiyskoy kupli-prodazhi // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2017. — № 2. — S. 129–144.
15. Sukhanov E. A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatelnyy ocherk. — M.: Statut, 2017. — 560 s.
16. Sukhanov E. A. K ponyatiyu veshchnogo prava // Pravovye voprosy nedvizhimosti. — 2005. — № 1. — S. 34–40.
17. Khanashevich S. K. Dobrosovestnoe priobretenie imushchestva ot nepravomochennogo litsa // SPS «KonsultantPlyus».
18. Cherepakhin B. B. Vindikatsionnye iski v sovetskom prave // Cherepakhin B. B. Trudy po grazhdanskomu pravu. — M.: Statut, 2001. — S. 171–224.
19. Shirvindt A. M. Kommentariy k «Obzoru sudebnoy praktiki po nekotorym voprosam, svyazannym s istrebovaniem imushchestva iz chuzhogo nezakonnogo vladeniya» (informatsionnoe pismo ot 13.11.2008 № 126) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2009. — № 1. — S. 107–146.

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.083-092

Д. В. Бочкарев*

Признаки публичного договора и договора присоединения в соглашениях, заключенных с использованием информационных технологий

Аннотация. В статье исследованы признаки публичного договора и договора присоединения в соглашениях, заключенных с использованием информационных технологий. Этот вид соглашений предусматривает применение компьютерных программ, программных агентов, в том числе интернет-платформы. На основе сравнительно-правового метода автором сделан вывод о том, что в соглашениях, заключенных при помощи технологических средств, таких как технологии смарт-контракта, заключение договора в информационных (цифровых) системах, предметом которых является цифровой финансовый актив, в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», имеются признаки конструкций договора присоединения и публичного договора. Автоматизация процессов заключения, исполнения обязательств и внедрение технологических феноменов в гражданский оборот позволяют по-новому взглянуть на типовые модельные конструкции, расширяя правовые границы их действия.

Ключевые слова: типовая (специальная) договорная конструкция; публичный договор; договор присоединения; электронные сделки; интернет-магазин; маркетплейс; владелец агрегатора; пользовательское соглашение; click-wrap-соглашения; онлайн-платформа; смарт-контракт; автоматизированный способ заключения договора; автоматизированный способ исполнения договора

Для цитирования: Бочкарев Д. В. Признаки публичного договора и договора присоединения в соглашениях, заключенных с использованием информационных технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 83–92. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.083-092

Features of a Public Contract and an Adhesion Contract in Agreements Concluded by means of Information Technologies

Daniil V. Bochkarev, Postgraduate Student, Lebedev Russian State University of Justice, Practicing Lawyer, Moscow, Russian Federation
daniil.bochkarev1997@yandex.ru

Abstract. The paper examines some characteristics of a public contract and an adhesion contract in agreements concluded by means of information technologies. This type of agreements involves the use of computer programs, software agents, including Internet platforms. Based on the comparative legal method, the author concludes that agreements formed with the help of technological means, including smart contract technologies, the formation of a contract in information (digital) systems, the subject of which is a digital financial asset, on the «Internet» information and telecommunications network, contain features of the structures of an adhesion contract and a

© Бочкарев Д. В., 2026

* Бочкарев Даниил Вячеславович, аспирант Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, практикующий юрист
Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Российская Федерация, 117418
daniil.bochkarev1997@yandex.ru

public contract. The automation of the processes of concluding and performing obligations and the introduction of technological «phenomena» into civil circulation allow for a new look at standard model structures, expanding the legal boundaries of their operation.

Keywords: standard (special) contractual structure; public contract; adhesion contract; electronic transactions; online store; marketplace; aggregator owner; user agreement; click-wrap agreements; online platform; smart contract; automated method of concluding a contract; automated method of performing a contract

Cite as: Bochkarev DV. Features of a Public Contract and an Adhesion Contract in Agreements Concluded by means of Information Technologies. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):83-92. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.083-092

Российский рынок электронной коммерции в настоящее время активно развивается. Быстрыми темпами в гражданский оборот внедряются новые информационные технологии и высокотехнические средства связи. Данные процессы определяют высокие показатели потребления, обмена, распределения экономических ресурсов и повышения уровня профессионализма участников гражданско-правовых отношений. Текущие изменения конъюнктуры рынка не обошли стороной сферы предпринимательских и потребительских обязательств. На смену торговым сделкам, заключенным путем непосредственного ознакомления с товаром (предложений, представленных на прилавках, в витринах, бумажных каталогах, в том числе через продажу по образцам), пришли и получили массовое распространение договоры, оформленные с помощью информационных (программных) и цифровых средств, смарт-технологий, что, безусловно, упрощает заключение и исполнение сделки, но усложняет вопросы правоприменения. Как верно указывает В. А. Белов, право в условиях трансформации общественной жизни, являясь инструментом регулирования экономических отношений, не составляет исключения и также подвергается изменениям, адаптации и модернизации¹.

Действительно, в связи с широким распространением электронных сделок в обороте

был принят Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»², послуживший нормативному закреплению гражданско-правовых отношений, складывающихся в электронной сфере. Законодателем внесены изменения в ст. 160, 309 и 434 ГК РФ³, согласно которым электронная форма сделки приравнивается к письменной и считается соблюденной в случае совершения потребителем необходимых конклюдентных действий с использованием технических средств и существования объективной возможности достоверно определить лицо, выразившее волю к заключению договора. Помимо названных в законе критериев для выделения сделки, заключенной в электронной форме, в доктрине отмечаются: дистанционный характер взаимодействия, не связанный с передачей сторонами друг другу договора на материальном носителе; нематериальность; электронная форма договора (файл или компьютерная программа)⁴ и др. В противовес аутентичному толкованию Л. Г. Ефимова утверждает, что электронная форма договора — это самостоятельная его форма, под которой необходимо понимать соглашение в виде динамического и/или гипертекстового электронного документа, который может заключаться дистанционно, в том числе через электронных агентов, различными спо-

¹ См.: Белов В. А. Смарт-торговля (цифровая торговля): основные положения о цифровизации договорных отношений с участием потребителей // Вестник арбитражной практики. 2022. № 3 (100). С. 17–23.

² СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ См.: Белов В. А. Электронная торговля: понятие, правовое регулирование и судебная практика // Вестник арбитражной практики. 2021. № 4 (95). С. 11–20.

собами (через транзакционный веб-сайт, путем компьютеризированного обмена данными и т.п.), а также автоматически исполняться по наступлении определенных обстоятельств без дополнительной команды человека⁵.

Примечательно, что международно-правовое регулирование уделяет особое внимание сделкам, заключенным в электронной форме, включая трансграничные сделки, для целей устранения правовых препятствий и барьеров между национальными правовыми системами в вопросах толкования и правоприменения. В основе разработки и принятия международно-правовых актов в данной сфере лежит соблюдение принципов технологической нейтральности и функциональной эквивалентности в той мере, в которой избранные сторонами средства отвечают цели соответствующих норм права. Так, еще в 1996 г. в г. Нью-Йорке Генеральной ассамблеей ООН был принят Типовой закон об электронной торговле⁶, содержащий рамочные правила торговли в сфере заключения и исполнения электронных международных коммерческих договоров. В нем закреплено, что, как и соглашения, средством взаимодействия между сторонами в которых выступают сообщения данных, соглашения, заключенные с использованием автоматизированных средств, не могут быть лишены юридической и исковой силы. Совершенствование Типового закона Комиссией ООН по праву международной торговли с участием представителей РФ продолжается. На уровне взаимодействия правопорядков стран СНГ стоит выделить Модельный закон об элек-

тронной торговле, принятый постановлением от 25.11.2008 № 31-12 на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ. Его положения раскрывают правовую природу и порядок заключения электронного договора, основные принципы построения отношений в информационных (цифровых) системах, особенности оформления и исполнения автоматизированных электронных сделок и другие не менее важные аспекты рассматриваемой области. Среди международно-правовых актов, направленных на унификацию правовых норм в сфере электронной торговли, можно также выделить: Конвенцию ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах от 23.11.2005⁷; Директиву Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2000/31/ЕС от 08.06.2000 о некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности об электронной коммерции (Директива об электронной коммерции)⁸; Uniform Commercial Code⁹ и др. Из открытых источников известно, что на завершающей стадии находится рассмотрение вопроса о принятии типового закона об автоматизированном заключении договоров¹⁰. В настоящий момент огромное количество договоров с участием предпринимателей, потребителей заключается в электронной форме при помощи программных агентов¹¹, информационных посредников (владелец агрегатора/маркетплейса). Так, согласно аналитическим данным Ассоциации компаний интернет-торговли, объем рынка интернет-торговли за 2024 г. в России составил

⁵ См.: Ефимова Л. Г. Понятие и правовые особенности электронного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 7. С. 84–90.

⁶ См.: Вайпан В. А. Источники цифрового права // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1 (110). С. 3–29.

⁷ См.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 16.01.2025).

⁸ См.: Вайпан В. А. Указ. соч.

⁹ См.: Хохолоков М. Click-wrap-соглашения: модно, выгодно, удобно. Опасно? // Практическая бухгалтерия. 2020. № 7. С. 15–17.

¹⁰ См.: URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/komissiya_oon_pri_uchastii_rf_sovershenstvuet_dokumentooborot_v_mezhdunarodnoy_elektronnoy_torgovle.html (дата обращения: 15.01.2025).

¹¹ См.: Березина Е. А. Использование программных агентов в юридической практике // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 7 (152). С. 71–85.

617 трлн руб. По сравнению с 2020 г. показатель вырос на 50 %¹².

По результатам применения практического метода исследования можно сделать вывод, что большинство интернет-соглашений содержат признаки типовых конструкций публичного договора и (или) договора присоединения. Среди таких видов договоров стоит выделить: договор розничной купли-продажи, договор поставки, договор возмездного оказания услуг, договор страхования, лицензионное соглашение, договор банковского вклада, договор займа (в том числе P2P-финансирование¹³), договор хранения, соглашение организатора торгов с оператором электронной торговой площадки, представительские, транспортные сделки¹⁴ и др. Публичный договор и договор присоединения, закрепленные в ст. 426 и 428 ГК РФ, являются типовыми (специальными) договорными конструкциями¹⁵, нормы о которых регулируют наиболее масштабную сферу имущественных отношений. В юридической литературе обе конструкции отождествляются со способом заключения договора. Между тем и публичный договор, и договор присоединения могут быть одновременно как договором модельного типа, так и основанием возникновения гражданско-правовых обязательств. Для признания договора публичным достаточно, чтобы одной из сторон выступал профессиональный участник конкретного рынка, осуществляющий предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность. При этом такая деятельность носит массовый характер ввиду

реализации социально значимых товаров (работ, услуг) производственного назначения. Прямое упоминание в законе не является определяющим признаком для публичного договора. Слабой стороной в публичном договоре могут выступать индивидуальные предприниматели, юридические лица, на что указал Верховный Суд РФ в своих разъяснениях¹⁶. Договор присоединения отличается от других типовых моделей построения договорных правоотношений такими признаками, как стандартная форма (формуляр, шаблон, бланк договора, подготовленный одной из сторон для неоднократного применения); экономическое превосходство (информационное, производственное) одной из сторон над стороной, присоединяющейся к договору; однотипность условий договора, нацеленных на массовое применение; полное, безоговорочное присоединение слабой стороны к заранее выработанным условиям. Оба института напрямую связаны с ограничением принципа свободы договора, их правовое предназначение состоит в защите слабой стороны договора. Для раскрытия признаков обратимся к примерам.

Договоры, заключенные в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а именно в интернет-магазинах, имеют признаки публичного договора и договора присоединения, которые проявляются в следующем. В потребительской сфере большинство таких соглашений подчиняются правилам дистанционной продажи товаров¹⁷. Продавец (изготовитель/исполнитель) размещает в Интернете

¹² См.: URL: <https://akit.ru/analytics/trade> (дата обращения: 24.01.2025).

¹³ См.: *Останина Е. А.* Есть ли потребитель в системе P2P-финансирования? // *Е-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование)* : сборник статей / А. А. Богустов, О. Н. Горохова, Д. А. Доротенко [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2019. С. 5–38.

¹⁴ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 20.08.2024 по делу № А40-131488/24-3-863 (здесь и далее в статье, если не указано иное, материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁵ См.: *Витрянский В. В.* Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // *Вестник ВАС РФ*. 2012. № 1. С. 26–59.

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // *Российская газета*. 2019, 11 января. № 4.

¹⁷ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // *СЗ РФ*. 1996. № 3. Ст. 140 ; постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору

публичную оферту, содержащую все существенные условия договора, и из такого предложения усматривается воля лица, делающего предложение заключить договор с любым, кто отзовется. Публичная оферта — один из основных способов заключения публичного договора. На практике она представляет собой пользовательское соглашение или общие условия договора. Покупатель (заказчик) для заключения договора обязан совершить необходимые (конклюдентные) действия по принятию предложенных условий, фактически присоединиться к ним. Подразумевается, что публичная оферта содержит целый ряд условий (правил) о порядке заключения и исполнения договора, правах и обязанностях сторон, об ответственности, основаниях расторжения и прекращения договора и иные условия, с которыми, предполагается, потребитель ознакомился. Так, в судебной практике отмечается, что, получая доступ к материалам сайта или приложения, пользователь и (или) посетитель считается присоединившимся к договору розничной купли-продажи ювелирного изделия¹⁸. Такой договор признается заключенным с момента получения продавцом сообщения потребителя о намерении заключить договор розничной купли-продажи. Указанное подтверждение должно содержать номер заказа, либо может использоваться иной способ идентификации заказа, который позволяет потребителю получить информацию о заключенном договоре. В другом примере суд установил, что пользователь, совершая конклюдентные действия на сайте продавца, выразил намерение за-

ключить договор и присоединился к условиям публичной оферты о предоставлении дополнительных возмездных услуг по страхованию, что подтверждается фактом заключения договора и возникновением определенных гражданско-правовых последствий¹⁹. Иные примеры из судебной практики также демонстрируют наличие признаков конструкций публичного договора и договора присоединения в соглашениях таких видов²⁰.

Еще пример — договор, заключенный при помощи информационного посредника — владельца агрегатора (оператор маркетплейса). В России такими лицами являются ООО «Яндекс», ООО «Авиасейлс Медиа», ООО «Вайлдберриз», ООО «Авито», ООО «Профи.ру» и др. Владелец агрегатора не выступает продавцом, его основная роль — осуществление возмездных информационных и иных услуг. Ответственность владельца торговой площадки самостоятельная²¹, он вступает в правоотношения с потребителем до заключения основного договора. Главная особенность состоит в том, что покупатель (заказчик) вступает в правоотношения с агрегатором при помощи публичной оферты, размещенной на сайте торговой площадки или иной удобной интернет-платформе. Договор может именоваться пользовательским соглашением или общими условиями продаж (правила пользования торговой площадкой), как в случае с интернет-магазином. Такой вид соглашения отвечает признакам публичного договора и договора присоединения. Владелец агрегатора — профессиональный участник рын-

розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 3. Ст. 593.

¹⁸ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 04.09.2024 № 88-17971/2024.

¹⁹ Решение Ленинградского районного суда Краснодарского края от 07.11.2022 по делу № 2-1334/2022.

²⁰ Решение Октябрьского районного суда города Мурманска от 30.05.2024 по делу № 2-2015/2024 ; апелляционное определение Индустриального районного суда города Перми от 07.11.2024 по делу № 11-198/2024 ; решение Нижнетавдинского районного суда Тюменской области от 31.03.2021 по делу № 2-34/2021.

²¹ См.: Кузнецова Л. В. Вопросы гражданско-правовой ответственности агрегаторов электронной коммерции // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование). С. 39–65.

ка, осуществляющий информационные и иные услуги для целей ознакомления и продажи товара, тем самым связывая продавца и покупателя по основной сделке. Например, согласно п. 2.2 пользовательского соглашения ООО «Вайлдберриз»²² оферта, а также информация о товаре, представленная на сайте, являются публичной офертой. Пользуясь торговой площадкой, покупатель безоговорочно соглашается с условиями оферты. Суды, сталкиваясь в практике со спорами, в которых участвуют владельцы агрегаторов, отмечают, что пользователь, заключая договор на маркетплейсе, присоединяется к оферте в порядке ст. 428 ГК РФ²³. Из этого следует, что покупатель — физическое лицо вправе воспользоваться средствами защиты, предусмотренными статьями 426, 428 ГК РФ и специальным законодательством, а продавец несет ответственность за неисполнение обязанностей по заключению и исполнению договора. Лица, осуществляющие предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, также выступают активными участниками таких правоотношений на стороне покупателя (пользователя)²⁴.

Фактически перечисленные виды соглашений сходны с click-wrap-соглашениями. Их особенность состоит в том, что акцепт в виде нажатия на клавишу электронной панели «я согласен» или «согласен и ознакомлен» подтверждает начало действия договора, заключенного в электронной форме. Безусловно, заключение такого соглашения невозможно без предварительного согласования существенных условий, которые находятся на электронном бланке, размещенном на сайте продавца (исполнителя). Такой процесс не отнимает много времени

у потребителя ввиду полного и безоговорочного присоединения к оферте. Это вызывает многочисленные споры в практике касательно навязывания дополнительных услуг, притеснения и (или) ущемления прав потребителя, явно обременительных условий договора²⁵. Наличие в представленном договорном обязательстве признаков публичного договора и договора присоединения определяет широкий набор правовых инструментов и средств защиты слабой стороны гражданско-правового обязательства²⁶.

Если исходить из буквального толкования ст. 2 Закона о защите прав потребителей, термин «онлайн-платформа» равнозначен термину «агрегатор», онлайн-платформа представляет собой компьютерную программу, или сайт, или страницу сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а фактически информационную систему, раскрывающую сведения о товаре (услуге), продавце и предложении о реализации. Суды отмечают, что онлайн-платформа — это маркетплейс или информационно-справочная система, в которой размещаются справочная информация о товарах, услугах, рекламные материалы в форме товарных предложений и иные сведения²⁷. У каждой интернет-платформы имеется регламент, содержащий типовые правила пользования. Они однотипны и предназначены для многократного применения, что указывает на наличие признаков договорной конструкции присоединения. Из этого следует, что свобода в заключении соглашений с использованием онлайн-платформы, а именно свобода в определении условий договора, ограничена. Так, в одном из дел арбитражный суд, разрешая вопрос об удовлетворении исковых

²² См.: URL: <https://www.wildberries.ru/services/pravila-polzovaniya-torgovoy-ploshchadkoy> (дата обращения: 26.01.2025).

²³ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.09.2023 № 88-17773/2023 по делу № 2-4045/2022 ; апелляционное определение Саратовского областного суда от 29.10.2024 по делу № 33-9907/2024 ; решение Октябрьского районного суда города Улан-Удэ от 05.06.2024 по делу № 2-2263/2024.

²⁴ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 03.03.2023 по делу № А40-296872/22-69-2185 ; решение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 20.02.2023 по делу № А58-9895/2022.

²⁵ Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2024 № 88-5807/2024.

²⁶ См.: Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М. : Волтерс Клувер, 2006.

²⁷ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 10.09.2024 по делу № А40-33751/24-134-178.

требований, установил, что договор займа был заключен на инвестиционной платформе, правила пользования которой представляют собой модель договора присоединения²⁸. При этом каждая из сторон основного соглашения является присоединившейся. Обоснованны доктринальные обсуждения о необходимости правового моделирования трехсторонних договорных конструкций²⁹.

Признаки договора присоединения содержатся в договорах, заключенных при помощи технологии смарт-контракта. В широком смысле термин «смарт-контракт» рассматривается как соглашение, заключаемое и исполняемое автоматизированным способом. Это означает, что стороны, присоединившись к правилам информационной (цифровой) системы, не вмешиваются в процедуры заключения и исполнения обязательств, которые осуществляются за счет компьютерной программы при наступлении определенных обстоятельств. Границы распространения модели смарт-контракта включают как договоры, заключенные на онлайн-платформе, так и соглашения, объектом которых выступают цифровые финансовые активы в качестве встречного предоставления при использовании технологии блокчейн, не исключая появления новых договорных форм. Еще в конце 2016 г. первыми в России технологию смарт-контракта применяли для осуществления расчетов АО «Альфа-банк» и S7 Airlines³⁰.

При выявлении признаков конструкции присоединения в соглашениях, построенных с использованием технологии «смарт-контракт», особое внимание нужно уделить правилам, разработанным оператором компьютерной программы (платформы). Важно отметить, что правила бывают общедоступными и адресованными неопределенному кругу лиц, а именно сформированными в публичном распределен-

ном реестре (блокчейн). Из характера правоотношений следует, что одна сторона, владелец технологии, прописывает программный код, язык программирования, условия контракта, а другая сторона присоединяется к ним, то есть не участвует в формировании программного кода, согласовании условий будущего соглашения. Более того, стороны, присоединившиеся к правилам платформы, не обладают высокими профессиональными и (или) техническими навыками в области автоматизированного заключения и исполнения контрактов, а значит, в таких соглашениях имеется явное неравенство субъектов. Изложенное свидетельствует о наличии признаков договора присоединения. Как верно указывала Н. И. Клейн, сущность договора присоединения заключается в том, что к предложенному одной стороной договору со стандартными условиями вторая сторона присоединяется в целом, не влияя на его содержание³¹. Дополнительно, не стоит оставлять без исключения факты неправомерного и недобросовестного поведения оператора компьютерной программы в части установления явно обременительных и несправедливых условий по отношению к присоединившимся сторонам, например ограничение ответственности оператора ввиду технического сбоя компьютерной программы. В цифровой среде также выделяют частные блокчейн-платформы, в которых признаки договора присоединения могут отсутствовать³². В целом, если проанализировать практическую составляющую заключения данных соглашений и рассматривать цифровую платформу как информационного посредника, может показаться, что существует несколько уровней присоединения: первый, когда осуществляется вход на платформу и пользователь присоединяется к договору — оферте, размещенной ее владельцем посредством, например, click-wrap-соглашения,

²⁸ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.09.2023 № 09АП-35212/2023 по делу № А40-135971/2022.

²⁹ См.: *Останина Е. А.* Указ. соч. С. 23.

³⁰ См.: URL: <https://www.aex.ru/news/2016/12/21/163842/> (дата обращения: 02.02.2025).

³¹ См.: *Карпетов А. Г., Савельев А. И.* Свобода договора и ее пределы : в 2 т. Т. 2. М. : Статут, 2012.

³² См.: *Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В.* Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // *Lex russica*. 2019. № 8 (153). С. 8.

а второй — при заключении основной сделки с контрагентом. О наличии нескольких уровней договора присоединения писала в своих научных трудах А. В. Цыпленкова³³.

Исследуя смарт-контракт как цифровой договор по признакам, выделенным А. И. Савельевым³⁴, преждевременно говорить о наличии признаков публичного договора в таких сделках. К второстепенному, но не менее важному признаку публичного договора относится массовый характер сделок, предметом которых становятся социально необходимые, производственно значимые товары (работы, услуги). Между тем предметом смарт-контракта выступают цифровые финансовые активы, которые на настоящий момент не имеют таких объемов реализации и обращения, как, например, договоры, заключенные дистанционным способом. Уместно уделить внимание научным дискуссиям о равнозначности юридической природы публичного договора, договора присоединения, смарт-контракта в качестве типовых договорных конструкций³⁵. В поддержку такой теории выступили Л. Г. Ефимова, О. Б. Сизмова, О. С. Гринь. Придерживаясь классической теории договора, полагаем аргументированным утверждение о сходстве юридических признаков смарт-технологии с электронной формой сделки, программным средством заключения и (или) исполнения обязательств, а не моделью построения договорных отношений. При широком понимании смарт-контракта как соглашения, заключенного и (или) исполненного с помощью информационных технологий, имеют место теоретические рас-

суждения на предмет выявления признаков публичного договора. Примеры таких видов гражданско-правовых обязательств были рассмотрены выше.

Конструкции публичного договора и договора присоединения широко используются в электронной коммерции. За счет технологической трансформации гражданских правоотношений расширяется сфера применения норм о публичном договоре и договоре присоединения. Интернет-магазины, владельцы агрегаторов или операторы онлайн-платформ и иных информационных систем, являясь профессиональными участниками рынка, используют публичную оферту (пользовательское соглашение, общие условия продаж, регламент или правила онлайн-платформы и др.) как основной способ присоединения к заранее установленным условиям, а равно заключения договора с покупателем (пользователем). Применение электронных средств направлено на ускорение и автоматизацию заключения и исполнения массовых сделок, кратное увеличение прибыли. Нельзя не согласиться с мнением, встречающимся в зарубежной литературе, что технология должна находиться на службе у права³⁶. Как показывает российская судебная практика, заключение сделок с использованием информационных технологий приводит к еще большему ограничению свободы договора. В таких условиях должны существовать реальные правовые механизмы обеспечения баланса прав и законных интересов участников электронной торговли и защиты слабой стороны договора от различных форм злоупотребления правом.

³³ См.: Цыпленкова А. В. Договор присоединения как особая категория гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 74.

³⁴ См.: Ефимова Л. Г., Михеева И. Е., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 4.

³⁵ См.: Ефимова Л. Г., Михеева И. Е., Чуб Д. В. Указ. соч. С. 9.

³⁶ См.: Godefroy L. Le code algorithmique au service du droit // Recueil Dalloz. 12 avril 2018. № 14/7771. P. 713–792.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белов В. А. Smart-торговля (цифровая торговля): основные положения о цифровизации договорных отношений с участием потребителей // Вестник арбитражной практики. — 2022. — № 3 (100). — С. 17–23.
2. Белов В. А. Электронная торговля: понятие, правовое регулирование и судебная практика // Вестник арбитражной практики. — 2021. — № 4 (95). — С. 11–20.
3. Березина Е. А. Использование программных агентов в юридической практике // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 7 (152). — С. 71–85.
4. Вайпан В. А. Источники цифрового права // Вестник арбитражной практики. — 2024. — № 1 (110). — С. 3–29.
5. Витрянский В. В. Система гражданско-правовых договоров в условиях реформирования гражданского законодательства // Вестник ВАС РФ. — 2012. — № 1. — С. 26–59.
6. Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. — 2019. — № 8 (153). — С. 51–62.
7. Ефимова Л. Г. Понятие и правовые особенности электронного договора // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 7. — С. 84–90.
8. Ефимова Л. Г., Михеева И. Е., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2020. — № 4. — С. 78–105.
9. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы : в 2 т. Т. 2. — М. : Статут, 2012. — 453 с.
10. Кузнецова Л. В. Вопросы гражданско-правовой ответственности агрегаторов электронной коммерции // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей / А. А. Богустов, О. Н. Горохова, Д. А. Доротенко [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2019. С. 39–65.
11. Останина Е. А. Есть ли потребитель в системе P2P-финансирования? // E-commerce и взаимосвязанные области (правовое регулирование) : сборник статей / А. А. Богустов, О. Н. Горохова, Д. А. Доротенко [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2019. С. 5–38.
12. Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 416 с.
13. Хохолков М. Click-wrap-соглашения: модно, выгодно, удобно. Опасно? // Практическая бухгалтерия. — 2020. — № 7. — С. 15–17.
14. Цыпленкова А. В. Договор присоединения как особая категория гражданского права : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 202 с.
15. Godefroy L. Le code algorithmique au service du droit // Recueil Dalloz. 12 avril 2018. № 14/7771. P. 713–792.

Материал поступил в редакцию 3 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belov V. A. Smart-torgovlya (tsifrovaya torgovlya): osnovnye polozheniya o tsifrovizatsii dogovornykh otnosheniy s uchastiem potrebiteley // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2022. — № 3 (100). — S. 17–23.
2. Belov V. A. Elektronnaya torgovlya: ponyatie, pravovoe regulirovanie i sudebnaya praktika // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2021. — № 4 (95). — S. 11–20.
3. Berezina E. A. Ispolzovanie programmnykh agentov v yuridicheskoy praktike // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 7 (152). — S. 71–85.
4. Vaypan V. A. Istochniki tsifrovogo prava // Vestnik arbitrazhnoy praktiki. — 2024. — № 1 (110). — S. 3–29.

5. Vitryanskiy V. V. Sistema grazhdansko-pravovykh dogovorov v usloviyakh reformirovaniya grazhdanskogo zakonodatelstva // Vestnik VAS RF. — 2012. — № 1. — S. 26–59.
6. Grin O. S., Grin E. S., Solovov A. V. Pravovaya konstruktsiya smart-kontrakta: yuridicheskaya priroda i sfera primeneniya // Lex russica. — 2019. — № 8 (153). — S. 51–62.
7. Efimova L. G. Ponyatie i pravovye osobennosti elektronnoy dogovora // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2019. — № 7. — S. 84–90.
8. Efimova L. G., Mikheeva I. E., Chub D. V. Sravnitelnyy analiz doktrinalnykh kontseptsiy pravovogo regulirovaniya smart-kontraktov v Rossii i zarubezhnykh stranakh // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. — 2020. — № 4. — S. 78–105.
9. Karapetov A. G., Savelev A. I. Svoboda dogovora i ee predely: v 2 t. T. 2. — M.: Statut, 2012. — 453 s.
10. Kuznetsova L. V. Voprosy grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti agregatorov elektronnoy kommertsii // E-commerce i vzaimosvyazannye oblasti (pravovoe regulirovanie): sbornik statey / A. A. Bogustov, O. N. Gorokhova, D. A. Dorotenko [i dr.]; ruk. avt. kol. i otv. red. M. A. Rozhkova. M.: Statut, 2019. S. 39–65.
11. Ostanina E. A. Est li potrebitel v sisteme P2P-finansirovaniya? // E-commerce i vzaimosvyazannye oblasti (pravovoe regulirovanie): sbornik statey / A. A. Bogustov, O. N. Gorokhova, D. A. Dorotenko [i dr.]; ruk. avt. kol. i otv. red. M. A. Rozhkova. M.: Statut, 2019. S. 5–38.
12. Rozhkova M. A. Sredstva i sposoby pravovoy zashchity storon kommercheskogo spora. — M.: Volters Kluver, 2006. — 416 s.
13. Khokholkov M. Click-wrap-soglasheniya: modno, vygodno, udobno. Opasno? // Prakticheskaya bukhgalteriya. — 2020. — № 7. — S. 15–17.
14. Tsyplenkova A. V. Dogovor prisoedineniya kak osobaya kategoriya grazhdanskogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2003. — 202 s.
15. Godefroy L. Le code algorithmique au service du droit // Recueil Dalloz. 12 avril 2018. № 14/7771. P. 713–792.

Содержание субъективного права на неприкосновенность персональных данных

Аннотация. Содержание субъективного права на неприкосновенность персональных данных до сих пор в достаточной степени не изучено. На основе анализа законодательства в сфере информационной приватности автор включает в структуру права субъекта персональных данных традиционную триаду правомочий: на собственные активные действия, на то, чтобы требовать со стороны всех других лиц определенного поведения, и на защиту. Указывается, что эти правомочия формируют единое абсолютное гражданское субъективное право на неприкосновенность персональных данных ввиду их направленности на реализацию управомоченным субъектом интереса, связанного с обеспечением состояния неизвестности сведений о себе и своей деятельности, возможностью контролировать свои персональные данные, а также со сферой неимущественных отношений по защите персональных данных от неправомерного использования.

Ключевые слова: персональные данные; содержание субъективного гражданского права; частная жизнь; право на защиту; интерес управомоченного субъекта; информационная приватность; абсолютное субъективное право; правомочие; гражданское право; неприкосновенность; защита персональных данных

Для цитирования: Швец Л. В. Содержание субъективного права на неприкосновенность персональных данных // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 93–107. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.093-107

The Content of the Subjective Right to Personal Data Privacy

Lev V. Shvets, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Law Institute, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
levshvetc@gmail.com

Abstract. The content of the subjective right to personal data privacy has yet to be sufficiently studied. Based on the analysis of legislation in the field of information privacy, the author includes in the structure of the subject's right to personal data a traditional triad of powers, namely the power to take one's own active actions, the power to demand certain behavior from all other persons, and the power to protect oneself. It is indicated that these powers form a single absolute civil subjective right to the privacy of personal data in connection with their focus on the implementation by the authorized subject of the interest. This interest is associated with ensuring the state of uncertainty of information about themselves and their activities, the ability to control their personal data, as well as with the sphere of non-property relations for the protection of personal data from their unlawful use.

Keywords: personal data; content of subjective civil law; private life; right to protection; interest of the authorized subject; information privacy; absolute subjective right; authority; civil law; inviolability; personal data protection

© Швец Л. В., 2026

* Швец Лев Викторович, аспирант кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета
Ленина пр., д. 36, г. Томск, Российская Федерация, 634050
levshvetc@gmail.com

Cite as: Shvets LV. The Content of the Subjective Right to Personal Data Privacy. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):93-107. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.093-107

В доктрине наметилась явная тенденция усиления внимания к цивилистическому аспекту правового режима персональных данных и прав граждан в этой сфере. Например, если воспользоваться нейронной сетью для получения семантических векторных представлений (эмбеддингов) научных текстов на русском языке, разработанной лабораторией машинного обучения и семантического анализа Института искусственного интеллекта МГУ, то программа выдает, что словосочетание «защита персональных данных» относится к гражданскому, административному или информационному праву с коэффициентами 0,46, 0,47 и 0,5 соответственно, т.е. практически в равной пропорции¹.

В 2023 г. российские суды по искам Роскомнадзора взыскали штрафы более чем на 4,6 млн руб. за нарушения при работе с персональными данными на основании 87 утечек персональных данных². В то же время количество частноправовых требований граждан к лицам, нарушившим их право на защиту персональных данных, явно не коррелирует с объемом выявленных государственным регулятором нарушений. Так, по данным официальной статистики, по судебным спорам, в которых Роскомнадзор привлечен к участию в деле³, за 2023 г. заявлены только 17 гражданско-правовых требований о защите прав субъектов персональных данных по всей России, причем в пяти из них Роскомнадзор был истцом, выступающим в интересах граждан. Можно сделать вывод о том, что граждане не пользуются государствен-

ным механизмом защиты и восстановления их прав и законных интересов. Это свидетельствует о необходимости глубоких научных исследований содержания права на неприкосновенность персональных данных для реального осуществления субъектами персональных данных и эффективной защиты своих интересов.

В научной литературе много внимания уделяют не только характеристике персональных данных, но и праву физического лица на данный объект. Ранее автором сделан вывод о существовании непоименованного субъективного права субъекта персональных данных контролировать и определять условия их обработки, а также защищать персональные данные от неправомерного использования (права на неприкосновенность персональных данных⁴). Указанное право является фундаментальным, юридически защищенным, обеспечивает неприкосновенность частной жизни и безопасность информации в современном мире.

Как и любое другое субъективное право, право на неприкосновенность персональных данных имеет традиционные элементы, называемые правомочиями. В научной литературе нет единого подхода к тому, из каких обязательных правомочий должно состоять субъективное право. Например, В. Д. Перевалов сначала выделял четыре правомочия в содержании субъективного права: 1) право на собственные фактические действия, направленные на использование полезных свойств объектов права; 2) право на юридические действия, на принятие юридических решений; 3) право требовать от другой сто-

¹ Доступ к нейросети по анализу научных текстов: URL: <https://huggingface.co/mlsa-iai-msu-lab/sci-rus-tiny?library=sentence-transformers> (дата обращения: 25.10.2023).

² Тюняева М. Объем штрафов за утечки персональных данных увеличился в 20 раз с 2021 г. // *Ведомости*. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/12/11/1010299-sovokupnii-obem-shtrafov-za-utechki-personalnih-dannih-velichilsya-v-20-raz> (дата обращения: 04.04.2025).

³ Судебная практика Роскомнадзора за 2023 г. // URL: <https://rkn.gov.ru/activity/jurisprudence/p1268/> (дата обращения: 11.04.2025).

⁴ Швец Л. В. Природа права на персональные данные: цивилистический аспект // *Сибирское юридическое обозрение*. 2024. № 21 (4). С. 579–595.

роны исполнения обязанности; 4) право на принудительное исполнение обязанности⁵. Позднее он дополнил перечень еще одним правом — на самозащиту⁶. Представляется, что позиция автора изменилась в связи с приверженностью к гибкому подходу, который ярко демонстрирует его цитата из более поздних публикаций: «...та или иная правовая норма содержит столько структурных логических элементов, сколько этого требует данное общественное отношение»⁷. Такой позиции придерживается и Н. И. Матузов, который, несмотря на выделение других четырех правомочий в составе субъективного права, писал: «У разных прав правомочий больше или меньше»⁸.

О. С. Иоффе, Д. М. Шаргородский, П. А. Варул обосновывают точку зрения о наличии двух правомочий: на собственные активные действия и требования определенного поведения⁹. Некоторые ученые считают, что в содержание субъективного права входит только одно правомочие. Например, С. И. Вильнянский сводил содержание субъективного права к закреплению за управомоченным лишь возможности требовать от обязанных лиц совершения предписанных им действий¹⁰, а Ю. К. Толстой выделяет в субъек-

тивном праве исключительно правомочие на активные действия, которые должны быть обеспечены субъективной обязанностью другого лица¹¹. Крайней позиции придерживался С. Ф. Кечекьян, который указывал, что содержанием субъективного права всегда являются только действия других лиц¹².

Считаем более обоснованной господствующую в цивилистической доктрине позицию, согласно которой в составе субъективного права по общему правилу существуют три правомочия (С. С. Алексеев¹³, В. П. Грибанов¹⁴, С. Н. Братусь¹⁵, Б. М. Гонгало¹⁶ и др.):

- на собственные действия;
- требование соответствующего поведения от обязанного лица;
- защиту.

Будучи ядром всех правоотношений, субъективное регулятивное право должно наделять их участников возможностью активных действий. Верно отмечал С. С. Алексеев, что «жизненный интерес удовлетворяется при помощи... собственных акций-действий активного (положительного) характера»¹⁷. Тем самым ярко демонстрируются социальная ценность субъективного права, его нацеленность на достижение

⁵ Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. М. : Норма, Инфра-М, 1999. С. 342.

⁶ Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Инфра-М, 2024. С. 301.

⁷ Перевалов В. Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5 (101). С. 15.

⁸ Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2004. С. 89.

⁹ Иоффе О. С., Шаргородский Д. М. Вопросы теории права. М. : Госюриздат, 1961. С. 225 ; Варул П. А. О некоторых теоретических вопросах защиты субъективных гражданских прав // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права. Ярославль, 1987. С. 20–21.

¹⁰ Вильнянский С. И. Лекции по советскому гражданскому праву. Харьков : Изд-во Харьковского государственного университета имени А.М. Горького, 1958. Ч. I. С. 26.

¹¹ Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. С. 45.

¹² Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред. М. С. Строгович. М. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 143.

¹³ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М. : Юридическая литература, 1982. Т. 2. С. 118.

¹⁴ Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М. : Изд-во МГУ, 1972. С. 14.

¹⁵ Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М. : Госюриздат, 1963.

¹⁶ Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2021. Т. 1. С. 100.

¹⁷ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 119.

желаемого результата именно управомоченным субъектом.

Но не каждый интерес управомоченного субъекта может быть удовлетворен только собственными действиями, в связи с чем у этого субъекта должна быть возможность требования исполнения или соблюдения юридической обязанности ото всех. С. С. Алексеев сравнивал это правомочие со средством, «с приведением в действие которого начинает работать весь механизм юридического обеспечения»¹⁸. В силу абсолютного характера анализируемого права ему корреспондирует обязанность всех членов общества не препятствовать реализации управомоченным лицом своего интереса в обеспечении неприкосновенности персональных данных. То есть любой должен воздерживаться от действий фактического и юридического характера, которые бы могли помешать исключительному господству управомоченного субъекта над его персональными данными. Важно отметить, что такие действия могут и не носить характера исключительно нарушения, например могут выражаться в оспаривании действий управомоченного лица по обеспечению неприкосновенности персональных данных. В связи с этим верным представляется вывод С. А. Сеницына о том, что требование к обязанным лицам в структуре абсолютных прав только не нарушать эти права не относится к предмету гражданско-правового регулирования, а является общим правовым абсолютным запретом для любых правоотношений¹⁹. Поэтому сложно согласиться с ранее приведенной позицией Ю. К. Толстого о

том, что в структуре субъективного права одна возможность активных действий управомоченного лица, которые должны быть формально обеспечены обязанностью третьего лица их не нарушать. В действительности в исследуемых правоотношениях информационной приватности²⁰ намного больше действий третьих лиц, которые не связаны именно с нарушением права, но от совершения которых они должны воздержаться. Без правомочия требования определенного поведения обязанное лицо не исполнит должное. Это подтверждает необходимость выделения такого структурного элемента в составе субъективного права, как правомочие требования.

В научной литературе встречается позиция, согласно которой содержанием права на неприкосновенность персональных данных является только правомочие требования, например исключения возможности каких-либо действий с персональными данными без согласия субъекта²¹. С одной стороны, ее можно поддержать, т.к. очевиден вектор развития законодательства к уменьшению количества операций, которые можно проводить с персональными данными без согласия субъекта. Например, ранее действовало правило (п. 4 ч. 2 ст. 22 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»²² (далее — Закон о персональных данных)), согласно которому оператор осуществляет без уведомления уполномоченного органа обработку персональных данных, сделанных субъектом общедоступными. М. А. Рожкова отмечала, что, «как и любая иная информация,

¹⁸ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 119.

¹⁹ Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 72.

²⁰ Информационная приватность имеет несколько ключевых аспектов, связанных с защитой личной информации и правами индивидов в цифровую эпоху. Сегодня рассматривается как комплексное понятие, которое охватывает юридические, технические и этические аспекты защиты личной информации в условиях цифровой трансформации общества. См., например: Себякина Е. П. Теория права информационной приватности: классификация правоотношений // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 2 (44). С. 127–144.

²¹ Федосин А. С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2009. С. 7.

²² СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

ставшие общедоступными персональные данные допускают их свободное использование, за исключением распространения»²³. С 1 марта 2021 г. категория общедоступных персональных данных из Закона о персональных данных исключена (п. 2 ст. 1 Федерального закона от 30.12.2020 № 519-ФЗ²⁴). Введена новая категория «персональные данные, разрешенные субъектом персональных данных для распространения» (п. 1.1 ст. 3 Закона о персональных данных). Теперь разрешение на использование персональных данных выражается только путем письменного согласия на их обработку. Согласие должно оформляться отдельно от других согласий субъекта на обработку его персональных данных. Оператор обязан обеспечить субъекту возможность определить перечень персональных данных по каждой категории, указанной в таком согласии (ч. 1 ст. 10.1 Закона о персональных данных).

С другой стороны, такой подход делает содержание анализируемого субъективного права более узким по сравнению с реальными возможностями субъекта персональных данных, поскольку ограничивает его негативным правомочием требовать от других лиц определенного поведения без наделения субъекта активными правомочиями на собственные действия. В. Д. Рузанова даже высказывает важное замечание по поводу такого юридического факта, как дача согласия. Она отмечает, что «содержание рассматриваемого права существенным образом зависит также и от того, с согласия или без согласия осуществляется обработка персональных данных»²⁵. Таким образом, если сводить содержание исследуемого права только к тре-

бованию исключения возможности каких-либо действий с персональными данными без согласия субъекта, то выпадает большой пласт правоотношений, где наличие согласия не является юридически значимым обстоятельством. Закон о персональных данных выделяет еще 10 других оснований обработки персональных данных, где не требуется согласия субъекта. Как тогда управомоченному лицу требовать исключения возможности каких-либо действий с персональными данными без согласия субъекта, если сам Закон напрямую допускает такие действия? Это очевидное противоречие рассматриваемого подхода и доказательство того, что в содержании субъективного права на неприкосновенность персональных данных можно выделить перечень возможностей активных действий субъекта.

Наконец, ряд ученых сходятся во мнении, что в структуру субъективного права должно входить и правомочие на защиту. С точки зрения Б. М. Гонгало, субъективное право теряет свою характеристику «обеспеченное законом» в случае исключения такой возможности из его структуры²⁶, а С. Н. Братусь отмечал, что «возможность привести в действие аппарат государственного принуждения возникает на определенном этапе развития субъективного права»²⁷.

В. П. Грибанов выделял относительно правомочия на защиту как структурного элемента субъективного гражданского права три вида правоохранительных мер, к которым может прибегнуть управомоченное лицо в соответствии с гражданским законодательством:

— меры фактического характера (самозащита);

²³ Рожкова М. А. «Общедоступная информация», «открытые данные» и «персональные данные, разрешенные субъектом для распространения» — что это такое и как они между собой связаны? // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2021/1/13/obschedostupnaya_informaciya_otkrytye_dannye_i_personalnye_dannye_razreshennye_subektom_dlya_raspros (дата обращения: 15.05.2024).

²⁴ Федеральный закон от 30.12.2020 № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О персональных данных”» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 58.

²⁵ Рузанова В. Д. Право на защиту персональных данных: гражданско-правовой аспект // Гражданское право. 2019. № 6. С. 19.

²⁶ Гражданское право : учебник. Т. 1. С. 100.

²⁷ Братусь С. Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. 1949. № 8. С. 35.

- меры оперативного характера;
- меры государственно-принудительного характера²⁸.

В подтверждение существования в структуре права на неприкосновенность персональных данных правомочия на защиту можно привести примеры каждой вышеуказанной меры, которой может воспользоваться субъект. Так, в качестве самозащиты он может устанавливать пароли для доступа к устройствам, на которых содержатся его персональные данные, а также использовать различное программное обеспечение для шифрования и защиты информации, чтобы предупредить неправомерную утечку данных третьим лицам. В качестве мер оперативного характера управомоченное лицо может требовать исключения из общедоступных источников его персональных данных (ч. 2 ст. 8 Закона о персональных данных) или отозвать свое согласие на обработку персональных данных (ч. 2 ст. 9 Закона о персональных данных). Наконец, если субъект считает, что оператор осуществляет обработку его персональных данных с нарушением требований законодательства или иным образом нарушает его права и свободы, то он вправе обжаловать действия или бездействие оператора в уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных или в судебном порядке (ст. 17 Закона о персональных данных).

Анализ научной литературы демонстрирует широкий спектр подходов ученых к структурным элементам субъективного права. Но общим знаменателем является то, что большинством выделяются именно возможные виды структурных элементов субъективного регулятивного права. Эти элементы в конкретных правоотношениях могут составлять содержание субъективного права в различных сочетаниях. Таким образом, невозможно принять за аксиому лишь один из рассмотренных подходов и распространить его на все существующие субъективные права в

силу большой специфики общественных отношений. Однако вышеупомянутые особенности отношений по информационной приватности обуславливают именно классическую триаду правомочий в составе права на неприкосновенность персональных данных.

Важно отметить, что описываемые далее правомочия не обозначены прямо в законодательстве, однако его анализ позволяет их выделить. В связи с этим следует воспользоваться предложенным В. А. Беловым механизмом проверки корректности объединения правомочий в одно субъективное право, а именно «установить, удовлетворению каких типических интересов управомоченного служат искомые возможности. Служение их одному и тому же интересу подтверждает предположение о том, что искомые возможности принадлежат одному и тому же субъективному праву»²⁹. Еще в XIX в. Р. фон Иеринг разработал теорию интереса, суть которой заключается в том, что субъективное право «есть защищенный или огражденный интерес»³⁰. Какой же интерес может защищать право на неприкосновенность персональных данных? На текущем этапе исследования можем предположить, что ключевой интерес управомоченного субъекта связан с обеспечением неизвестности сведений о себе и своей деятельности, возможностью контролировать свои персональные данные, а также со сферой неимущественных отношений по защите персональных данных от их неправомерного использования. Н. Д. Егоров отмечал, что неимущественные интересы граждан должны быть опосредованы признанием «отдельных видов неимущественных прав со специфическими средствами защиты»³¹, что подтверждает необходимость существования права на неприкосновенность персональных данных.

С учетом вышеобозначенного интереса **правомочие субъекта персональных данных на**

²⁸ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 97.

²⁹ Белов В. А. Гражданское право : учебник для вузов : в 2 т. М. : Юрайт, 2024. Т. 1. С. 241.

³⁰ *Jhering R. von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. 5. Aufl. Leipzig, 1891–1894. Th. 1–2.*

³¹ Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. С. 127.

собственные действия проявляется в возможности:

1) *удалить персональные данные* (праве быть забытым): субъект в случае отзыва согласия на обработку может требовать удаления персональных данных, если их обработка больше не нужна для исходных целей (ч. 5 ст. 21 Закона о персональных данных), а также их уничтожения, если они являются неполными, устаревшими, неточными, незаконно полученными или не являются необходимыми для заявленной цели обработки (ч. 1 ст. 14 Закона). Сходные положения содержатся в статье 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³², согласно которой информация о гражданине, распространяемая с нарушением законодательства Российской Федерации, недостоверная, а также неактуальная, утратившая значение для гражданина, должна быть удалена по его заявлению оператором поисковой системы. ООО «Яндекс» напрямую указывает в форме заявления на удаление информации, что гражданин реализует «право на забвение»³³. Google LLC предупреждает, что, получив запрос на удаление, специалисты компании сопоставят право пользователя на неприкосновенность частной жизни с правами других лиц на распространение и получение информации для того, чтобы принять решение об удалении информации в соответствии с российским законодательством³⁴;

2) *перенести персональные данные*, т.е. получить предоставленные данные в структурированном, общепринятом и машиночитаемом формате (ч. 7 ст. 14 Закона о персональных данных) и в последующем передать другому

оператору без препятствий со стороны первоначального оператора для обеспечения большей защиты. Проявлением данного правомочия является необходимость получения согласия субъекта в случае, если оператор персональных данных поручает их обработку другому лицу (ч. 3 ст. 6 Закона о персональных данных). При этом законодатель устанавливает солидарную ответственность первоначального оператора персональных данных и лица, которому они переданы для обработки, если это иностранное физическое или юридическое лицо (ч. 6 ст. 6 Закона о персональных данных), чем усиливает гарантии защиты прав субъекта;

3) *отказаться от принятия решений на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных*, включая профилирование (ст. 16 Закона о персональных данных). Например, постановлением Правительства РФ от 21.12.2021 № 2371³⁵ создана информационно-аналитическая система, в которой аккумулируются в том числе персональные данные индивидуальных предпринимателей, физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», иных физических лиц, планирующих начать осуществление предпринимательской деятельности. В соответствии с п. 7 указанного постановления сведения, содержащиеся на цифровой платформе, могут быть использованы участниками эксперимента (государственными органами) для предоставления услуг, мер поддержки и сервисов без дополнительной верификации со стороны обладателя и (или) источника таких сведений, что вызывает риск необоснованных решений органов власти. Поэтому у субъекта персональных данных должно

³² СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

³³ Недостоверная, неактуальная информация о гражданине, ссылки на которую подлежат исключению из результатов поиска Яндекса (по «Праву на забвение») // URL: <https://yandex.ru/support/abuse/troubleshooting/oblivion.html> (дата обращения: 04.07.2024).

³⁴ Запрос на удаление из результатов поиска Google в России личной информации, которая опубликована в нарушение закона, неверна или устарела // URL: https://support.google.com/legal/contact/lr_rudpa?product=websearch&hl=ru&sjid=15330968468120605484-EU (дата обращения: 04.07.2024).

³⁵ Постановление Правительства РФ от 21.12.2021 № 2371 «О проведении эксперимента по цифровой трансформации предоставления услуг, мер поддержки и сервисов в целях развития малого и среднего предпринимательства» // СЗ РФ. 2022. № 1 (ч. I). Ст. 96.

быть право на отказ от автоматизированного принятия решений, а не только возможность возражать против уже принятого решения (ч. 3 ст. 16 Закона о персональных данных).

В законодательстве отсутствует прямое указание на правомочие субъекта на отказ от автоматизированного принятия решений. Применяются словесные конструкции, которые обязывают других лиц совершать юридически значимые действия только с согласия субъекта. Фактически законодатель понуждает гражданина, если он хочет отказаться от автоматизированного принятия решений, не давать согласия на это, т.е. бездействовать.

Сложно согласиться с таким подходом при возведенном в закон принципе правовой определенности (ст. 7 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»³⁶), который очевидно нарушается. Например, нигде не установлен срок для дачи согласия субъектом на принятие решений исключительно на основании автоматизированной обработки.

Лицо, которое хочет обработать персональные данные в законных целях, может неопределенно долго ждать согласия от субъекта. При этом законодатель сам указывает, например, по поводу персональных данных, разрешенных для распространения, что «молчание или бездействие субъекта персональных данных ни при каких обстоятельствах не может считаться согласием на обработку персональных данных» (ч. 8 ст. 10.1 Закона о персональных данных). Представляется, что такой подход можно распространить на всю сферу правового регулирования персональных данных, в том числе в части автоматизированного принятия решений. Следовательно, участники правоотношений могут быть в тупике и не достигать своих правомерных интересов при соблюдении закона.

Это подтверждает необходимость наделения субъекта персональных данных субъективным правом с активными правомочиями на свои действия, в том числе на выражение запрета принятия решений только на основе автоматизированной обработки персональных дан-

ных. Такой запрет может осуществляться путем подачи заявления через портал «Госуслуги» или в МФЦ, а информация о запрете должна быть направлена в единый федеральный информационный регистр, содержащий сведения о населении. Операторы будут обязаны проверять отсутствие запрета при принятии решений только на основе автоматизированной обработки персональных данных. Таким образом, запрет может стать эффективной мерой, принимаемой субъектом и направленной на ограничение неправомерной обработки персональных данных без согласия субъекта.

Правомочие требовать соответствующего поведения от обязанного лица, т.е. соблюдения установленных законодательством или добровольно взятых на себя требований и условий неприкосновенности персональных данных, имеет особенности в абсолютных правоотношениях в сфере информационной приватности. В частности, можно выделить то, что каждому члену общества крайне сложно осознать действительную степень защищенности персональных данных. Одно дело — понять границы, например, чужого земельного участка, обнесенного забором, чтобы не нарушить права его собственника, а другое — сначала определить информацию как персональные данные, а затем воспринять правовой режим неприкосновенности персональных данных, установленный управомоченным лицом. Например, обозначил ли субъект через отдельное согласие, какие именно персональные данные, размещенные им в социальных сетях, могут быть распространены. Таким образом, управомоченному субъекту недостаточно одновременно обеспечить неприкосновенность персональных данных, как это может сделать разово собственник вещи, например, поместив ее на хранение в сейф, — ему необходимо регулярно проверять соответствие поведения обязанных лиц требуемой степени неприкосновенности. Представляется, что указанное правомочие должно осуществляться субъектом персональных данных при помощи средств, которые позволяют действительно донести требование до неопределенного круга лиц, например сети

³⁶ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.

«Интернет», для обеспечения определенной степени известности правового режима персональных данных всем обязанным субъектам.

Правомочие на защиту проявляется в использовании общих (ст. 12 ГК РФ³⁷) и специальных материально-правовых мер принудительного характера для восстановления (признания) нарушенных прав и интересов субъекта персональных данных.

Вопрос о месте правомочия на защиту в структуре регулятивного субъективного права в цивилистической доктрине является спорным. Сторонники первого подхода не признают названное правомочие элементом регулятивного субъективного права³⁸. Так, П. А. Варул полагает, что его «неверно считать третьим элементом содержания субъективного права в качестве правомочия, так как содержание его самого аналогично по своей структуре субъективному гражданскому праву в целом»³⁹. Такое право, по мнению автора, возникает сразу после нарушения регулятивного субъективного права в связи с возникновением охранительных правоотношений. Безусловно, доктринальное разделение правоотношений на регулятивные и охранительные нами не оспаривается, но следует ли из этого вывод, что в составе регулятивного субъективного права отсутствует правомочие на защиту? Представляется, что нет. Еще Д. А. Керимов писал, что «субъективное право может существовать как возможность, не реализуясь в правомочии до той поры, пока субъект правоотношения не вступил в конкретное правоотношение»⁴⁰.

Г. Л. Осокина также утверждала, что правомочие на защиту не может входить в состав субъективного регулятивного права, т.к. оно само «в случае его нарушения или оспарива-

ния не в состоянии выполнить функцию самозащиты, самореализации»⁴¹. В качестве примера приводилась ситуация с нарушением права собственности, когда право и правоотношения собственности или прекращаются (виндикация), или приостанавливаются (негаторный иск). Механизмом, который «сдвинул регулятивное отношение с мертвой точки», является, по ее мнению, охранительное право на защиту только при помощи государства в лице юрисдикционных органов, поскольку ничто в содержании регулятивного права не может вернуть привычный уровень отношений между управомоченным и обязанным лицами⁴². Поэтому нарушение или оспаривание регулятивного права порождает новое, дополнительное охранительное отношение с самостоятельным охранительным правом на защиту (на иск).

С таким подходом сложно согласиться, т.к. современное законодательство направлено на расширение досудебных инструментов урегулирования спора между участниками правоотношений. Спецификой правоотношений между субъектом персональных данных и, например, оператором является то, что управомоченное лицо наделено правовыми возможностями, которые позволяют сохранять регулятивное правоотношение и без участия юрисдикционных органов принудить правонарушителя к необходимому поведению. Так, в случае неправомерной обработки субъект вправе потребовать уничтожить персональные данные в соответствии с ч. 3 ст. 21 Закона о персональных данных или прекратить их распространение (ч. 12 ст. 10.1 Закона).

Следует обратить внимание на то, что большинство сторонников первого подхода исполь-

³⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³⁸ См.: Крашенинников Е. А. Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1979. Вып. 4. С. 79–80; Владова А. В. Структура субъективного гражданского права. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1998. С. 94.

³⁹ Варул П. А. Указ. соч. С. 21.

⁴⁰ Керимов Д. А. Обеспечение законности в СССР. М.: Госюриздат, 1956. С. 26.

⁴¹ Осокина Г. Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск) / под ред. В. Н. Щеглова. Томск: Изд-во Томского университета, 1990. С. 28.

⁴² Осокина Г. Л. Указ. соч. С. 36.

зуют в качестве аргумента пример только права собственности без анализа природы и особенностей других правоотношений. Конечно, в случае уничтожения вещи сложно говорить о том, что сохранились регулятивные отношения собственности, а у управомоченного лица есть какие-либо возможности восстановить свое положение без обращения к государственным органам принуждения. Но исследуемое право на неприкосновенность персональных данных входит в сферу неимущественных отношений, а объект, по поводу которого они возникают (персональные данные), не имеет свойства уничтожаемости. Поэтому при многих нарушениях основное регулятивное правоотношение продолжает существовать, а у управомоченного субъекта есть возможность защитить свои права и интересы собственными силами. Более того, эта особенность отношений по информационной приватности также ставит под сомнение универсальность проводимого Г. Л. Осокиной различия между субъективным регулятивным правом и самостоятельным правом на защиту, заключающегося в разном составе субъектов этих прав: в первом правоотношении участвуют только кредитор и должник, а во втором возникает новый субъект в виде юрисдикционного органа.

Конечно, после нарушения абсолютного права субъекта, например, не оператором, а третьим лицом, которое украло персональные данные, возникает гражданское охранительное правоотношение по применению им таких мер гражданско-правовой ответственности, как компенсация морального вреда и (или) возмещение убытков в судебном порядке. Однако это не свидетельствует об отсутствии правомочия на защиту в составе права на неприкосновенность персональных данных. Более того, охранительное требование к лицу, укравшему персональные данные, исходит из ранее существовавшего регулятивного правоотношения,

в рамках которого все противостоящие субъекту неопределенные обязанные лица должны были воздерживаться от совершения действий, нарушающих право субъекта в соответствии с отмеченным ранее интересом.

На основании вышеизложенного представляется более правильным второй подход ученых, который состоит в признании правомочия на защиту элементом регулятивного гражданского права. Например, Н. И. Матузов указывал, что правомочие на защиту необходимо признавать структурным элементом субъективного права: хотя «угроза (его осуществления. — Л. Ш.) является лишь потенциальной, она постоянно тяготеет над ним (обязанным лицом. — Л. Ш.), побуждая к должному поведению. Возможность защиты, или, как еще говорят, притязания, является самостоятельным, а не сопутствующим, не побочным элементом субъективного права. Поскольку притязание является лишь одним из возможных состояний субъективного права, отсутствие притязания не означает отсутствие права»⁴³. В. П. Грибанов делал акцент на том, что существует неразрывная связь конкретного содержания права на защиту с охраняемым материальным правом, поэтому оно должно включаться в состав субъективного права⁴⁴. В. В. Груздев обозначал, что в составе субъективного гражданского права могут быть факультативные правомочия, которые возникают у управомоченного субъекта в одном из качественных состояний субъективного права, а именно с момента нарушения или оспаривания права, которое не прекратилось в результате нарушения⁴⁵.

Важно обеспечить принудительную реализацию субъективного права для усиления гарантий законных интересов управомоченного субъекта. Это достигается путем признания права на защиту правомочием в составе регулятивного субъективного права. Такой подход в полной мере соответствует вышеуказанному механизму

⁴³ Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия : Теоретические проблемы субъективного права. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1972. С. 110.

⁴⁴ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 105.

⁴⁵ Груздев В. В. Структура субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5. С. 96.

проверки корректности объединения правомочий в одно субъективное право, предложенному В. А. Беловым. Ведь правомочие на защиту направлено именно на достижение интереса субъекта, который связан со сферой неимущественных отношений по защите персональных данных от неправомерного использования. Таким образом, правомочие на использование общих и специальных материально-правовых мер принудительного характера должно рассматриваться в качестве обязательного элемента в структуре права на неприкосновенность персональных данных.

Под специальными мерами в вышеуказанном правомочии следует понимать непоименованные в ст. 12 ГК РФ способы защиты, в частности возможность ограничения обработки данных. Так, субъект может запросить временную приостановку обработки своих данных в случае, если он оспаривает точность данных или ведется проверка по его жалобе (ч. 1 ст. 21 Закона о персональных данных). Субъект может требовать прекратить передачу (распространение, предоставление, доступ) своих персональных данных, ранее разрешенных им для распространения, от любого лица, обрабатывающего его персональные данные (ч. 14 ст. 10.1 Закона о персональных данных).

Среди общих способов защиты, безусловно, следует выделить компенсацию морального вреда и возмещение убытков как прямо установленные в ст. 24 Закона о персональных данных последствия нарушения законодательства в сфере персональных данных. В Общем регламенте по защите данных Европейского Союза даже поименовано самостоятельное субъективное право на компенсацию (ст. 82(1))⁴⁶.

Некоторые авторы исключают возможность применения ряда способов защиты для персональных данных, например восстановления положения, т.к. права, объектом которых явля-

ются нематериальные блага (такие, как персональные данные, по их мнению), не подлежат восстановлению в случае их нарушения в силу объективных причин⁴⁷. С этой точкой зрения можно согласиться, но только если признать, что лицом, которое нарушает право субъекта, является исключительно оператор персональных данных. Такой подход в современных реалиях представляется крайне узким. Неограниченный круг лиц может получить доступ к персональным данным. Практически свободно продаются базы персональных данных, а на отдельных сайтах можно только по Ф. И. О. гражданина узнать все его персональные данные, которые размещены в открытых источниках. Восстановить положение субъекта персональных данных можно, изъяв эти данные у лиц, незаконно получивших к ним доступ, и удалив их из открытого доступа.

Таким образом, оценка применимости тех или иных способов защиты персональных данных зависит от понимания их природы. Представляется, что глухота законодателя относительно включения в число самостоятельных объектов гражданских прав персональных данных связана с трудностью их отнесения к одному или нескольким уже существующим объектам и недостатком правовых исследований для разработки самостоятельного правового режима. На текущем этапе можно обозначить, что ни один из существующих объектов гражданских прав не определяет персональные данные в полной мере, что свидетельствует о зрелости персональных данных как самостоятельного объекта гражданских прав. В таком статусе персональные данные необходимо трактовать как информацию с особым правовым режимом защиты (в том числе конфиденциальности и обеспеченности безопасностью), которая:

а) представлена в любой форме и на любом носителе;

⁴⁶ Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС» (Общий регламент по защите данных) // URL: <https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679> (дата обращения: 15.03.2025).

⁴⁷ Архипов В. В. Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. 2018. № 2. С. 60.

б) позволяет внешнему наблюдателю на ее основе достоверно из неограниченного круга лиц выделить определенное физическое лицо или получить возможность для такой идентификации с разумной степенью прилагаемых усилий.

Но рассуждения на эту тему требуют дальнейшего анализа и не входят в предмет рассмотрения данной статьи.

В результате исследования были сформулированы основные выводы о содержании субъективного права на неприкосновенность персональных данных. Прежде всего следует отметить, что характер отношений по информационной приватности и их современное законодательное регулирование опосредуют выделение в анализируемом гражданском субъективном праве трех правомочий. Субъект персональных данных не только наделен возможностями своих активных действий, но также может требовать определенного поведения от обязанных лиц и прибегать к мерам правоохранительного характера. Указанная триада правомочий в полной мере отражает всю палитру возможностей субъекта персональных данных, объединенных единым интересом, связанным с

обеспечением состояния неизвестности сведений о себе и своей деятельности, возможностью контролировать свои персональные данные, а также со сферой неимущественных отношений по защите персональных данных от неправомерного использования.

Необходимы как законодательные изменения, так и практические меры для обеспечения реальной защиты прав субъектов персональных данных в условиях динамично меняющегося цифрового мира. В частности, отсутствует эффективный механизм запрета принятия решений только на основе автоматизированной обработки персональных данных на фоне развития искусственного интеллекта, который уже в ближайшем будущем может стать активно используемым инструментом, например в судебной системе России⁴⁸.

В заключение следует отметить, что крайне важно корректно определять содержание права на неприкосновенность персональных данных для повышения гарантий свободной реализации субъектами персональных данных возможностей своих активных действий и увеличения эффективности частноправовых мер восстановления нарушенных прав.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев С. С.* Общая теория права : в 2 т. Т. 2. — М. : Юридическая литература, 1982. — 360 с.
2. *Архипов В. В.* Проблема квалификации персональных данных как нематериальных благ в условиях цифровой экономики, или Нет ничего более практичного, чем хорошая теория // Закон. — 2018. — № 2. — С. 52–68.
3. *Белов В. А.* Гражданское право : в 2 т. — М. : Юрайт, 2024. — 451 с.
4. *Братусь С. Н.* О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Советское государство и право. — М., 1949. — № 8. — С. 30–37.
5. *Братусь С. Н.* Предмет и система советского гражданского права. — М. : Госюриздат, 1963. — 197 с.
6. *Варул П. А.* О некоторых теоретических вопросах защиты субъективных гражданских прав // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права. — Ярославль, 1987. — С. 19–26.
7. *Вильнянский С. И.* Лекции по советскому гражданскому праву. Ч. I. — Харьков : Изд-во Харьковского государственного университета имени А.М. Горького, 1958. — 339 с.
8. *Власова А. В.* Структура субъективного гражданского права. — Ярославль, 1998. — 116 с.

⁴⁸ *Литвинов Д.* Дела о разводах хотят отдать искусственному интеллекту // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/economics/dela-o-razvodakh-khotyat-otdat-iskusstvennomu-intellektu.html?clickid=348e60c2> (дата обращения: 01.05.2025).

9. Гражданское право : учебник : в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.] ; под ред. Б. М. Гонгало. Т. 1. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2021. — 614 с.
10. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. — М. : Изд-во Московского университета, 1972. — 284 с.
11. Груздев В. В. Структура субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 5. — С. 95–104.
12. Егоров Н. Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. — 176 с.
13. Иоффе О. С., Шаргородский Д. М. Вопросы теории права. — М. : Госюриздат, 1961. — 381 с.
14. Керимов Д. А. Обеспечение законности в СССР. — М. : Госюриздат, 1956. — 167 с.
15. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / отв. ред. М. С. Строгович. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 187 с.
16. Красавчикова Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 1994. — 435 с.
17. Крашенинников Е. А. Структура субъективного права и право на защиту // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Вып. 4. — Ярославль, 1979. — С. 76–77.
18. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. — Саратов : Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2004. — 510 с.
19. Матузов Н. И. Личность. Права. Демократия : Теоретические проблемы субъективного права. — Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1972. — 292 с.
20. Осокина Г. Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск) / под ред. В. Н. Щеглова. — Томск : Изд-во Томского университета, 1990. — 160 с.
21. Перевалов В. Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. — 2017. — № 5 (101). — С. 10–18.
22. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Инфра-М, 2024. — 552 с.
23. Рожкова М. А. «Общедоступная информация», «открытые данные» и «персональные данные, разрешенные субъектом для распространения» — что это такое и как они между собой связаны? // Закон.ру. — URL: https://zakon.ru/blog/2021/1/13/obschedostupnaya_informaciya_otkrytye_dannye_i_personalnye_dannye_razreshennye_subektom_dlya_raspros.
24. Рузанова В. Д. Право на защиту персональных данных: гражданско-правовой аспект // Гражданское право. — 2019. — № 6. — С. 17–20.
25. Сергеев А. П. Гражданское право : в 3 т. Т. 1. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2018. — 1040 с.
26. Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2017. — 604 с.
27. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского и В. Д. Перевалова. — М. : Норма, Инфра-М, 1999. — 560 с.
28. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. — 88 с.
29. Федосин А. С. Защита конституционного права человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни при автоматизированной обработке персональных данных в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Саранск, 2009. — 189 с.
30. Швец Л. В. Природа права на персональные данные: цивилистический аспект // Сибирское юридическое обозрение. — 2024. — № 21 (4). — С. 579–595.
31. Шершеневич Г. Ф. Философия права. Т. 1. — М. : Издание бр. Башмаковых, 1912. — 805 с.
32. Jhering R. von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Th. 1–2. — 5. Aufl. — Leipzig, 1891–1894.

Материал поступил в редакцию 5 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. *Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. 2.* — M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. — 360 s.
2. Arkhipov V. V. Problema kvalifikatsii personalnykh dannykh kak nematerialnykh blag v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki, ili Net nichego bolee praktichnogo, chem khoroshaya teoriya // *Zakon.* — 2018. — № 2. — S. 52–68.
3. Belov V. A. *Grazhdanskoe pravo: v 2 t.* — M.: Yurayt, 2024. — 451 s.
4. Bratus S. N. O sootnoshenii grazhdanskoj pravosposobnosti i subektivnykh grazhdanskikh prav // *Sovetskoe gosudarstvo i pravo.* — M., 1949. — № 8. — S. 30–37.
5. Bratus S. N. *Predmet i sistema sovetskogo grazhdanskogo prava.* — M.: Gosyurizdat, 1963. — 197 s.
6. Varul P. A. O nekotorykh teoreticheskikh voprosakh zashchity subektivnykh grazhdanskikh prav // *Problemy ponyatiynogo apparata nauk grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessualnogo prava.* — Yaroslavl, 1987. — S. 19–26.
7. Vilnyanskiy S. I. *Leksii po sovetskomu grazhdanskomu pravu. Ch. I.* — Kharkov: Izd-vo Kharkovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.M. Gorkogo, 1958. — 339 s.
8. Vlasova A. V. *Struktura subektivnogo grazhdanskogo prava.* — Yaroslavl, 1998. — 116 s.
9. *Grazhdanskoe pravo : uchebnik : v 2 t. / S. S. Alekseev, O. G. Alekseeva, K. P. Belyaev [i dr.]; pod red. B. M. Gongalo. T. 1.* — 4-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2021. — 614 s.
10. Gribanov V. P. *Predely osushchestvleniya i zashchity grazhdanskikh prav.* — M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1972. — 284 s.
11. Gruzdev V. V. *Struktura subektivnykh grazhdanskikh prav i grazhdansko-pravovykh obyazannostey // Aktual'nye problemy rossijskogo prava.* — 2018. — № 5. — S. 95–104.
12. Egorov N. D. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie obshchestvennykh otnosheniy: edinstvo i differentsiatsiya.* — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1988. — 176 s.
13. Ioffe O. S., Shargorodskiy D. M. *Voprosy teorii prava.* — M.: Gosyurizdat, 1961. — 381 s.
14. Kerimov D. A. *Obespechenie zakonnosti v SSSR.* — M.: Gosyurizdat, 1956. — 167 s.
15. Kechekyan S. F. *Pravootnosheniya v sotsialisticheskom obshchestve / otv. red. M. S. Strogovich.* — M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. — 187 s.
16. Krasavchikova L. O. *Ponyatie i sistema lichnykh, ne svyazannykh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lits) v grazhdanskom prave Rossiyskoy Federatsii: dis. ... d-ra yurid. nauk.* — Ekaterinburg, 1994. — 435 s.
17. Krashennikov E. A. *Struktura subektivnogo prava i pravo na zashchitu // Problema zashchity subektivnykh prav i sovetskoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo. Vyp. 4.* — Yaroslavl, 1979. — S. 76–77.
18. Matuzov N. I. *Aktualnye problemy teorii prava.* — Saratov: Izd-vo Sarat. gos. akad. prava, 2004. — 510 s.
19. Matuzov N. I. *Lichnost. Prava. Demokratiya: Teoreticheskie problemy subektivnogo prava.* — Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1972. — 292 s.
20. Osokina G. L. *Pravo na zashchitu v iskovom sudoproizvodstve (pravo na isk) / pod red. V. N. Shcheglova.* — Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1990. — 160 s.
21. Perevalov V. D. *Normy prava: problemy ponimaniya i opredeleniya // Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka.* — 2017. — № 5 (101). — S. 10–18.
22. Perevalov V. D. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik i praktikum dlya vuzov.* — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Infra-M, 2024. — 552 s.
23. Rozhkova M. A. «Obshchedostupnaya informatsiya», «otkrytye dannye» i «personalnye dannye, razreshennye subektom dlya rasprostraneniya» — chto eto takoe i kak oni mezhdub soboy svyazany? // *Zakon.ru.* — URL: https://zakon.ru/blog/2021/1/13/obschedostupnaya_informatsiya_otkrytye_dannye_i_personalnye_dannye_razreshennye_subektom_dlya_raspros.
24. Ruzanova V. D. *Pravo na zashchitu personalnykh dannykh: grazhdansko-pravovoy aspekt // Grazhdanskoe pravo.* — 2019. — № 6. — S. 17–20.

25. Sergeev A. P. Grazhdanskoe pravo: v 3 t. T. 1. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2018. — 1040 s.
26. Sinitsyn S. A. Obshchee uchenie ob absolyutnykh i otnositelnykh subektivnykh grazhdanskikh pravakh: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2017. — 604 s.
27. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakultetov / pod red. V. M. Korelskogo i V. D. Perevalova. — M.: Norma, Infra-M, 1999. — 560 s.
28. Tolstoy Yu. K. K teorii pravootnosheniya. — L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1959. — 88 s.
29. Fedosin A. S. Zashchita konstitutsionnogo prava cheloveka i grazhdanina na neprikosnovennost chastnoy zhizni pri avtomatizirovannoy obrabotke personalnykh dannykh v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Saransk, 2009. — 189 s.
30. Shvets L. V. Priroda prava na personalnye dannye: tsivilisticheskiy aspekt // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. — 2024. — № 21 (4). — S. 579–595.
31. Shershenevich G. F. Filosofiya prava. T. 1. — M.: Izdanie br. Bashmakovykh, 1912. — 805 s.
32. Jhering R. von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Th. 1–2. — 5. Aufl. — Leipzig, 1891–1894.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.108-118

Е. И. Куценко*

Обеспечение единообразия судебной практики в дореволюционный период

Аннотация. В статье исследуется исторический аспект обеспечения единообразия судебной практики в дореволюционной России. На основании литературы и исторических источников (кассационные решения Правительствующего сената за 1860-е гг.) автором сделан ряд выводов. Правительствующий сенат на всем протяжении своей деятельности тем или иным образом обеспечивал единообразное применение закона. До 1864 г. подобные полномочия, не закрепленные за ним юридически, фактически обеспечивались за счет положения Сената в структуре органов государственной власти империи. После 1864 г. ряд норм Устава гражданского судопроизводства закрепил за Сенатом данные полномочия и предусмотрел механизмы их реализации. В результате судебной реформы 1864 г. в научной среде возникла дискуссия, аналогичная сегодняшней, о природе кассационных решений Правительствующего сената: являются ли они актами правотолкования или правотворчества. Проанализировав решения Кассационного департамента, автор заключает, что судебные акты Сената были актами правотолкования.

Ключевые слова: прецедент; правотолкование; правотворчество; судебная практика; Правительствующий сенат; Гражданский кассационный департамент; судебная реформа; исторический аспект; единообразие судебной практики; единство судебной практики; Устав гражданского судопроизводства; решение Правительствующего сената; гражданский процесс; арбитражный процесс; цивилистический процесс

Для цитирования: Куценко Е. И. Обеспечение единообразия судебной практики в дореволюционный период // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 108–118. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.108-118

© Куценко Е. И., 2026

* Куценко Елизавета Игоревна, аспирант кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
elizabeth.kutsenko@gmail.com

Ensuring Uniformity of Judicial Practice in the Pre-Revolutionary Period

Elizaveta I. Kutsenko, Postgraduate Student, Department of Civil and Administrative Proceedings named after M.S. Shakaryan, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russian Federation
elizabeth.kutsenko@gmail.com

Abstract. The paper examines the historical aspect of ensuring uniformity of judicial practice in pre-revolutionary Russia. Based on literature and historical sources (cassation decisions of the Governing Senate from the 1860s), the author draws a number of conclusions. Throughout its activity, the Governing Senate ensured the uniform application of the law in one way or another. Before 1864, such powers, not legally assigned to it, were effectively ensured by the position of the Senate in the structure of state authorities of the empire. After 1864, a number of provisions of the Statute of Civil Procedure assigned these powers to the Senate and provided mechanisms for their implementation. Following the judicial reform of 1864 a discussion arose in scientific circles, similar to today's, about the nature of the cassation decisions of the Governing Senate: whether they are acts of legal interpretation or acts of law making. Having analyzed the decisions of the Cassation Department, the author concludes that the judicial acts of the Senate were acts of legal interpretation.

Keywords: precedent; legal interpretation; law-making; judicial practice; Governing Senate; civil cassation department; judicial reform; historical aspect; uniformity of judicial practice; unity of judicial practice; charter of civil procedure; decision of the Governing Senate; civil procedure; arbitration procedure; civilistic procedure

Cite as: Kutsenko E.I. Ensuring Uniformity of Judicial Practice in the Pre-Revolutionary Period. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):108-118. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.108-118

Введение

Современная теория цивилистических процессов, в частности арбитражного, регулярно поднимает вопрос о роли судебной практики при принятии решений судами. Отрицать ее значение невозможно в связи с прямым указанием АПК РФ на возможность подкреплять выводы суда постановлениями Пленума и обзорами практики Верховного Суда РФ¹.

Впрочем, такого рода дискуссии чаще всего ведутся применительно к современности. Некоторые исследователи в числе причин возрастания роли судебной практики, по крайней мере высших судебных инстанций, называют глоба-

лизацию и сопряженную с ней конвергенцию правовых семей, в ходе которой недостатки одной компенсируются заимствованием преимуществ другой². Таким образом, стремление к единообразному рассмотрению и разрешению дел оценивается в качестве современной тенденции.

Указанное не вполне верно. Акты высших судебных инстанций обладали существенным значением при рассмотрении дела еще в дореволюционный период. В историческом аспекте у обеспечения единообразия судебной практики в этот период можно обнаружить множество параллелей с современным состоянием российской правовой системы.

¹ Об этом, в частности, свидетельствует пункт 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ.

² См.: Научно-практическая конференция «Гражданское законодательство России на современном этапе: проблемы и пути развития»: тезисы докладов, Москва, 14–15 февраля 2002 г. // URL: https://privlaw.ru/center/center_editions/nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-grazhdanskoe-zakonodatelstvo-Rossii-na-sovremennom-etape-proble/ (дата обращения: 08.06.2025); *Добрачев Д. В.* Роль судебной практики в современном арбитражном процессе // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2003. № 9; *Абрамова А. И.* Стратегия правотворчества в условиях конвергенции социальных и технологических инноваций // *Журнал российского права*. 2022. № 10. С. 18–27.

Исследования, в которых идет речь о нормотворческих (или правотолковательных) полномочиях Сената, связывают их появление с реформой 1864 г. Не умаляя ее значения в истории права и правосудия, сто́ит отметить, что и до нее Сенат располагал рядом полномочий, которые позволяли ему оказывать влияние на развитие права.

1. Периодизация

Говоря о Правительствующем сенате, органе, созданном Петром I в 1711 г., мы изначально ведем речь не о нормотворческих или правотолковательных полномочиях у судебного органа, а о судебных полномочиях у административного органа, каким он был задуман. Например, если обратиться к тексту самого Указа, то Сенат был учрежден «для отлучек наших... для управления», которое в системе единоличной царской (императорской) власти не предполагало какого-либо разделения³. В связи с этим судебные полномочия представлялись лишь продолжением, следствием абсолютной власти монарха на определение развития государства и общества.

А. Н. Верещагин выделяет три этапа в развитии полномочий Сената⁴:

1) начальный — с 1711 г. до реформы 1763 г. в правление императрицы Екатерины II. В указанный период полномочия Сената не были определены в полной мере в связи с регулярной сменой власти (эпоха дворцовых переворотов). Поэтому говорить о том, что за Сенатом было закреплено полномочие по обеспечению

единообразия в разрешении дел, невозможно. Однако данный период заложил предпосылки для дальнейшей специализации Сената в качестве высшего судебного органа;

2) средний — между 1763 и 1864 г. Сенат продолжал совмещать административные и судебные полномочия. Этот период характеризуется постепенной специализацией Сената вследствие реформ Екатерины II;

3) зрелый — с 1864 г. В ходе реформы Александра II Сенат получил функции кассационного суда, следящего за единообразием судебного толкования, и возможности в части общеобязательного толкования.

Т. Н. Ильина предлагает другую периодизацию⁵:

1) 1711–1805 гг. — первый этап, связанный с закреплением за Сенатом функций высшей судебной инстанции;

2) 1805–1864 гг., которые характеризуются институциональным изменением места и роли Сената в общей системе органов власти Российского государства и продолжением развития его роли в качестве высшего судебного органа;

3) 1864–1917 гг., когда Сенат окончательно становится высшей судебной инстанцией Российской империи с развитой системой функций, в число которых входит обеспечение единообразия судебной практики.

Несмотря на хронологическую разницу, исследователи солидарны в оценке реформы 1864 г., которая окончательно оформила судебные полномочия Сената, превратив его в высшую судебную инстанцию, ответственную за обеспечение единообразного рассмотрения дел.

³ Указ Петра I об учреждении Правительствующего сената и его персональном составе от 22 февраля 1711 г. // URL: <https://raritety.rusarchives.ru/dokumenty/ukaz-petra-i-ob-uchrezhdenii-pravitelstvuyushchego-senata-i-ego-personalnom-sostave> (дата обращения: 01.06.2025).

См. об этом: *Верещагин А. Н.* О формах судебного нормотворчества в Российской империи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 11. С. 6; *Соколов Д. В.* О значении Правительствующего сената в Российской империи как судебного органа // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 321; *Борисов Г. А.* Доктринальные подходы к обеспечению единообразия судебной практики в странах общего права и в России: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 99.

⁴ *Верещагин А. Н.* Указ. соч. С. 6.

⁵ *Ильина Т. Н.* Полномочия Сената как высшей судебной инстанции в России во второй половине XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2016. № 17. С. 84.

На наш взгляд, периодизация, предложенная А. Н. Верещагиным, более приемлема при рассмотрении именно направления обеспечения единообразия как отдельной функции Сената.

2. Развитие полномочий в соответствии с периодами

2.1. Начальный и средний этап

А. Н. Верещагин подчеркивает, что для Сената начального этапа была характерна некая преемственность от Боярской думы, которая была выражена в коллегиальном принятии решений и отсутствии начальствующей или руководящей фигуры (идентичной современному председателю суда)⁶. Формально эту роль играли император или императрица, однако они большую часть времени отсутствовали. Такого рода коллегиальность вела к привычному характеру дискуссий и выражения мнений⁷.

По подсчетам исследователей, с 1719 по 1725 г. Сенатом было вынесено всего 25 решений, известны случаи уклонения Сената от разрешения дел в пользу других вопросов, которые он курировал как высший орган управления⁸.

В течение начального и среднего этапа основной формой постановления Сената являлся сепаратный указ, который мог исходить от самого Сената или быть вынесен императором/императрицей по докладу Сената⁹. Сепаратные указы, в отличие от публичных указов Сената, выносились по конкретному делу, не публиковались, однако проходили архивацию для обращения к ним в случае рассмотрения сходного дела, из чего делается вывод об их прецедентном характере¹⁰. В то же время в от-

сутствие обнародования и опубликования они в большей степени не были известны нижестоящим судам.

Реформа Екатерины II привела к разделению Сената на шесть департаментов, к двум из которых перешли судебные полномочия, в результате чего они в скором времени приобрели название апелляционных — один в Санкт-Петербурге, другой в Москве. Однако в этот период полномочия Сената на толкование закона были существенно сокращены в связи с политикой императрицы, хотя, по словам М. Л. Маррезе, продолжала существовать негласная практика обращения к сепаратным указам¹¹. На данном этапе Сенат также занимался абстрактным толкованием по запросам государственных органов.

Т. Н. Ильина отмечает, что XVIII век применительно к настоящему вопросу был охарактеризован желанием монарха самоустраниться от разрешения судебных дел, оставляя для себя компетенцию лишь по особо важным вопросам, таким как утверждение приговоров о смертной казни и политической смерти и т.п.¹² Определенное влияние на непоследовательное развитие Сената в XVIII в. оказал и тот факт, что он на протяжении всего столетия не являлся единственной высшей судебной инстанцией, а действовал наряду с самим монархом и Верховным тайным советом¹³.

Исследователь делает вывод о том, что на раннем и среднем этапах развития полномочий Сената функция толкования закона понималась буквально в связи с незначительным количеством юридически грамотных лиц. С учетом этого Т. Н. Ильина делит обращения в Сенат на

⁶ Верещагин А. Н. Указ. соч. С. 7.

⁷ См. об этом: Петров К. В. «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI–XVII вв.) // Государство и право. 2005. № 4. С. 78–83.

⁸ См. подробнее: Серов Д. О. Судебная реформа Петра I. М., 2009. С. 247–248.

⁹ Борисов Г. А. Указ. соч. С. 100.

¹⁰ Демченко Г. В. Прецедент // Журнал Министерства юстиции. 1903. № 4. С. 36.

¹¹ Маррезе М. Л. Бабы царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М., 2009. С. 69.

¹² Ильина Т. Н. Эволюция судебных функций Сената как высшей судебной инстанции в России в XVIII веке // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2015. № 14. С. 4.

¹³ Ильина Т. Н. Эволюция судебных функций Сената... С. 3.

три группы: незнание законов; непонимание, как применять закон на практике, и наличие пробела в законодательстве¹⁴.

В дальнейшем император Николай I подтвердил отсутствие прецедентного характера сенатских указов в ст. 65 Свода законов Российской империи 1833 г.: «Законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оных без всякого изменения или распространения. Все без изъятия места, не исключая и высших правительств, во всяком случае должны утверждать определения свои на точных словах закона, не переменяя в них без доклада Императорскому Величеству ни единой буквы и не допуская обманчивого непостоянства самопроизвольных решений»¹⁵.

Примечательно, что согласно ст. 69 Свода законов решения частных дел могли быть приведены в пояснениях по конкретным делам, однако не могли быть признаны обязательными и являться основанием для принятия решения. Это в некоторой степени корреспондирует современному пункту 3 ч. 4 ст. 170 АПК РФ, который позволяет делать ссылки на постановления Пленума и обзоры практики Верховного Суда РФ.

Таким образом, за Сенатом в течение начального и среднего этапов эволюции полномочий не было закреплено как таковой функции обеспечения единообразия судебных актов или толкования права. Однако, будучи высшим органом управления, Сенат так или иначе их осуществлял. Указанные периоды характеризуются постоянным изменением роли и места Сената в связи со сменой правящего лица, которое подчиняло Сенат своему видению. Монархами предпринимались отдельные попытки решить системные проблемы Сената, такие как отсутствие четкой структуры органов (департаментов), конкретизации полномочий, специализации в современном понимании в соответствии с разделением власти на ветви,

долгое рассмотрение дел и даже уклонение от их рассмотрения, дублирование судебных полномочий разными органами. Однако в полной мере они были решены лишь в ходе судебной реформы 1864 г.

2.2. Сенат после реформы 1864 г.

Судебная реформа Александра II 1864 г. превратила Сенат из апелляционной в кассационную инстанцию в связи с учреждением двух кассационных департаментов: гражданского и уголовного. Появились также и специальные требования к самим сенаторам, невозможность соединения сенатской службы с какой бы то ни было иной. Препона в виде принципа единогласия, которая вызывала множество споров и оценивалась в качестве фактора временных издержек, также была устранена в связи с установлением необходимых 2/3 голосов для принятия решения по частным категориям дел¹⁶. Была установлена невозможность обжалования кассационных решений, которые ранее могли быть преодолены императором/императрицей.

Статья 10 Устава гражданского судопроизводства запрещала останавливать решение дела под предлогом неясности, неполноты, недостатка или противоречия закона. Именно с этим нововведением следует связать дальнейшее развитие Сената как органа, обеспечивающего единообразие судебной практики: ввиду отсутствия возможности не разрешить дело Сенат был вынужден осуществлять системное толкование норм права.

Судебный устав 1864 г. закрепил за Сенатом широкие правотолковательные полномочия (ст. 9–10 Устава гражданского судопроизводства) и необходимость публикации текстов решений «для руководства к единообразному истолкованию и применению законов» (ст. 815 Устава гражданского судопроизводства). Если ранее издание решений Сената носило скорееokka-

¹⁴ Ильина Т. Н. Эволюция судебных функций Сената... С. 12.

¹⁵ История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. Т. 2. СПб., 1911. С. 259.

¹⁶ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 29 мая 1869 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. № 47150.

зиональный характер, они выпускались время от времени¹⁷, то теперь они были представлены в ежегодных официальных сборниках. Тем самым была преодолена проблема неизвестности решений Сената нижестоящим инстанциям, о которой говорилось ранее.

Т. Н. Ильина указывает, что деятельность Сената по обеспечению единообразия характеризовалась неопределенностью в части того, является ли она правотворческой или право-толковательной. Следует отметить, что такого рода неопределенность характерна и для современного этапа развития российской судебной системы. Применительно к Сенату подобная неопределенность связывалась с отсутствием в законе четких пределов правоинтерпретации и с тем, что государство осознанно избегало такого указания в условиях единоличной формы правления¹⁸.

В 1877 г. в связи с принятием Высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 10 июня 1877 г. у Сената появились полномочия абстрактного толкования закона по запросу министра юстиции в связи с делами, разрешаемыми неединообразно или вызывающими сомнения в практике.

Отмечается также, что Сенат при рассмотрении дел принимал в соображение не только свою практику, но и французские решения в связи с рассмотрением дел из Царства Поль-

ского, пользовавшегося французским правом со времен Наполеона¹⁹.

А. Н. Верещагин отмечает, что решения Сената зрелого периода являются достойным образцом юридической техники, т.к. в них отсутствовали те проблемы, которые, например, видны сегодня: избыточное цитирование закона, нечеткое изложение мотивов, подразумеваемые звенья и логические разрывы²⁰.

Именно после реформы 1864 г. в отечественной доктрине встает вопрос о том, обладают ли сенатские кассационные решения силой источника права. В зависимости от ответа на него ученых можно условно разделить на две группы: А. М. Гуляев, Г. В. Демченко, С. А. Муромцев, И. А. Покровский, Ю. С. Гамбаров, Е. Н. Трубецкой²¹ не отрицали творческого характера судебной практики Сената, ее роли в восполнении пробелов законодательства, подчас прямо называя дополнительным к закону источником права; Н. М. Коркунов, Г. Ф. Шершеневич, Л. И. Петражицкий, Д. И. Мейер²² указывали на недопустимость широкого применения усмотрения суда и придания судебной практике нормативного характера. Представляется, что для подобной дискуссии имелись существенные предпосылки в виде ст. 9, 10 и 815 Устава гражданского судопроизводства. Однако этот вопрос невозможно решить без обращения к кассационным решениям самого Правительствующего сената.

¹⁷ В качестве примера можно назвать публикации в «Санкт-Петербургских ведомостях» и издание Полного собрания законов с 1830 г.

¹⁸ Ильина Т. Н. Полномочия Сената как высшей судебной инстанции... С. 85.

¹⁹ История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 4. С. 434.

²⁰ Верещагин А. Н. Указ. соч. С. 23.

²¹ См. об этом: Гуляев А. М. Толкование закона в практике Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1912 ; Демченко Г. В. Судебный прецедент. Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1903 ; Муромцев С. А. Суд и закон в гражданском праве // Юридический вестник. 1880. № 14 ; Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. Петроград : Издание юридического книжного склада «Право», 1917 ; Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1911. Т. 1 : Часть общая ; Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. М. : Товарищество скоропечатни А. А. Ливенсон, 1908.

²² См. об этом: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004 ; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М. : Издание братьев Башмаковых, 1910 ; Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. М. : Юрайт, 2016. Ч. 2 ; Мейер Д. И. Русское гражданское право. М. : Современ. изв., 1873.

3. Кассационная практика Правительствующего сената

Сенат при рассмотрении жалоб, которые не были им оставлены без последствий, достаточно часто ссылался на свои предыдущие решения. Например, при рассмотрении кассационной жалобы мещанина Федора Куликова на решение Бронницкого мирового съезда по иску об обращении взыскания на заложенное имущество, разрешая вопрос о том, могли неграмотный крестьянин осознавать, что в долговой расписке им был заложен земельный участок, указал следующее: «Мировой съезд, вопреки 541 ст. того же Устава, не поверил расписки спросом лица, подписавшего оную за него, просителя, и, не обратив внимания на 917, 919 и 921 ст. X Т. 1 ч., признал действительною расписку неграмотного, никем не засвидетельствованную, тогда как таковая не должна иметь никакой силы (*решение Правительствующего сената по делу крестьянина Макарова 1867 г. № 290*²³). Засим, видя залог дома, состоящего на арендованной земле другого лица и потому считающегося движимостью, составленный в противность 1667, 1673, 1670 и 1671 ст. того же тома и части, а также видя порядок взыскания, произведенный вопреки 1677 и примеч. к 1678 ст. того же тома и части и 1063 ст. Уст. гр. суд., и за всем тем утвердив решение судьи, съезд поступил вопреки сим законам и *решению Правительствующего сената по делу Широкова 1867 г. № 212*»²⁴.

Впрочем, из подобных ссылок на судебные акты Правительствующего сената не в полной мере очевиден характер, который им придавался. Для определения того, носили ли кассационные решения Сената прецедентный характер или являлись актом правотолкования, необходимо обратиться к решениям по делу крестьянина Макарова 1867 г. № 290 и по делу Широкова 1867 г. № 212.

В решении Правительствующего сената по делу крестьянина Макарова 1867 г. № 290 рассмотрена жалоба по иску о взыскании с наследников умершей мещанки Прасковьи Королевой 100 руб. по расписке, написанной по ее личной просьбе из-за безграмотности. Сенатом было отказано в отмене обжалуемого акта ввиду следующего: «По выслушании заключения товарища обер-прокурора Правительствующий сенат находит, что на основании 917 ст. X ч. 1 домашний акт должен быть написан дающим оный или по просьбе его кем-либо другим, а на основании 919 ст. домашний акт должен быть подписан самим дающим оный, если он безграмотен, слеп или по тяжкой болезни сам учинить подписи не может, то отцом его духовным или другим лицом, кому он в том верит. Вместе с тем статья 920 разделяет домашние акты в отношении к способам удостоверения в их подлинности, а именно статья 921 признает, что к тем актам, для действительности коих достаточно одной подписи дающего *без всякого постороннего засвидетельствования, принадлежат обязательства, даваемые от грамотных, расписки, счета и т.п.* Из сего следует заключить, что законодательство наше в отношении обязательств, выдаваемых безграмотными, не признает для действительности оных достаточным одной подписи того лица, которое подписалось под обязательством по просьбе безграмотного, ибо на таком акте нет подписи дающего оный, которая по смыслу 921 ст. необходима для действительности домашнего акта, не нуждающегося в постороннем засвидетельствовании»²⁵.

В решении Правительствующего сената по делу Широкова 1867 г. № 212 по иску капельдинера Ивана Гаврилова к крестьянке Василисе Широковой о передаче в распоряжение вещей Широковой (разного движимого имущества), которые ранее якобы были даны в залог ее мужем, Сенат отмечает: «...в настоящем деле предлежит разрешению вопрос: может ли про-

²³ Здесь и далее в цитатах из кассационных решений Правительствующего сената курсив применен автором.

²⁴ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. 1868 г., за второе полугодие. СПб., [1869?]. С. 836.

²⁵ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. 1867 г., за второе полугодие. СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1868. С. 531–532.

изводиться взыскание по словесным закладным договорам на основании свидетельских показаний? Обращаясь к разрешению сего вопроса, Правительствующий сенат находит, что договор заклада движимых вещей служит обеспечением займа. Обеспечение это заключается в том, что закладоприематель, или заимодавец, в случае неисправности закладчика-заемщика вправе получить удовлетворение от продажи с публичного торга заложенных ему вещей (ст. 1677 и прим. к ст. 1678 т. X ч. 1). Но для приобретения права на получение удовлетворения продаже заложенных вещей необходимо, чтобы договор заклада был облечен в письменный акт по установленной форме (ст. 1669 и 1773 т. X ч. 1 и прилож. формы к сим статьям), чтобы акт сей был совершен у крепостных дел или на дому, за подписью двух свидетелей (ст. 1667, 1669 и 1673 т. X ч. 1), чтобы закладываемые вещи были предъявлены свидетелям, чтобы составлена была им подробная опись и чтобы при отдаче сих вещей на хранение заимодавцу приложены были к описи и вещам печати свидетелей и заемщика (ст. 1070 и 1071 т. X ч. 1). В случае неисправности должника заимодавец должен, не далее трех месяцев по миновании срока договора заклада, предъявить оный ко взысканию или только для ведома нотариусу (ст. 1077 т. X ч. 1). Продажа заложенных вещей производится с соблюдением правил, постановленных для взыскания с движимого имущества (ст. 968–1070 Уст. гр. суд.), и только в случае несостоявшихся торгов закладодержателю предоставляется право, если пожелает, движимое имущество, находящееся у него в закладе, оставить за собою (ст. 1068 Уст. гр. суд.). Из сего очевидно следует, что для договора заклада движимого имущества действующие законы положительно предписывают форму письменного акта, а в предотвращение подлога и злоупотреблений со стороны заимодавца устанавливаются особый порядок относительно совершения описи и хранения отданных в заклад вещей. Следовательно,

ни общие судебные места, ни мировые установления не имеют права, по силе ст. 409 Уст. гр. суд., допускать свидетельские показания взамен требуемых законом письменных актов, как это объяснено было Правительствующим сенатом по делу мещанина Фионогена Антонова (Сбор. реш. Кас. деп. 1866 г. № 68)²⁶.

Из представленных фрагментов видно, что суд последовательно соотносил действующие правовые нормы, не выводя как такового нового правила, а лишь осуществляя их системное толкование. Об этом также свидетельствуют такие формулировки, как «из сего следует заключить, что законодательство наше в отношении обязательств...», «по смыслу 921 ст.», «из сего очевидно следует, что для договора заклада движимого имущества действующие законы положительно предписывают форму письменного акта». Таким образом, ссылки на решения Кассационного департамента даются не на прецедент, а на уже изложенную судами логику применения тех или иных норм в совокупности в отношении сходных дел в целях процессуальной экономии.

Примечательно, что в кассационных решениях Правительствующего сената ссылки на иные дела, разрешенные кассационной инстанцией, содержатся не только в обосновании судом решения, но и в описательной части, в которой излагаются доводы кассационной жалобы. Так, при рассмотрении кассационной жалобы купца Никитина на решение Санкт-Петербургского столичного съезда мировых судей, в которой заявитель просил отменить решение в связи с неподсудностью торговых дел мировому судье, указывая в обоснование своей позиции, что «мировые учреждения, приняв дело к своему разрешению, нарушили закон, изображенный в 1300, 1301, 1303 и 1307 ст. т. XI Уст. торг., примеч. к 2 ст. Учр. суд. уст. и 28, 79 и 584 Уст. гр. суд., а равно поступили вопреки решениям Правительствующего сената, состоявшимся по подобным вопросам (см. Сбор. реш. Кас. деп. Прав. сен. 1867 г. № 52 и 92)²⁷.

²⁶ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. 1867 г., с 1 января по 1 июля. СПб., 1867. С. 374–375.

²⁷ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. 1868 г., за второе полугодие. С. 880.

Или, например, в кассационной жалобе вдовы учителя Надежды Шмеллинч на решение Санкт-Петербургского столичного мирового съезда сам заявитель полагал, что обжалуемое решение принято *«вопреки разъяснениям Правительствующего сената по делу Соколова (Сборник решений Гражданского кассационного департамента 1867 г. № 192) и Давыденко (№ 346)»*²⁸.

Из представленных примеров видно, что судебная практика Сената, во-первых, была известна юристам, которые ссылались на нее в кассационных жалобах, что является следствием обязательной публикации сенатских решений, а во-вторых, нередко использовалась заявителями в дополнение к своим доводам. Ссылаясь в жалобах не на отдельную норму, но на их комплекс в совокупности с более ранним сенатским решением, заявитель указывал не только правовое обоснование жалобы, но и желаемую логику применения совокупности норм к правоотношению, которая ранее была продемонстрирована Сенатом по другому делу.

Заключение

В отличие от современного положения, при котором суды в обоснование принятого решения ссылаются на «сложившуюся», «актуальную», «единообразную практику», «руководящие положения», участники дореволюционного процесса приводили конкретное кассационное решение, предполагая, что для подкрепления доводов указание дела будет исчерпывающим правовым аргументом. Участникам процесса не требовалось дополнительного обоснования, легитимации ссылки на судебные акты Правительствующего сената.

В заключение хочется отметить, что механизмы, которые появились в рамках судебной системы Российской империи после реформы 1864 г., обладали рядом преимуществ, часть из

которых была воспринята нынешней правовой системой России, хотя и не так явно. Краткий исторический обзор, приведенный в настоящей статье, демонстрирует, что стремление к единообразию судебной практики не является современным явлением. Сам факт, что подобного рода полномочия были закреплены за Правительствующим сенатом в ходе государственной реформы, говорит об интересе развитого правопорядка в непротиворечивой судебной практике. Представляется, что сочетание таких методов правового регулирования, как формулирование абстрактной правовой нормы и обращение к уже разрешенным делам, является способом восполнения пробелов, который характерен для российской системы права на разных исторических этапах.

В то же время нельзя сказать, что решения кассационного департамента играли роль прецедента. Тексты самих решений демонстрируют последовательные ссылки на нормы дореволюционного гражданского законодательства и их системное толкование применительно к конкретному делу. Стоит отметить высокое качество кассационных решений с точки зрения последовательности и логичности изложения. В этом современная практика арбитражных судов уступает кассационным решениям Сената. Современные суды избрали иной механизм обеспечения единообразия судебной практики: ссылки на постановления Пленума Верховного Суда РФ и обзоры судебной практики. Ввиду этого подчас они демонстрируют не логику соотношения правовых норм, а слепое выборочное цитирование правовой позиции высшей судебной инстанции без контекста. Качество кассационных решений Сената показывает, что в части эффективного обеспечения единообразия судебной практики важно не простое следование выводу суда, изложенному в правовой позиции, но соотношение фактических обстоятельств и правового обоснования решений по сходным делам.

²⁸ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. 1868 г., за второе полугодие. С. 1377.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Абрамова А. И.* Стратегия правотворчества в условиях конвергенции социальных и технологических инноваций // Журнал российского права. — 2022. — № 10. — С. 18–27.
2. *Борисов Г. А.* Доктринальные подходы к обеспечению единообразия судебной практики в странах общего права и в России: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2024. — 219 с.
3. *Верещагин А. Н.* О формах судебного нормотворчества в Российской империи // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2014. — № 11. — С. 6–25.
4. *Гамбаров Ю. С.* Курс гражданского права. Т. 1 : Часть общая. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1911. — 780 с.
5. *Гуляев А. М.* Толкование закона в практике Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената. — М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1912. — 71 с.
6. *Демченко Г. В.* Прецедент // Журнал Министерства юстиции. — 1903. — № 4.
7. *Демченко Г. В.* Судебный прецедент. — Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1903.
8. *Добрачев Д. В.* Роль судебной практики в современном арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. — 2003. — № 9.
9. *Ильина Т. Н.* Эволюция судебных функций Сената как высшей судебной инстанции в России в XVIII веке // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2015. — № 14.
10. *Ильина Т. Н.* Полномочия Сената как высшей судебной инстанции в России во второй половине XIX века // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. — 2016. — № 17.
11. *Коркунов Н. М.* Лекции по общей теории права. — СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. — 352 с.
12. *Маррезе М. Л.* Бабые царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). — М., 2009. — 368 с.
13. *Мейер Д. И.* Русское гражданское право. — М. : Современ. изв., 1873. — 31 с.
14. *Муромцев С. А.* Суд и закон в гражданском праве // Юридический вестник. — 1880. — № 14. — Кн. 11. — С. 377–393.
15. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. Ч. 2. — М. : Юрайт, 2016. — 237 с.
16. *Петров К. В.* «Прецедент» в средневековом русском праве (XVI–XVII вв.) // Государство и право. — 2005. — № 4. — С. 78–83.
17. *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. — Петроград : Издание юридического книжного склада «Право», 1917. — 328 с.
18. *Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I. — М., 2009.
19. *Соколов Д. В.* О значении Правительствующего сената в Российской империи как судебного органа // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 2. — С. 318–322.
20. *Трубецкой Е. Н.* Энциклопедия права. — М. : Товарищество скоропечатни А. А. Ливенсон, 1908. — 224 с.
21. *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. — М. : Издание бр. Башмаковых, 1910. — 810 с.

Материал поступил в редакцию 8 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Abramova A. I.* Strategiya pravotvorchestva v usloviyakh konvergentsii sotsialnykh i tekhnologicheskikh innovatsiy // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2022. — № 10. — S. 18–27.
2. *Borisov G. A.* Doktrinalnye podkhody k obespecheniyu edinoobraziya sudebnoy praktiki v stranakh obshchego prava i v Rossii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2024. — 219 s.

3. Vereshchagin A. N. O formakh sudebnogo normotvorchestva v Rossiyskoy imperii // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2014. — № 11. — S. 6–25.
4. Gambarov Yu. S. Kurs grazhdanskogo prava. T. 1: Chast obshchaya. — SPb.: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1911. — 780 s.
5. Gulyaev A. M. Tolkovanie zakona v praktike Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitelstvuyushchego senata. — M.: Pechatnya A. I. Snegirevoy, 1912. — 71 s.
6. Demchenko G. V. Pretsedent // Zhurnal Ministerstva yustitsii. — 1903. — № 4.
7. Demchenko G. V. Sudebnyy pretsedent. — Varshava: Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga, 1903.
8. Dobrachev D. V. Rol sudebnoy praktiki v sovremennom arbitrazhnom protsesse // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2003. — № 9.
9. Ilina T. N. Evolyutsiya sudebnykh funktsiy Senata kak vysshey sudebnoy instantsii v Rossii v XVIII veke // Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs. — 2015. — № 14.
10. Ilina T. N. Polnomochiya Senata kak vysshey sudebnoy instantsii v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka // Istoriko-pravovye problemy: novyy rakurs. — 2016. — № 17.
11. Korkunov N. M. Lektsii po obshchey teorii prava. — SPb.: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2004. — 352 s.
12. Marreze M. L. Babe tsarstvo: dvoryanki i vladenie imushchestvom v Rossii (1700–1861). — M., 2009. — 368 s.
13. Meyer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. — M.: Sovremen. izv., 1873. — 31 s.
14. Muromtsev S. A. Sud i zakon v grazhdanskom prave // Yuridicheskiy vestnik. — 1880. — № 14. — Kn. 11. — S. 377–393.
15. Petrazhitskiy L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti: v 2 ch. Ch. 2. — M.: Yurayt, 2016. — 237 s.
16. Petrov K. V. «Pretsedent» v srednevekovom russkom prave (XVI–XVII vv.) // Gosudarstvo i pravo. — 2005. — № 4. — S. 78–83.
17. Pokrovskiy I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. — Petrograd: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 1917. — 328 s.
18. Serov D. O. Sudebnaya reforma Petra I. — M., 2009.
19. Sokolov D. V. O znachenii Pravitelstvuyushchego senata v Rossiyskoy imperii kak sudebnogo organa // Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. — 2018. — № 2. — S. 318–322.
20. Trubetskoy E. N. Entsiklopediya prava. — M.: Tovarishchestvo skoropechatni A. A. Livenson, 1908. — 224 s.
21. Shershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava. — M.: Izdanie br. Bashmakovykh, 1910. — 810 s.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.119-130

В. Г. Истомин*

Принципы конкурентного права: положения научной доктрины и дискуссионные аспекты формирования концепции

Аннотация. Установление основных положений, на которых строится правовое регулирование тех или иных общественных отношений, важно для развития теоретических представлений о целях и методах регулирования таких отношений, а также для совершенствования законодательства в соответствующей сфере. Вопрос о принципах конкурентного права становится предметом всё более пристального научного внимания, однако при их определении не всегда учитывается специфика отношений конкуренции и сферы антимонопольного регулирования. Автор рассматривает некоторые научные точки зрения на принципы конкурентного права и формулирует положения, которые могут быть отнесены к их числу. В частности, это принципы: разумного подхода при оценке антиконкурентного поведения; свободного осуществления права на конкуренцию; предоставления государственного либо муниципального имущества, прав на него хозяйствующим субъектам на основе конкурентных процедур; запрета совмещения властных полномочий с функциями хозяйствующего субъекта; недопустимости создания препятствий возникновению конкуренции, ее ограничения либо устранения.

Ключевые слова: принципы права; принципы конкурентного права; цифровые рынки; добросовестность; принцип разумного подхода; право на конкуренцию; конкурентные процедуры; предоставление государственного и муниципального имущества; запрет совмещения функций; антиконкурентные последствия

Для цитирования: Истомин В. Г. Принципы конкурентного права: положения научной доктрины и дискуссионные аспекты формирования концепции // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 119–130. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.119-130

© Истомин В. Г., 2026

* Истомин Валерий Геннадиевич, старший научный сотрудник отдела права Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук
Софьи Ковалевской ул., д. 16, г. Екатеринбург, Российская Федерация, 620990
valeryvs@rambler.ru

Principles of Competition Law: Provisions of Scientific Doctrine and Controversial Aspects of Concept Formation

Valery G. Istomin, Senior Researcher, Department of Law, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation
valeryvs@rambler.ru

Abstract. Establishing the fundamental principles on which the legal regulation of certain social relations is based is important for the development of theoretical ideas about the goals and methods of regulating such relations, as well as for improving legislation in the relevant area. The question of the principles of competition law is becoming the subject of increasingly close scientific attention; however, when defining such principles, the specifics of competition relations and the scope of antitrust regulation are not always taken into account. In the paper, the author examines some scientific points of view on the principles of competition law and formulates provisions that can be classified as such principles. In particular, these are the principles of a reasonable approach to assessing anti-competitive behavior; free exercise of the right to competition; provision of state or municipal property, and rights thereto, to economic entities on the basis of competitive procedures; prohibition of combining government powers with the functions of an economic entity; inadmissibility of creating obstacles to the emergence of competition, its restriction or elimination.

Keywords: principles of law; principles of competition law; digital markets; good faith; the principle of reasonableness; the right to compete; competitive procedures; provision of state and municipal property; prohibition of combining functions; anticompetitive consequences

Cite as: Istomin VG. Principles of Competition Law: Provisions of Scientific Doctrine and Controversial Aspects of Concept Formation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):119-130. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.119-130

Отношения, складывающиеся в результате конкурентного взаимодействия хозяйствующих субъектов, являются важной составной частью современных рыночных экономических отношений. В этом контексте Конституционный Суд РФ, оценивая значение конкуренции, отмечал, что она является как самостоятельной конституционной ценностью¹, так и одним из условий существования таких ценностей в Российской Федерации². В связи с этим важной задачей становится определение тех принципов, на которых основано правовое регулирование отношений, связанных с организацией конкурентного взаимодействия хозяйствующих субъектов и пресечением правонарушений на товарных рынках, тех базовых положений, которые лежат в основе построения

системы норм, получившей в научной доктрине общее название «конкурентное право».

Согласно господствующей в юридической науке позиции под принципами права следует понимать основополагающие идеи, руководящие начала, лежащие в основе права, выражающие его сущность и назначение в обществе, определяющие цели и социальную направленность права³. При этом данные принципы не являются сугубо декларативными, а влияют на формирование общей концепции правового регулирования соответствующих отношений, определяют его цели и методы. Кроме того, в науке обращается внимание на объективную природу принципов права, подчеркивается их самостоятельный характер в том смысле, что даже если они не реализовались в нормах пози-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 № 19-П // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3389.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.12.2023 № 57-П // СЗ РФ. 2023. № 52. Ст. 9760.

³ См., например: Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. М. : Норма, Инфра-М, 2025. С. 62.

тивного права, они не утрачивают значения и не прекращают существования⁴. К числу общеправовых, характеризующих право как социальное явление в основном относят принципы общеобязательности норм права, равенства субъектов перед законом и судом, законности, справедливости, единства прав и обязанностей. Эти принципы характерны для всей системы российского права, проявляются они и в конкурентном праве.

Следует согласиться с тем, что принципы присущи не только праву в целом, но и отдельным его структурным элементам: отраслям, подотраслям и институтам. Иногда также можно выделить межотраслевые принципы. Они отражают особенности правового регулирования в рамках той или иной системы норм.

Вопрос о принципах конкурентного права как правового образования в настоящее время в юридической литературе исследован недостаточно, зачастую фрагментарно. Во многом подходы к нему связаны с позицией того или иного автора относительно места конкурентного права в российской правовой системе. Поскольку в настоящее время большинство ученых считают конкурентное право комплексным правовым образованием (соответственно, областью законодательства, комплексной отраслью права либо институтом), то можно предположить, что, обходя вниманием его принципы, они полагают, что в рамках конкурентного права действуют принципы соответствующих отраслей, нормы которых регулируют те или иные отношения, возникающие в связи с участием субъектов в рыночной конкуренции. Вместе с тем в некоторых работах указываются отдельные принципы антимонопольного регулирования и защиты

конкуренции, например разумности (разумного подхода) государственной антимонопольной политики⁵, обоснованности вступления в договорные отношения как альтернативы принципу свободы договора применительно к антимонопольному законодательству⁶ и др. Касательно места конкурентного права в правовой системе более обоснованной представляется позиция, согласно которой содержание отношений конкуренции состоит в обеспечении единого правопорядка организации и осуществления предпринимательской деятельности, в силу чего соответствующий массив норм входит в предпринимательское право как предметно-функциональную подотрасль гражданского права и поэтому на регулирование отношений конкуренции определенное влияние оказывают общие принципы предпринимательского права⁷.

Следует отметить, что в последнее время рядом авторов предпринимаются попытки обособления отдельной системы принципов конкурентного права. Это связано в том числе с формирующимся в литературе мнением о самостоятельной отраслевой природе конкурентного права. Так, в одном из учебников по конкурентному праву называются следующие его принципы: свободного перемещения товаров, развития конкуренции, запрета нарушения конкуренции, свободы экономической деятельности, единства интересов⁸. Оценивая их, А. Н. Варламова полагает, что положения о свободном перемещении товаров и свободе экономической деятельности представляют собой общие принципы права, указанные в Конституции РФ, а потому относить их к сугубо отраслевым принципам конкурентного права вряд ли оправданно. Раз-

⁴ Коновалов А. В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 17.

⁵ Писенко К. А., Цинделиани И. А., Бадмаев Б. Г., Казарян К. В. Антимонопольное право : учебник. М. : РГУП, 2015. С. 231.

⁶ Рыженков А. Я. Ограничения принципа свободы договора в антимонопольном законодательстве // Конкурентное право. 2015. № 4. С. 3–6.

⁷ Актуальные проблемы частного права : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4 / отв. ред. Е. П. Чорновол. Екатеринбург : Изд. УрАГС, 2010. С. 29.

⁸ Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. М. : Юстицинформ, 2018. С. 42–47.

вите конкуренции является не принципом, а непосредственной целью конкурентного права, достижение которой невозможно без контроля за нарушениями соответствующего законодательства и применения санкций к субъектам, их совершившим⁹.

Действительно, содержащиеся в ст. 8 Конституции РФ положения о единстве экономического пространства, свободном перемещении товаров, услуг и финансовых средств, свободе экономической деятельности представляют собой конституционные принципы, которые формируют основы экономического строя и действие которых проявляется в нормах различной отраслевой принадлежности. Данные принципы, по мнению некоторых ученых, лежат в основе большой совокупности конституционных норм и составляют, вместе с некоторыми другими положениями, экономическую конституцию страны¹⁰. В связи с этим относить их к принципам исключительно конкурентного права вряд ли оправданно. При этом важность указанных положений для установления принципов конкурентного права не вызывает сомнений.

А. Н. Варламова определяет следующие принципы конкурентного права: учета отраслевых особенностей товарных рынков, недискриминационности, взаимосвязи конфликта и солидарности интересов, добросовестности, единства свободной конкуренции и свободы договора, а также защиты экономически слабого субъекта¹¹. Часть указанных принципов (например, недискриминационности, защиты экономически слабого субъекта) обоснованно выделены автором, вместе с тем можно сделать несколько уточнений, а также обратить внимание на спорные моменты. Во-первых, не вызывает сомнений, что отраслевые товарные рынки обладают существенными особенностями,

однако в настоящее время антимонопольное законодательство учитывает не только отраслевые особенности товарных рынков, но и особенности некоторых других видов рынков. В частности, речь идет о цифровых рынках, которые вряд ли могут быть отнесены к категории отраслевых, поскольку связаны не с какой-то конкретной сферой (отраслью) деятельности, а с функционированием так называемых цифровых платформ, выступающих как программно-информационные системы, где осуществляется взаимодействие хозяйствующих субъектов из разных сфер экономики. В настоящее время в научной литературе активно обсуждаются специфика цифровых рынков по сравнению с обычными товарными рынками и особенности антимонопольного регулирования на них¹², обращается внимание на взаимопроникающее развитие цифровых платформ, технологий и среды, которое размывает границы традиционного функционирования аналоговых материалоёмких рынков и отраслей экономики¹³. Не остался в стороне и законодатель, предусмотрев в Федеральном законе от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”» ряд положений, связанных с антимонопольным регулированием деятельности компаний, обеспечивающих функционирование цифровых платформ. В связи с этим в качестве принципа конкурентного права предпочтительно выделение принципа учета особенностей отдельных видов рынков, предполагающего отражение специфики рынков как по отраслевому признаку, так и по иным критериям.

Во-вторых, принцип добросовестности более обоснованно рассматривать не как собственно принцип конкурентного права, а как отраслевой гражданско-правовой принцип, который может

⁹ Варламова А. Н. Принципы конкурентного права // Конкурентное право. 2021. № 4. С. 14–17.

¹⁰ Гаджиев Г. А. Конституция России как правовая основа экономики: правовая модель и современность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 2. С. 83–90.

¹¹ Варламова А. Н. Указ. соч. С. 14–17.

¹² См., например: Егорова М. А. О некоторых аспектах установления доминирующего положения на цифровых рынках в российском антимонопольном законодательстве // Юрист. 2024. № 8. С. 2–4.

¹³ Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. 2024. № 1. С. 5–27.

быть использован при регулировании отношений конкуренции в контексте возможности применения к данным отношениям гражданско-правовых норм. Содержание добросовестности как принципа гражданского права раскрывается в цивилистической литературе¹⁴ и актах толкования законодательства судебными органами. Правило о необходимости участников гражданских правоотношений действовать добросовестно закреплено в п. 3 ст. 1 ГК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 постановления от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» (далее — Постановление № 2) прямо указал, что к положениям Гражданского кодекса, которые образуют основу антимонопольного законодательства, относятся в том числе нормы о добросовестности действий участников гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав. Конечно, антимонопольное законодательство оперирует таким понятием, как «недобросовестная конкуренция», однако при этом не устанавливает каких-то особых требований к оценке добросовестности поведения хозяйствующего субъекта, отличных от общих подходов, существующих в гражданском праве. По мнению А. С. Тимошенко, цивилистический принцип добросовестности одновременно является и общим принципом конкурентного права¹⁵. Если раскрывать содержание данной категории применительно к конкурентным отношениям, то представляется, что добросовестность в конкурентном праве проявляется через запрет необоснованного (т.е. нарушающего законодательство, обычаи делового оборота, требования добропорядочности, разумности и справедливости) извлечения преимуществ при осуществлении конкуренции, которые позволяют субъекту воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем рынке.

Следует отметить, что качеством самостоятельного принципа конкурентного права

обладает скорее правило разумности (пропорциональности), или, другими словами, можно вести речь о принципе разумного подхода при оценке антиконкурентного поведения. Его содержание заключается в том, что отдельные виды поведения, которые с формальной точки зрения представляют собой неправомерные действия, могут быть признаны правомерными, допустимыми, если они в то же время влекут серьезный положительный эффект для экономики и способствуют повышению благосостояния потребителей. Из принципа разумности российское конкурентное право исходит, например, при оценке действий и соглашений, формально содержащих признаки монополистической деятельности, однако при этом способствующих развитию производства, стимулирующих технический либо экономический прогресс или направленных на получение покупателями определенных преимуществ. При наличии подобных положительных эффектов соответствующие действия субъектов не влекут применения установленных антимонопольным законодательством санкций. Общие требования допустимости антиконкурентного поведения указаны в ст. 13 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». В пункте 11 уже упоминавшегося Постановления № 2 отмечается, что субъект может представить доказательства того, что его поведение не является злоупотреблением доминирующим положением, поскольку не способно привести к наступлению неблагоприятных последствий для конкуренции на рынке и (или) имеет разумное оправдание. Действие принципа разумного подхода можно обнаружить, например, и в ст. 34 Федерального закона «О защите конкуренции». Согласно данной норме применение предусмотренных ею негативных последствий отсутствия требуемого предварительного согласия или последующего уведомления антимонопольного органа относительно ряда действий (сделок), подлежащих государственному контролю, воз-

¹⁴ См., например: Гражданское право : учебник : в 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Б. М. Гонгалов. М. : Статут, 2018. Т. 1.

¹⁵ Тимошенко А. С. Применение принципа добросовестности при доказывании картельных соглашений на торгах // Российское конкурентное право и экономика. 2020. № 1. С. 26–31.

можно лишь при условии, что соответствующие действия (сделки) субъектов привели или могли привести к ограничению конкуренции.

При этом содержание категории «разумность» в конкурентном праве несколько отличается от аналогичного понятия в праве гражданском, поскольку в гражданском праве разумность как соответствующее требование обычно используется для отграничения правомерного поведения от противоправного, в том числе в контексте оценки действий лица в качестве злоупотребления правом, либо для анализа проявленной субъектом степени заботливости и осмотрительности при решении вопроса о возможности предоставления ему правовой защиты. В этой связи в научной доктрине указывается, что разумность и добросовестность выступают в качестве оценочных критериев правомерности поведения, используемых в судебной практике¹⁶. Так, в соответствии с п. 1 ст. 53.1 ГК РФ лицо, уполномоченное выступать от имени юридического лица, несет ответственность за причиненные в результате его действий юридическому лицу убытки, если будет установлено, что оно действовало недобросовестно либо неразумно. Применительно же к конкурентному праву требование разумного подхода используется для освобождения субъекта, действия которого уже формально подпадают под нарушение антимонопольного законодательства, от возложения на него предусмотренных соответствующими нормами санкций. По мнению К. А. Писенко, принцип разумности или пропорциональности (эффективности) целесообразно легально закрепить в антимонопольном законодательстве, раскрыв его содержание, а также распространить на всю полноту антимонопольной политики. Данный автор, опираясь на ст. 75 Договора о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014), называет такие конкурентные принципы, как

эффективность, соразмерность, обеспеченность, неотвратимость и определенность. Кроме того, в контексте построения межгосударственных, наднациональных принципов евразийской конкурентной политики, им выделяются принципы равенства в применении норм конкурентного (антимонопольного) законодательства, субъектной институционализации антимонопольной политики, информационной открытости, взаимодействия властных субъектов, уполномоченных в области антимонопольной политики, в целях взаимного обеспечения национальных интересов¹⁷. Вместе с тем некоторые из указанных принципов (соразмерность, обеспеченность, неотвратимость, определенность), опять же, могут быть отнесены к числу общеправовых базовых начал, а само буквальное содержание п. 6 ст. 75 Договора о Евразийском экономическом союзе позволяет говорить о том, что данные требования касаются прежде всего порядка определения и применения штрафных санкций за совершение антиконкурентных действий, а не регулирования отношений конкуренции в целом. Не зря в дальнейшем указанный автор справедливо констатирует, что отсутствие внятного раскрытия содержания данных положений может повлечь разночтения в их толковании и применении и не будет способствовать единству регулятивной и правоприменительной политики, системному подходу к обеспечению баланса интересов.

Как полагает Л. Ф. Гатаулина, принципы конкурентного права должны базироваться на основных гражданско-правовых принципах, к которым относятся законность; добросовестность и равенство участников товарных рынков; недопущение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции; предоставление всем потенциальным поставщикам равных возможностей для участия в торгах и ряд других. Принципами же собственно конку-

¹⁶ Попондопуло В. Ф. Предпринимательское право : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, Инфра-М, 2024. С. 69–70.

¹⁷ Писенко К. А. Административно-правовые принципы антимонопольной политики в контексте проблемы обеспечения стратегических задач государства и баланса интересов // Актуальные вопросы современного конкурентного права : сборник научных трудов. Вып. 2 / отв. ред. М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2018.

рентного права она считает недопущение недобросовестной конкуренции и защиту слабой стороны в обязательстве¹⁸. Следует согласиться с тем, что принципы конкурентного права должны базироваться в том числе и на положениях ГК РФ, устанавливающих запрет на использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции и злоупотребления доминирующим положением на рынке. При этом в рамках выделяемых принципов конкурентного права должна быть учтена и специфика собственно отношений конкуренции, а также цели правового регулирования соответствующих отношений, основанные на понимании значения конкуренции для современной экономики.

Продолжая рассмотрение вопроса о принципах конкурентного права, полагаю возможным к их числу отнести также следующие: свободного осуществления права на конкуренцию; предоставления государственного либо муниципального имущества, прав на него хозяйствующим субъектам на основе конкурентных процедур; запрета совмещения властных полномочий с функциями хозяйствующего субъекта; недопустимости создания препятствий возникновению конкуренции, ее ограничения либо устранения.

Принцип свободного осуществления права на конкуренцию вытекает из конституционных положений о свободе экономической деятельности и праве свободно распоряжаться своими способностями и имуществом для осуществления предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, а также норм ГК РФ о свободе договора. В современной юридической науке ведется речь о наличии у участников экономического оборота самостоятельного субъективного права на конкуренцию, подлежащего защите всеми законными способами. Содержание данного права определяется как возможность хозяйствующего субъекта в процессе своей деятельности конкурировать с другими предпринимателями с целью получения наибольшей прибыли посредством приори-

тетной продажи своих товаров (работ, услуг) покупателям. Рассматриваемое право включает в себя правомочия на собственные действия, на то, чтобы требовать от других субъектов не нарушать данное право, и на защиту этого субъективного права¹⁹. Наличие у лица права на конкуренцию означает также признание допустимости причинения в результате правомерного соперничества другим хозяйствующим субъектам экономических потерь вплоть до возможности их банкротства. Таким образом, реализация субъектом права на конкуренцию обеспечивает развитие рыночной экономики и является предпосылкой возникновения конкурентных отношений.

Принцип предоставления государственного либо муниципального имущества, прав на него хозяйствующим субъектам на основе конкурентных процедур можно рассматривать как реализацию посредством норм конкурентного права содержащегося в ст. 8 Конституции РФ положения о поддержке конкуренции как основы рыночной экономики. При этом если частные хозяйствующие субъекты по общему правилу могут вступать в конкурентные отношения по собственному усмотрению, то государство, муниципальные образования и создаваемые ими юридические лица должны осуществлять экономическую деятельность на основе использования конкурентных механизмов, поскольку иное может создавать необоснованные преимущества для отдельных участников рынка за счет непосредственного получения ресурсов публично-правовых образований, приводить к ограничению или устранению конкуренции в соответствующих сферах, а также влечь неэффективное расходование бюджетных средств. В контексте анализа данного принципа, помимо прочего, необходимо отметить, что задачей конкурентного права является не только защита конкуренции в случае нарушения субъектами правил ее осуществления, но и создание комплекса мер, направленных на ее развитие и обеспечение.

¹⁸ Гатаулина Л. Ф. Развитие и становление принципов конкурентного права // *Цивилистика: право и процесс*. 2019. № 4. С. 19–23.

¹⁹ Предпринимательское право Российской Федерации : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. М. : Норма, Инфра-М, 2020. С. 559–561.

В литературе обоснованно утверждается, что защита конкуренции — одна из составляющих ее обеспечения, поскольку последнее включает также создание условий, направленных на развитие конкуренции и соблюдение правил ее регламентации²⁰. Нормы конкурентного права не исчерпываются положениями охранительного характера, но включают в себя и регулятивные предписания, в частности обязательные требования к субъектам экономической деятельности по соблюдению ими конкурентных процедур. Согласно п. 37 Постановления № 2 антимонопольный контроль допускается в отношении предусмотренных законодательством обязательных процедур, введенных в целях предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования. Одной из наиболее важных таких процедур в настоящее время выступают торги. В науке не только подчеркивается их большое значение для обеспечения конкуренции на рынках в силу присущего им элемента соперничества, но и утверждается, что правовой институт торгов имеет межотраслевой характер, отражая тесную связь между гражданским и конкурентным правом, что в предмет антимонопольного регулирования следует включить отношения, связанные с организацией и проведением торгов вне зависимости от сферы и обязательности их проведения. Предлагается также унифицировать антимонопольные требования к торгам, установив общий запрет их непроведения в тех случаях, когда торги являются обязательными, и исключив дублирующие положения о запретах и ограничениях при проведении торгов из отраслевых нормативных актов, сосредоточив их в Федеральном законе «О защите конкуренции»²¹. С подобным подходом во многом можно согласиться. В этой связи из различных актов отраслевого законодатель-

ства предлагается изъять такие общие вопросы организации и проведения торгов, как порядок работы конкурсной комиссии, требования к содержанию извещения о торгах и порядке их проведения, правила признания торгов несостоявшимися и порядок заключения договора на торгах, урегулировав их универсальным образом, в том числе и путем внесения изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»²².

Итак, рассматриваемый выше принцип выражается, во-первых, в установлении обязательности заключения многих договоров, касающихся передачи государственного либо муниципального имущества, прав на него посредством процедур, предполагающих конкуренцию их участников. Непосредственное предоставление такого имущества хозяйствующим субъектам в виде преференций допускается лишь в ограниченном количестве случаев, и прежде всего для достижения указанных в законодательстве целей. Так, в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» потребности государственных либо муниципальных заказчиков должны обеспечиваться путем использования предусмотренных статьей 24 этого Закона конкурентных способов определения поставщика. К указанным способам отнесены торги и запрос котировок в электронной форме. Осуществление закупки у единственного поставщика допускается лишь в некоторых случаях, зафиксированных в ст. 93 Закона. Статья 54 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» также прямо устанавливает правило, согласно которому обеспечение муниципальных нужд должно производиться в порядке, определенном законодательством о контрактной системе. Кроме того, обязательность проведения торгов

²⁰ Чепурнова Н. М., Башлаков-Николаев И. В. Административно-правовой режим обеспечения конкуренции: теоретические и регулятивные аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 12. С. 87–94.

²¹ Молчанов А. В. Антимонопольные требования к торгам: правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 3, 9, 11, 18, 20.

²² Защита конкуренции в условиях глобальных экономических и социальных изменений : монография / под общ. ред. В. А. Бодренкова, Д. А. Петрова. М. : Юрист, 2023. С. 200–207.

при заключении договоров в отношении государственного либо муниципального имущества, прав на него установлена нормами законодательства о приватизации, государственно-частном партнерстве, концессионных соглашениях и некоторыми другими. Содержатся соответствующие положения и в самом Федеральном законе «О защите конкуренции». В частности, в соответствии со ст. 17.1, 17.2 данного Закона заключение договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, а также договоров, связанных с передачей подобных прав в отношении источников тепловой энергии, тепловых сетей и ряда других объектов коммунально-энергетической инфраструктуры, принадлежащих хозяйственным обществам с преобладающей долей участия публично-правовых образований в уставном капитале, осуществляется по общему правилу путем проведения торгов. При проведении торгов не допускается нарушение требований к их организации и определению их результатов, содержащихся в ст. 17 Федерального закона «О защите конкуренции». Несоблюдение установленных указанными нормативными актами предписаний, а также порядка предоставления государственных либо муниципальных преференций влечет применение различных санкций.

Во-вторых, рассматриваемый принцип проявляется в ограничении создания государственных и муниципальных унитарных предприятий, а также в установлении требований к их деятельности на рынках, находящихся в состоянии конкуренции. В соответствии со ст. 35.1 Федерального закона «О защите конкуренции» запрещено создание унитарных предприятий или изменение видов их деятельности, а также не допускается деятельность унитарных предприятий на товарных рынках, находящихся в состоянии конкуренции, если выручка от нее превышает 10 % совокупной выручки унитарного предприятия за последний календарный год. Исключения из данных правил предусмотрены в этой же норме. Причиной введения рассматриваемых положений в законодательство о защите конкуренции является воспрепятствование получению унитарными предприятиями

конкурентных преимуществ на соответствующем рынке за счет использования переданного им в хозяйственное ведение государственного либо муниципального имущества.

Таким образом, законодательство о защите конкуренции направлено на создание равных экономических условий для функционирования хозяйствующих субъектов в различных сферах деятельности.

Что касается принципа запрета совмещения властных полномочий с функциями хозяйствующего субъекта, то он нашел отражение в части 3 ст. 15 Федерального закона «О защите конкуренции», прямо предусматривающей недопустимость такого совмещения, а также запрещающей наделение хозяйствующих субъектов функциями органов власти либо местного самоуправления. Важность данного положения для отношений конкуренции обусловлена тем, что наличие властных полномочий может создать серьезные преимущества у того или иного участника рынка, способствовать устранению конкурентов, обеспечить более выгодное рыночное положение не за счет внедрения эффективных методов осуществления экономической деятельности, а путем использования административных рычагов воздействия, что в конечном итоге будет негативно сказываться на развитии соответствующего сегмента экономики и удовлетворении потребительского спроса.

Крайне важный принцип недопустимости создания препятствий возникновению конкуренции, ее ограничения либо устранения направлен на формирование критериев противоправного антиконкурентного поведения и его отграничения от допустимого ценового либо неценового соперничества хозяйствующих субъектов на рынке. Недопущение, ограничение либо устранение конкуренции являются теми последствиями, наступление или возможность наступления которых позволяет рассматривать поведение субъектов как монополистическую деятельность, а действия органов государственной власти либо местного самоуправления — как нарушающие законодательство о защите конкуренции. Важен анализ возможных изменений структуры рынка на предмет ограничения или устранения конкуренции

и применительно к отношениям, складывающимся в процессе государственного контроля за экономической концентрацией. Конечно, антимонопольному законодательству известны и такие виды нарушений, негативные последствия которых предполагаются и не требуют доказывания, так называемые запреты *per se*, однако данные случаи должны представлять собой скорее исключения из правил. При этом Федеральный закон «О защите конкуренции», оперируя терминами «недопущение», «ограничение» и «устранение конкуренции», раскрывает содержание лишь категории «ограничение конкуренции», перечисляя в п. 17 ст. 4 его признаки, но не двух других из указанных понятий. Это влечет некоторые сложности, связанные с толкованием и применением законодательства, размывание рассматриваемых понятий и, по сути, отождествление разных по содержанию последствий антиконкурентного поведения. Между тем четкое и содержательное установление негативного эффекта тех или иных действий для отношений конкуренции как раз и должно являться одним из условий применения санкций к правонарушителям. К сожалению, правоприменительная практика показывает, что антимонопольные и судебные органы порой достаточно формально относятся к установлению антиконкурентных последствий, не детализируя их и не анализируя воз-

можное негативное влияние того или иного поведения на обращение товара на рынке, но полагая достаточным лишь наличие на этом рынке нескольких хозяйствующих субъектов, осуществляющих аналогичную деятельность. Между тем, как справедливо указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 04.07.2024 № 35-П, при применении ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О защите конкуренции» в ситуациях, касающихся оценки деятельности органов местного самоуправления по закреплению за унитарными предприятиями имущества либо предоставлению им субсидий на содержание и ремонт данного имущества, необходимо устанавливать, что подобные действия привели к недопущению, ограничению или устранению конкуренции либо вызвали угрозу наступления таких последствий на конкретном товарном рынке, находящемся в условиях конкуренции, нарушение прав и законных интересов участников такого товарного рынка.

В целом следует отметить, что предпринимаемые в настоящее время в юридической науке усилия по разработке различных теоретических вопросов в области конкурентного права, а также возникающие по этому поводу научные дискуссии, без сомнения, будут способствовать развитию теории конкурентного права и совершенствованию данного направления правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные вопросы современного конкурентного права : сборник научных трудов. Вып. 2 / отв. ред. М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2018. — 212 с.
2. Актуальные проблемы частного права : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 4 / отв. ред. Е. П. Чернопол. — Екатеринбург : Изд. УРАГС, 2010. — 144 с.
3. Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. — 2024. — № 1. — С. 5–27.
4. Варламова А. Н. Принципы конкурентного права // Конкурентное право. — 2021. — № 4. — С. 14–17.
5. Гаджиев Г. А. Конституция России как правовая основа экономики: правовая модель и современность // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2009. — № 2. — С. 83–90.
6. Гатаулина Л. Ф. Развитие и становление принципов конкурентного права // Цивилистика: право и процесс. — 2019. — № 4. — С. 19–23.
7. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1. — 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Б. М. Гонгало. — М. : Статут, 2018. — 526 с.

8. Егорова М. А. О некоторых аспектах установления доминирующего положения на цифровых рынках в российском антимонопольном законодательстве // Юрист. — 2024. — № 8. — С. 2–4.
9. Защита конкуренции в условиях глобальных экономических и социальных изменений : монография / под общ. ред. В. А. Бодренкова, Д. А. Петрова. — М. : Юрист, 2023. — 240 с.
10. Конкурентное право : учебник / под общ. ред. М. А. Егоровой, А. Ю. Кинева. — М. : Юстицинформ, 2018. — 628 с.
11. Коновалов А. В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2019. — 1161 с.
12. Молчанов А. В. Антимонопольные требования к торгам: правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 29 с.
13. Писенко К. А., Цинделиани И. А., Бадмаев Б. Г., Казарян К. В. Антимонопольное право : учебник. — М. : РГУП, 2015. — 420 с.
14. Попондопуло В. Ф. Предпринимательское право : учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, Инфра-М, 2024. — 752 с.
15. Предпринимательское право Российской Федерации : учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. — М. : Норма, Инфра-М, 2020. — 992 с.
16. Рыженков А. Я. Ограничения принципа свободы договора в антимонопольном законодательстве // Конкурентное право. — 2015. — № 4. — С. 3–6.
17. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. Б. Исакова. — М. : Норма, Инфра-М, 2025. — 656 с.
18. Тимошенко А. С. Применение принципа добросовестности при доказывании картельных соглашений на торгах // Российское конкурентное право и экономика. — 2020. — № 1. — С. 26–31.
19. Чепурнова Н. М., Башлаков-Николаев И. В. Административно-правовой режим обеспечения конкуренции: теоретические и регулятивные аспекты // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2019. — № 12. — С. 87–94.

Материал поступил в редакцию 24 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aktualnye voprosy sovremennogo konkurentnogo prava: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 2 / otv. red. M. A. Egorova. — M.: Yustitsinform, 2018. — 212 s.
2. Aktualnye problemy chastnogo prava: mezhevuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 4 / otv. red. E. P. Chornovol. — Ekaterinburg: Izd. UrAGS, 2010. — 144 s.
3. Vaypan V. A. Tsifrovoye pravo: istoki, ponyatie i mesto v pravovoy sisteme // Pravo i ekonomika. — 2024. — № 1. — S. 5–27.
4. Varlamova A. N. Printsipy konkurentnogo prava // Konkurentnoye pravo. — 2021. — № 4. — S. 14–17.
5. Gadzhiev G. A. Konstitutsiya Rossii kak pravovaya osnova ekonomiki: pravovaya model i sovremennost // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie. — 2009. — № 2. — S. 83–90.
6. Gataulina L. F. Razvitiye i stanovleniye printsipov konkurentnogo prava // Tsivilistika: pravo i protsess. — 2019. — № 4. — S. 19–23.
7. Grazhdanskoye pravo: uchebnyk: v 2 t. T. 1. — 3-e izd., pererab. i dop. / pod red. B. M. Gongalo. — M.: Statut, 2018. — 526 s.
8. Egorova M. A. O nekotorykh aspektakh ustanovleniya dominiruyushchego polozheniya na tsifrovyykh ryunkakh v rossiyskom antimonopolnom zakonodatelstve // Yurist. — 2024. — № 8. — S. 2–4.
9. Zashchita konkurentsii v usloviyakh globalnykh ekonomicheskikh i sotsialnykh izmeneniy: monografiya / pod obshch. red. V. A. Bodrenkova, D. A. Petrova. — M.: Yurist, 2023. — 240 s.

10. Konkurentnoe pravo: uchebnik / pod obshch. red. M. A. Egorovoy, A. Yu. Kineva. — M.: Yustitsinform, 2018. — 628 s.
11. Konovalov A. V. Printsipy grazhdanskogo prava: metodologicheskie i prakticheskie aspekty issledovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2019. — 1161 s.
12. Molchanov A. V. Antimonopolnye trebovaniya k torgam: pravovoy aspekt: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2019. — 29 s.
13. Pisenko K. A., Tsindeliani I. A., Badmaev B. G., Kazaryan K. V. Antimonopolnoe pravo: uchebnik. — M.: RGUP, 2015. — 420 s.
14. Popondopulo V. F. Predprinimatelskoe pravo: uchebnik. — 5-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma, Infra-M, 2024. — 752 s.
15. Predprinimatelskoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik. — 3-e izd., pererab. i dop. / otv. red. E. P. Gubin, P. G. Lakhno. — M.: Norma, Infra-M, 2020. — 992 s.
16. Ryzhenkov A. Ya. Ogranicheniya printsipa svobody dogovora v antimonopolnom zakonodatelstve // Konkurentnoe pravo. — 2015. — № 4. — S. 3–6.
17. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov i fakultetov / pod red. V. B. Isakova. — M.: Norma, Infra-M, 2025. — 656 s.
18. Timoshenko A. S. Primenenie printsipa dobrosovestnosti pri dokazyvanii kartelnykh soglasheniy na torgakh // Rossiyskoe konkurentnoe pravo i ekonomika. — 2020. — № 1. — S. 26–31.
19. Chepurnova N. M., Bashlakov-Nikolaev I. V. Administrativno-pravovoy rezhim obespecheniya konkurentsii: teoreticheskie i regulativnye aspekty // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2019. — № 12. — S. 87–94.

О роли и правовых возможностях суда в обеспечении законности принятия решений по результатам рассмотрения сообщения о преступлении

Аннотация. В статье проанализировано содержание предмета деятельности суда по рассмотрению жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ на постановления о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела, также называемой восстановительным судебным контролем. С учетом понимания законности как принципа деятельности государственных органов, результатов изучения судебной статистики и практики сделан вывод о важной роли суда и широком спектре его правовых возможностей для обеспечения законности на стадии возбуждения уголовного дела, а также об обязанности суда своевременно реагировать на нарушения законов и выявлять следственные ошибки. Автором подчеркивается неуместность упрощенчества при проверке судом законности обжалуемых решений, принятых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, и сгруппированы некоторые из наиболее распространенных следственных ошибок, выявляемых судом. Отмечено, что вопрос о введении в уголовный процесс следственных судей, которые, помимо прочего, могли бы в полной мере осуществлять восстановительный судебный контроль, пока положительно не решен и остается насущной проблемой. Это является серьезным недостатком современной концептуальной модели построения досудебного производства, повлекшим совмещение судом деятельности по судебному контролю и рассмотрению уголовного дела по существу. В условиях ограниченной штатной численности судебного корпуса и работы судей в режиме предельных нагрузок предложено сузить предмет судебного контроля и сделать акцент на ведомственном контроле и прокурорском надзоре, в том числе за исполнением судебных решений по жалобам. Намечены и другие пути оптимизации судебного контроля для реализации право-защитной функции государства на начальном этапе уголовного процесса. Обозначены контуры новой организационной модели досудебного производства, участниками которой должны стать и следственные судьи.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела; сообщение о преступлении; постановление о возбуждении уголовного дела; постановление об отказе в возбуждении уголовного дела; законность; следственные ошибки; ведомственный контроль; прокурорский надзор; восстановительный судебный контроль; следственные судьи

Для цитирования: Сушина Т. Е. О роли и правовых возможностях суда в обеспечении законности принятия решений по результатам рассмотрения сообщения о преступлении // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 131–143. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.131-143

© Сушина Т. Е., 2026

* Сушина Татьяна Евгеньевна, кандидат юридических наук, судья в отставке, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
tesushina@msal.ru

On the Role and Legal Powers of the Court in Ensuring the Legality of Decisions Made Based on the Results of the Consideration of a Report of a Crime

Tatyana E. Sushina, Cand. Sci. (Law), Retired Judge, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
tesushina@msal.ru

Abstract. This paper analyzes the court's review of complaints under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation against decisions to initiate criminal proceedings and to refuse to initiate criminal proceedings, also known as restorative judicial review. Taking into account the understanding of legality as a principle of the activity of state bodies, the results of judicial statistics and judicial practice scrutiny, a conclusion is drawn about the important role of the court and the wide range of its legal capabilities to ensure the legality of the stage of initiating a criminal case, as well as the duty of the court to respond promptly to violations of laws and to identify investigative errors. The author emphasizes the inappropriateness of oversimplification when the court reviews the legality of contested decisions taken as a result of a report of a crime consideration, and groups together some of the most common investigative errors identified by the court. It was noted that the issue of introducing investigative judges into criminal proceedings, who, among other things, could fully exercise restorative judicial review, has not yet been positively resolved and remains a pressing problem. This is a serious shortcoming of the modern conceptual model for constructing pre-trial proceedings, which has led to the court combining the activities of judicial review and the consideration of the criminal case on the merits. Given the limited number of judges and the fact that judges are working under extreme workloads, it is proposed to narrow the scope of judicial review and focus on strengthening departmental control and prosecutorial oversight, including the enforcement of court decisions on complaints. Other ways of optimizing judicial review have also been outlined, aimed at implementing the state's human rights function at the initial stage of criminal proceedings. The outlines of a new organizational model for pre-trial proceedings have been outlined, in which investigative judges should also become participants.

Keywords: stage of initiation of criminal proceedings; report of a crime; decision to initiate criminal proceedings; decision to refuse to initiate criminal proceedings; legality; investigative errors; departmental control; prosecutorial supervision; restorative judicial control; investigating judge

Cite as: Sushina TE. On the Role and Legal Powers of the Court in Ensuring the Legality of Decisions Made Based on the Results of the Consideration of a Report of a Crime. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):131-143. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.131-143

Сообщение о преступлении, зарегистрированное органом дознания или предварительного следствия, является своего рода сигналом к началу уголовно-процессуальной деятельности. Ее итог зависит от результатов проверки сообщения о преступлении и законности принятого по результатам такой проверки решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела. В дан-

ном контексте значение стадии возбуждения уголовного дела трудно переоценить.

Стадия возбуждения уголовного дела, существуя не одно десятилетие, остается одной из самых привлекательных для научных проработок стадий уголовного процесса. С целью улучшения архитектуры досудебного производства представителями науки и практики высказываются разные мнения о ее перспективах¹. Сохране-

¹ См., например: Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 137–146; Глазунова И. В., Образцов В. А. Авторская концепция совершенствования модели стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3. С. 83–90.

ние классической стадии возбуждения уголовного дела или выбор возможных вариантов ее реформирования (вплоть до упразднения) во многом зависит от понимания предмета уголовно-процессуальной деятельности дознавателя, следователя, прокурора и суда. Каждый из них реализует свои полномочия в пределах компетенции, не дублируя и не подменяя один другого, но взаимодействуя и дополняя друг друга. Этим и обеспечивается законность принимаемых решений.

В силу ч. 3 ст. 29, ст. 125 УПК РФ суд в досудебном производстве рассматривает жалобы граждан на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора, причинившие ущерб конституционным правам либо затруднившие доступ к правосудию. В уголовно-процессуальной теории подобная деятельность суда также поименована восстановительным судебным контролем, хотя суд не наделен полномочиями по контролю в общеупотребительном смысле² за процессуальной деятельностью дознавателя, следователя и прокурора.

На стадии возбуждения уголовного дела судебный контроль, как правило, фокусируется на проверке законности постановлений дознавателя и следователя о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Значимость такой деятельности состоит в том, что ее результаты отражают реакцию государства на сообщение о преступлении в условиях так называемой ограниченной пропускной способности правоохранительной системы, обусловленной неполной укомплектованностью личного состава и оттоком опытных кадров³.

Стоит отметить, что на рубеже XX–XXI вв., когда в политической, экономической, социальной и правовой сферах жизни Российского

государства произошли серьезные изменения, выбор пути дальнейшего развития уголовного судопроизводства был сделан в пользу усиления роли суда, повышения доступности правосудия, расширения состязательных начал, обеспечения законности и правовой защищенности личности.

Поэтому наделение суда полномочиями по рассмотрению жалоб в досудебном производстве стало актуальным направлением реформирования уголовно-процессуальной сферы. Отправными точками для этого были Концепция судебной реформы (утв. постановлением Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1), статья 46 Конституции РФ и статья 7 УПК РФ, гарантирующие реализацию права граждан на судебную защиту на всех стадиях уголовного процесса и законность при производстве по уголовному делу.

Ввиду неоднозначности трактовки законности в науке и практике⁴, осознавая, что это сложная правовая категория, применительно к стадии возбуждения уголовного дела ограничимся пониманием ее как принципа деятельности дознавателя, следователя, прокурора и суда при принятии решений по результатам проверки сообщения о преступлении.

В отличие от осуществления уголовного преследования деятельность суда в рамках восстановительного судебного контроля носит ситуационный характер и начинается только после поступления жалобы. Поскольку судебный контроль принципиально отличается от деятельности суда по рассмотрению уголовного дела по существу, вопросы о его роли и предназначении остаются предметом научных дискуссий, начатых практически сразу после введения в действие УПК РФ (с 1 июля 2002 г.)⁵. Суть споров сводится к поискам ответов на два принципи-

² Казарина А. Х. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности) / Институт повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ. М., 2005. С. 124.

³ См., например: Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 05.03.2025 // URL: <https://мвд.рф/news/item/62189090> (дата обращения: 29.06.2025).

⁴ Законность в Российской Федерации : монография / А. И. Абрамова [и др.]. М. : Контракт, 2008. С. 15–18, 26–27.

⁵ См., например: Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004.

ально важных вопроса: является ли судебный контроль самостоятельной функцией судебной власти и правомерно ли совмещение одними и теми же судьями деятельности по судебному контролю и отправлению правосудия в традиционном смысле?⁶ Не вдаваясь в содержание научной полемики, выходящей за рамки обозначенной темы, отметим, что в нынешней концептуальной модели построения досудебного производства пока отсутствует самостоятельный институт следственных судей, что, безусловно, влияет на организацию судебной деятельности⁷.

Несмотря на некоторое снижение в последние годы количества поступающих в суды уголовных дел⁸, многие судьи по-прежнему работают в режиме чрезмерных нагрузок и ограниченной штатной численности, а потому воспринимают судебный контроль как второстепенный аспект своей деятельности и не уделяют ему должного внимания. При этом преуменьшать значимость судебного контроля для выявления нарушений законов при возбуждении уголовных дел непозволительно, поскольку суд, наряду с другими участниками уголовного процесса, наделенными властными полномочиями, при четком понимании предмета своей деятельности должен вносить посильный вклад в дости-

жение назначения уголовного судопроизводства на его начальном этапе. Одним из направлений такой деятельности суда являются своевременное выявление следственных ошибок и принятие мер к их устранению дознавателем, следователем, руководителем следственного органа и прокурором.

В уголовно-процессуальной теории, следственной, прокурорской и судебной практике термин «следственная ошибка», несмотря на отсутствие законодательного закрепления, используется часто. При кажущейся очевидности авторы по-разному определяют, что конкретно нужно понимать под следственной ошибкой, и предлагают различные механизмы выявления и устранения следственных ошибок⁹.

Следственные ошибки изучаются в криминалистике, криминологии, теории оперативно-розыскной и прокурорской деятельности¹⁰. Общий характер этих исследований не дает оснований утверждать, что в данных отраслях права сформировалось общепризнанное научное толкование понятия следственной ошибки и разработаны единые подходы к выявлению, исправлению и профилактике таких ошибок. Сходство взглядов заключается в том, что досудебное производство без следственных оши-

⁶ Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию»): монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М.: Норма, Инфра-М, 2022. С. 108–119.

⁷ Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Актуальные проблемы обеспечения судом доступа к правосудию при возбуждении и расследовании уголовных дел // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 47–53.

⁸ В 2020 г. судами первой инстанции рассмотрено 778 945 уголовных дел в отношении 779 121 лица, в 2024 г. — 659 878 уголовных дел в отношении 679 457 лиц. Здесь и далее результаты анализа судебной статистики приведены на основании отчетов о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2010–2024 гг. (форма № 1) (URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809> (дата обращения: 29.06.2025)).

⁹ См.: Кутуев Э. К., Лаков А. В. Тождественные ли понятия «следственные ошибки» и «следственные нарушения»? // Российский судья. 2022. № 4. С. 50–54; Колоколов Н. А. «Чужая колея». Верховный Суд РФ в очередной раз круто изменил траекторию движения уголовного дела: что проглядели нижестоящие судебные инстанции? // Уголовное судопроизводство. 2025. № 1. С. 2–11; Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2017.

¹⁰ См.: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: Норма, 2001. С. 163–186; Уварова И. А. Криминалистическая характеристика следственных ошибок и их причины // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 6. С. 286–289; Путцке Х., Тарбагаев А. Н., Назаров А. Д., Майорова Л. В. Роль прокурора в предупреждении

бок практически невозможно, а потому они должны своевременно выявляться и устраняться, в том числе в ходе ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебного контроля.

Ежегодно коллективы научных и образовательных учреждений системы МВД России, других правоохранительных органов и органов прокуратуры проводят мероприятия по минимизации следственных ошибок. Проблемные вопросы обсуждаются при прохождении дознавателями, следователями и прокурорами программ повышения квалификации¹¹. Принимая во внимание, что данные вопросы изучены достаточно хорошо¹², в качестве относительно нового института выявления следственных ошибок в досудебном производстве предлагаем рассмотреть судебный контроль.

В предыдущей, советской модели построения уголовного процесса по политическим соображениям судебная власть не признавалась самостоятельной ветвью власти. Роль суда в досудебном производстве ограничивалась рассмотрением жалоб на постановления следователей о прекращении уголовных дел и на применение/продление заключения под стражу в качестве меры пресечения. Следственные

ошибки суд выявлял и устранял при рассмотрении уголовных дел по существу либо направлял уголовное дело для производства дополнительного расследования. Исключалось участие судьи в досудебном и судебном производствах по одному и тому же уголовному делу¹³.

Действующий судебный порядок рассмотрения жалоб имеет особенности¹⁴. Учитывая это, суд должен выявлять следственные ошибки, которые и становятся причиной нарушения прав граждан, побудившей их подать жалобу.

Не умаляя значимости сформулированных в научной литературе подходов к определению понятия «следственная ошибка» и предложенных вариантов их классификации¹⁵, возьмем за основу позицию Р. С. Белкина, который следственной ошибкой назвал неумышленное, добросовестное заблуждение следователя или дознавателя в ходе осуществления досудебного производства и разделил следственные ошибки на гносеологические (ошибки в суждениях) и фактические (процессуальные) ошибки¹⁶.

Анализ некоторых следственных ошибок, выявляемых судом по жалобам на постановления о возбуждении уголовного дела, позволяет предположить, что они вряд ли сопряжены со слабой профессиональной подготовкой дозна-

и устранении следственных ошибок: российский и немецкий опыт // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 3. С. 424–430.

¹¹ См., например: Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2006 ; Малышева О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013 ; Таболина К. А. О необходимости усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2. С. 129–138.

¹² Характер, причины и способы устранения ошибок на стадии предварительного следствия : методическое пособие. М. : ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1991 ; Лучковская М. Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2004.

¹³ Уголовно-процессуальное право : учебник / под общ. ред. П. А. Лупинской. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрист, 1997. С. 87–88.

¹⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (здесь и далее, если не указано иное, нормативные акты и материалы судебной практики приводятся по СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁵ См.: Ищенко Д. П. К вопросу выявления и устранения ошибок, допускаемых в ходе предварительного следствия // Правда и закон. 2022. № 4 (22). С. 27–35 ; Кузовенкова Ю. А., Ульянов И. Н. Следственные ошибки в уголовном процессе // Юридический аналитический журнал. 2023. № 18 (4). С. 40–49.

¹⁶ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 171–172.

вателей и следователей¹⁷. Скорее всего, они обусловлены реализацией дознавателями и следователями односторонней обвинительной функции и нежеланием в этой связи исполнять уголовно-процессуальный закон при приеме и проверке сообщения о преступлении.

Среди *процессуальных ошибок* можно назвать следующие: принятие заявления о преступлении без предупреждения заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос; нарушение сроков рассмотрения сообщения о преступлении; неуведомление заявителя о принятом решении по результатам рассмотрения сообщения о преступлении.

Процессуальные ошибки хорошо изучены в научном и в методическом плане¹⁸. Думается, что искоренить их полностью практически невозможно не только ввиду недисциплинированности дознавателей и следователей, но и из-за лояльного отношения к таким ошибкам руководителя следственного органа, начальника органа дознания и прокурора в ходе осуществления ими мероприятий по ведомственному контролю и прокурорскому надзору.

Гносеологические ошибки чаще всего сопряжены с ошибочной оценкой тех первоначальных фактов, которые удалось собрать в ходе проверки.

Выделим некоторые из таких ошибок, касающиеся, например, ущемления прав предпринимателей. Сейчас уже ни для кого не секрет, что развитие рыночной экономики в нашей стране неминуемо было сопряжено с нарушением прав значительного числа предпринимателей. Поэтому изменившаяся в последние годы социально-экономическая и политическая ситуация потребовала новых охранительных механизмов защиты их прав в уголовном процессе¹⁹.

На сегодняшний день проблема сочетания публичного и частного интереса в предпри-

нимательстве из политико-экономической плоскости перешла в государственно-правовую. Внесены серьезные изменения в законодательство, направленные на создание относительно благоприятного режима экономической деятельности и исключение возможности использования уголовного преследования для оказания давления на бизнес и передела сфер влияния в различных секторах экономики. Так как проблеме защиты прав предпринимателей в уголовном судопроизводстве уделяется сегодня повышенное внимание, предприниматели (их защитники) при возбуждении уголовного дела задействуют все силы и средства для его прекращения.

Вместе с тем по-прежнему встречаются случаи незаконного возбуждения уголовных дел в отношении предпринимателей по спорам, вытекающим из сделок гражданского оборота. Причиной тому является, как правило, неверная (неполная) оценка сведений, полученных в ходе проверки заявлений предпринимателей о совершении преступления в сфере экономики, повлекшего ущемление их прав конкурентами и (или) представителями государственных структур при создании и регистрации бизнеса, проверках бизнеса, на других этапах осуществления предпринимательской деятельности, а также ограничение конкуренции и поглощение бизнеса, в том числе за счет процедур банкротства.

При рассмотрении жалоб на такие постановления о возбуждении уголовного дела суд, исходя из п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности», имеет правовые возможности для отграничения

¹⁷ Изучено 370 решений судов первой инстанции, принятых по результатам рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ на постановления о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела; все решения размещены в СПС «КонсультантПлюс» и ГАС «Правосудие».

¹⁸ См., например: *Цветков Ю. А.* Ошибки следствия и проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. 2023. № 10 (октябрь). С. 60–69.

¹⁹ *Шереметьев И. И.* Российский уголовный процесс на защите прав и законных интересов предпринимателей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 1. С. 123–133.

мошенничества от преднамеренного неисполнения договорных обязательств, а также иных уголовно наказуемых деяний от гражданских правонарушений. Внимательный подход суда к данному вопросу с вынесением соответствующего решения по жалобе позволит в некоторой степени исключить необоснованное вмешательство государства в экономику²⁰.

Кроме того, судебной практике известны случаи возбуждения уголовного дела в отношении предпринимателей о преступлениях, перечисленных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, при отсутствии заявлений потерпевших либо при наличии заявлений, полученных по инициативе оперативных сотрудников, что расценивалось подозреваемыми как провокация²¹.

Отметим и жалобы на постановления о возбуждении уголовного дела после истечения срока давности уголовного преследования. На сегодняшний день не достигнуто единства мнений по вопросу о необходимости получения согласия лица, в отношении которого проведена проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, на отказ в возбуждении уголовного дела за истечением сроков давности уголовного преследования. Поэтому судебная практика различается. В некоторых случаях суды считали ошибочным возбуждение уголовного дела в отношении лица, не возражавшего против отказа в возбуждении уголовного дела за истечением срока давности уголовного преследования. В других — признавали законными по-

становления о возбуждении уголовного дела²². Очевидно, что первый вариант предпочтителен, поскольку позволяет экономить силы и средства органов уголовного преследования и направлять их на расследование тех уголовных дел, которые имеют судебную перспективу.

Предметом судебной проверки были также жалобы на постановления о возбуждении уголовного дела: в отношении неустановленного лица из числа руководителей коммерческой организации, которая, в соответствии с уставными и учредительными документами, имеет одного руководителя в лице единоличного исполнительного органа; на основании неверной оценки приоритетности института преюдиции решений по гражданским и арбитражным делам; в отношении лица, впервые совершившего налоговое преступление при полной уплате им в ходе проверки сообщения о преступлении сумм недоимки, пеней и штрафа.

При изучении феномена принятия незаконных решений *об отказе в возбуждении уголовного дела* установлено, что это опять-таки преимущественно связано с нежеланием дознавателей и следователей возбуждать уголовные дела о преступлениях прошлых лет и преступлениях, совершенных в условиях неочевидности²³.

Назовем некоторые типичные гносеологические ошибки, выявляемые судом при проверке законности решений об отказе в возбуждении уголовного дела:

²⁰ Апелляционные постановления Краснодарского краевого суда от 13.07.2020 № 22К-3611/2020 по делу № 3/10-67/20 ; Московского городского суда от 30.03.2022 по делу № 10-6310/2022 ; Верховного суда Республики Дагестан от 18.10.2023 № 22К-2088/2023 по делу № 3/10-33/2023.

²¹ Апелляционные постановления Московского городского суда от 06.10.2020 № 10-17750/2020 ; Саратовского областного суда от 14.10.2020 № 22-2529/2020.

²² См.: определение Конституционного Суда РФ от 05.06.2014 № 1309 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Майоровой Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части первой статьи 24 и частью четвертой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ; Лазарева В. А. Уголовно-процессуальные последствия истечения срока давности уголовного преследования // Мировой судья. 2022. № 3. С. 14–21 ; Жамкова О. Е., Григорьева Н. В. Обеспечение прав лиц при отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования // Современное право. 2024. № 3. С. 124–127.

²³ См., например: Теория и практика возбуждения уголовного дела : учеб. пособие / отв. ред. Л. Н. Масленникова, Т. Ю. Вилкова. М. : Норма, Инфра-М, 2022 ; Новейшие следственные ошибки : учеб.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Цветкова. М. : Юнити-Дана, 2021.

1) неверная юридическая оценка фактических обстоятельств, информация о которых была получена в ходе доследственной проверки²⁴;

2) неверный выбор основания отказа в возбуждении уголовного дела²⁵;

3) формальное принятие повторных решений об отказе в возбуждении уголовного дела с опорой на материалы проверки сообщения о преступлении, на основании которых предыдущие решения об отказе в возбуждении уголовного дела признавались судом незаконными²⁶.

Среди процессуальных ошибок отметим неполноту проверки; неуведомление или несвоевременное уведомление заявителя о принятом решении; несвоевременное ознакомление заявителя с материалами проверки сообщения о преступлении или отказ в ознакомлении с ними; невыполнение указаний руководителя следственного органа и/или прокурора, отменивших постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с возвращением материалов на дополнительную проверку²⁷.

Для уяснения роли и правовых возможностей суда в обеспечении законности стадии возбуждения уголовного дела кратко отметим результаты анализа судебного порядка рассмотрения жалоб на решения об отказе в приеме сообщения о преступлении (ч. 5 ст. 144 УПК РФ), где можно выделить две наиболее распространенные ошибки:

1) сообщение о преступлении не зарегистрировано в книге учета заявлений и сообще-

ний о преступлениях и, соответственно, не рассмотрено по правилам ст. 144–145 УПК РФ;

2) сообщение о преступлении зарегистрировано и рассмотрено в порядке, установленном Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»²⁸.

Причиной тому являются некое злоупотребление правом со стороны должностных лиц органов уголовного преследования и искусственное регулирование статистических данных о состоянии преступности²⁹.

Таким образом, восстановительный судебный контроль не только имеет значение для защиты конституционных прав граждан, что было и остается приоритетом судебной деятельности, но и обеспечивает непредвзятую оценку судом как независимым участником досудебного производства законности решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении. В связи с этим при всей перегруженности и медлительности судебной системы суд в досудебном производстве обязан реагировать на нарушения закона и требовать от руководителя следственного органа и прокурора их устранения.

Впрочем, сегодня восстановительный судебный контроль для дознавателя, следователя и прокурора практически ничего не значит, т.к. решения суда по жалобам не исполняются, меры ответственности к лицам, допустившим нарушения, не применяются. Осознавая это, судьи

²⁴ См., например: кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 29.01.2025 по делу № 77-131/2025.

²⁵ П. 3 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 21.12.2022).

²⁶ См., например: апелляционные постановления Саратовского областного суда от 29.05.2025 по делу № 22К-1049/2025 ; Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 29.05.2025 по делу № 22К-770/2025.

²⁷ См., например: апелляционное постановление Московского городского суда от 12.12.2024 по делу № 10-26815/2024 ; постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15.05.2025 по делу № 77-1101/2025.

²⁸ См., например: постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.04.2023 № 77-1779/2023 ; Обзорная справка судебной коллегии по уголовным делам 2-го Западного окружного военного суда от 10.06.2021 № 36/6089 «О практике рассмотрения гарнизонными военными судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» // URL: <https://2zovs.msk.sudrf.ru/> (дата обращения: 19.10.2021).

²⁹ Богатырев Д. В., Ендольцева А. В. Механизм преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве // Закон. 2024. № 4. С. 21–31.

не прилагают особых усилий для рассмотрения жалоб, хотя в 2024 г. их количество, с учетом расширения полномочий суда по судебному контролю, возросло³⁰.

Низкая результативность судебного контроля подтверждается данными судебной статистики за 2010–2024 гг. На протяжении 15 лет стабильно сохраняется высокий процент жалоб (в среднем — 78–82 %), которые возвращены заявителям, переданы по подсудности либо в приеме которых отказано, т.е. которые не рассматривали по существу. К сожалению, основания судебного обжалования в статистике не отражены, поэтому вычленив количество жалоб, поданных именно на стадии возбуждения уголовного дела, и результаты их рассмотрения судом не представляется возможным.

В целях обеспечения законности принятия решений по сообщению о преступлении предлагается в существующем государственном механизме защиты прав граждан в досудебном производстве определить роль суда немного иначе, а именно:

1. Акцентировать усилия на ведомственном контроле и прокурорском надзоре, переключить внимание руководителей следственных органов и прокуроров на надлежащую организацию данного направления деятельности. При решении этой задачи ведомственный контроль и прокурорский надзор смогут работать и на упреждение.

2. Наделить граждан правом обжалования в суд процессуальных действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя и прокурора только после рассмотрения жалобы по тому же предмету и основаниям руководителем следственного органа и прокурором (вышестоящим прокурором).

3. Возложить на прокурора обязанность по обеспечению исполнения решений судов по жалобам, предусмотреть реальную ответственность должностных лиц, своевременно

не устранивших нарушение закона, выявленное судом по жалобе.

4. Ввиду ограниченных ресурсов судебского корпуса избирательно подходить к дальнейшему расширению полномочий суда в досудебном производстве, избегать внесения точечных изменений в УПК РФ, возлагающих на суд несвойственные ему полномочия (например, ч. 4 ст. 125.1 УПК РФ).

5. Исключить из обязанности судей рассмотрение жалоб о возможных нарушениях прав заявителей. Такие жалобы должны рассматриваться прокурором, обязанным не только выявлять нарушения законов в досудебном производстве, но и предупреждать возможные нарушения.

6. Распространить положения п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 на все случаи судебного рассмотрения жалоб на постановления о возбуждении уголовного дела.

7. Дополнить показатели судебной статистики результатами судебного контроля по жалобам на постановления о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела, что позволит объективно оценить необходимость и целесообразность реформирования начального этапа уголовного судопроизводства.

8. Судам активнее выносить частные постановления (определения). Статистические данные о количестве частных постановлений (определений), вынесенных при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ за 2018–2024 гг., указывают на слабое использование данной меры реагирования суда на допущенные нарушения³¹.

Реализация намеченных мероприятий позволит в ближайшей перспективе усилить правозащитный потенциал государства в лице органов предварительного расследования, прокурора и суда при возбуждении уголовных дел. Данная задача является краткосрочной и вынужденной, т.к. положения Концепции судебной реформы и поручения Президента РФ В. В. Путина³² о про-

³⁰ В 2023 г. окончена производством 102 951 жалоба, в 2024 г. — 136 898 жалоб.

³¹ В 2018 г. в адрес органов предварительного расследования вынесено 204 частных постановления/определения, в 2019 г. — 199, в 2020 г. — 178, в 2021 г. — 146, в 2022 г. — 132, в 2023 г. — 149, в 2024 г. — 114.

³² Поручения Президента РФ В. В. Путина по итогам заседания Совета при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека от 14.10.2014 и от 29.01.2020 // URL: <http://www.kremlin.ru/>

работке вопроса о создании института следственных судей остаются актуальными.

При принятии положительного решения следственные судьи в новой организационной модели досудебного производства могли бы в

полной мере осуществлять восстановительный судебный контроль, используя для этого все предоставленные правовые возможности. Отметим, что за введение в уголовный процесс следственных судей высказываются и сами судьи³³.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. — Омск, 2006. — 413 с.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. — М. : Норма, 2001. — 240 с.
3. Богатырев Д. В., Ендольцева А. В. Механизм преодоления злоупотребления правом в досудебном уголовном производстве // Закон. — 2024. — № 4. — С. 21–31.
4. Глазунова И. В., Образцов В. А. Авторская концепция совершенствования модели стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2020. — № 3. — С. 83–90.
5. Давыдов В. А., Качалова О. В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2018. — № 29. — С. 69–78.
6. Жамкова О. Е., Григорьева Н. В. Обеспечение прав лиц при отказе в возбуждении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования // Современное право. — 2024. — № 3. — С. 124–127.
7. Законность в Российской Федерации : монография / А. И. Абрамова [и др.] ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, НИИ Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — М. : Контракт, 2008. — 615 с.
8. Ищенко Д. П. К вопросу выявления и устранения ошибок, допускаемых в ходе предварительного следствия // Правда и закон. — 2022. — № 4 (22). — С. 27–35.
9. Казарина А. Х. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности) / Ин-т повышения квалификации руководящих кадров Генеральной прокуратуры РФ. — М., 2005. — 280 с.
10. Колоколов Н. А. «Чужая колея». Верховный Суд РФ в очередной раз круто изменил траекторию движения уголовного дела: что проглядели нижестоящие судебные инстанции? // Уголовное судопроизводство. — 2025. — № 1. — С. 2–11.
11. Колоколов Н. А. Механизм избрания меры пресечения судом нуждается в коренной модернизации // Уголовный процесс. — 2014. — № 8 (116). — С. 28–38.
12. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. — М. : Норма, Инфра-М, 2022. — 664 с.

catalog/persons/92/events/47174 ; <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62700> (дата обращения: 29.06.2025).

³³ См.: Морщакова Т. Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации // Международная ассоциация содействия правосудию. 28.02.2015. URL: <https://www.iaaj.net/node/1718> ; Колоколов Н. А. Механизм избрания меры пресечения судом нуждается в коренной модернизации // Уголовный процесс. 2014. № 8 (116). С. 28–38 ; Давыдов В. А., Качалова О. В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 69–78.

13. Кузовенкова Ю. А., Ульянов И. Н. Следственные ошибки в уголовном процессе // Юридический аналитический журнал. — 2023. — № 18 (4). — С. 40–49.
14. Кутуев Э. К., Лаков А. В. Тожественные ли понятия «следственные ошибки» и «следственные нарушения»? // Российский судья. — 2022. — № 4. — С. 50–54.
15. Лазарева В. А. Уголовно-процессуальные последствия истечения срока давности уголовного преследования // Мировой судья. — 2022. — № 3. — С. 14–121.
16. Малышева О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2013. — 508 с.
17. Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6 (103). — С. 137–146.
18. Морщакова Т. Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации // Международная ассоциация содействия правосудию. — 28.02.2015. — URL: <https://www.iauaj.net/node/1718>.
19. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 46 с.
20. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : дис. ... д-ра юрид. наук. — СПб., 2017. — 745 с.
21. Новейшие следственные ошибки : учеб.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Цветкова. — М. : Юнити-Дана, 2021. — 415 с.
22. Путцке Х., Тарбагаев А. Н., Назаров А. Д., Майорова Л. В. Роль прокурора в предупреждении и устранении следственных ошибок: российский и немецкий опыт // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12. — № 3. — С. 424–430.
23. Пучковская М. Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2004. — 25 с.
24. Таболина К. А. О необходимости усиления роли прокурора в процедуре возбуждения и расследования уголовных дел // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 2. — С. 129–138.
25. Теория и практика возбуждения уголовного дела : учеб. пособие / отв. ред. Л. Н. Масленникова, Т. Ю. Вилкова. — М. : Норма, Инфра-М, 2022. — 288 с.
26. Уварова И. А. Криминалистическая характеристика следственных ошибок и их причины // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 6. — С. 286–289.
27. Уголовно-процессуальное право : учебник / под общ. ред. П. А. Лупинской. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристъ, 1997. — 591 с.
28. Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия : методическое пособие. — М. : ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1991. — 80 с.
29. Цветков Ю. А. Ошибки следствия и проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Уголовный процесс. — 2023. — № 10 (октябрь). — С. 60–69.
30. Шереметьев И. И. Российский уголовный процесс на защите прав и законных интересов предпринимателей // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2024. — № 1. — С. 123–133.

Материал поступил в редакцию 5 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Baranov A. M. Zakonnost v dosudebnom proizvodstve po ugovolnym delam: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Omsk, 2006. — 413 s.
2. Belkin R. S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevyne voprosy rossiyskoy kriminalistiki. — M.: Norma, 2001. — 240 s.
3. Bogatyrev D. V., Endoltseva A. V. Mekhanizm preodoleniya zloupotrebleniya pravom v dosudebnom ugovolnom proizvodstve // *Zakon*. — 2024. — № 4. — S. 21–31.
4. Glazunova I. V., Obraztsov V. A. Avtorskaya kontseptsiya sovershenstvovaniya modeli stadii vozbuzhdeniya ugovolnogo dela // *Vestnik Moskovskoy akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*. — 2020. — № 3. — S. 83–90.
5. Davydov V. A., Kachalova O. V. Sovremennye tendentsii razvitiya rossiyskogo ugovolnogo sudoproizvodstva // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*. — 2018. — № 29. — S. 69–78.
6. Zhamkova O. E., Grigoreva N. V. Obespechenie prav lits pri otkaze v vozbuzhdenii ugovolnogo dela v svyazi s istecheniem srokov davnosti ugovolnogo presledovaniya // *Sovremennoe pravo*. — 2024. — № 3. — S. 124–127.
7. Zakonnost v Rossiyskoy Federatsii: monografiya / A. I. Abramova [i dr.]; In-t zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve Rossiyskoy Federatsii, NII Akad. General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. — M.: Kontrakt, 2008. — 615 s.
8. Ishchenko D. P. K voprosu vyyavleniya i ustraneniya oshibok, dopuskaemykh v khode predvaritel'nogo sledstviya // *Pravda i zakon*. — 2022. — № 4 (22). — S. 27–35.
9. Kazarina A. Kh. Predmet i predely prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov (sfera predprinimatelskoy i inoy ekonomicheskoy deyatel'nosti) / In-t povysheniya kvalifikatsii rukovodyashchikh kadrov General'noy prokuratury RF. — M., 2005. — 280 s.
10. Kolokolov N. A. «Chuzhaya koleya». Verkhovnyy Sud RF v ocherednoy raz kruto izmenil traektoriyu dvizheniya ugovolnogo dela: chto proglyadeli nizhestoyashchie sudebnye instantsii? // *Ugovolnoe sudoproizvodstvo*. — 2025. — № 1. — S. 2–11.
11. Kolokolov N. A. Mekhanizm izbraniya mery presecheniya sudom nuzhdaetsya v korennoy modernizatsii // *Ugovolnyy protsess*. — 2014. — № 8 (116). — S. 28–38.
12. Kontseptsiya postroeniya ugovolnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchego dostup k pravosudiyu v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy (GAS «Dostup k pravosudiyu»): monografiya / otv. red. L. N. Maslennikova. — M.: Norma, Infra-M, 2022. — 664 s.
13. Kuzovenkova Yu. A., Ulyanov I. N. Sledstvennye oshibki v ugovolnom protsesse // *Yuridicheskiy analiticheskiy zhurnal*. — 2023. — № 18 (4). — S. 40–49.
14. Kutuev E. K., Lakov A. V. Tozhdestvennye li ponyatiya «sledstvennye oshibki» i «sledstvennye narusheniya»? // *Rossiyskiy sudya*. — 2022. — № 4. — S. 50–54.
15. Lazareva V. A. Ugolovno-protsessualnye posledstviya istecheniya sroka davnosti ugovolnogo presledovaniya // *Mirovoy sudya*. — 2022. — № 3. — S. 14–121.
16. Malysheva O. A. Dosudebnoe proizvodstvo v rossiyskom ugovolnom protsesse: problemy realizatsii i pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2013. — 508 s.
17. Maslennikova L. N. Transformatsiya dosudebnogo proizvodstva v nachal'nyy etap ugovolnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchiy dostup k pravosudiyu v eru Industry 4.0 // *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. — 2019. — № 6 (103). — S. 137–146.
18. Morshchakova T. G. O kompetentsii i poryadke formirovaniya instituta sledstvennykh sudey v Rossiyskoy Federatsii // *Mezhdunarodnaya assotsiatsiya sodeystviya pravosudiyu*. — 28.02.2015. — URL: <https://www.iaaj.net/node/1718>.
19. Muratova N. G. Sistema sudebnogo kontrolya v ugovolnom sudoproizvodstve: voprosy teorii, zakonodatel'nogo regulirovaniya i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2004. — 46 s.

20. Nazarov A. D. Sledstvennye i sudebnye oshibki i ugovolno-protsessualnyy mekhanizm ikh ustraneniya: kontseptualnye osnovy: dis. ... d-ra yurid. nauk. — SPb., 2017. — 745 s.
21. Noveyshie sledstvennye oshibki: ucheb.-prakt. posobie / pod red. Yu. A. Tsvetkova. — M.: Yuniti-Dana, 2021. — 415 s.
22. Puttske Kh., Tarbagaev A. N., Nazarov A. D., Mayorova L. V. Rol prokurora v preduprezhdenii i ustranении sledstvennykh oshibok: rossiyskiy i nemetskiy opyt // Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal. — 2018. — T. 12. — № 3. — S. 424–430.
23. Puchkovskaya M. E. Ispravlenie sudom sledstvennykh oshibok na stadii predvaritelnogo rassledovaniya i pri proizvodstve v sude pervoy instantsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Tomsk, 2004. — 25 s.
24. Tabolina K. A. O neobkhodimosti usileniya roli prokurora v protsedure vozbuzhdeniya i rassledovaniya ugovolnykh del // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2018. — № 2. — S. 129–138.
25. Teoriya i praktika vozbuzhdeniya ugovolnogo dela: ucheb. posobie / otv. red. L. N. Maslennikova, T. Yu. Vilkova. — M.: Norma, Infra-M, 2022. — 288 s.
26. Uvarova I. A. Kriminalisticheskaya kharakteristika sledstvennykh oshibok i ikh prichiny // Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. — 2013. — № 6. — S. 286–289.
27. Ugolovno-protsessualnoe pravo: uchebnyk / pod obshch. red. P. A. Lupinskoy. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Yurist, 1997. — 591 s.
28. Kharakter, prichiny i sposoby ustraneniya oshibok v stadii predvaritelnogo sledstviya: metodicheskoe posobie. — M.: VNII problem ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka, 1991. — 80 s.
29. Tsvetkov Yu. A. Oshibki sledstviya i problemy stadii vozbuzhdeniya ugovolnogo dela // Ugolovnyy protsess. — 2023. — № 10 (oktyabr). — S. 60–69.
30. Sheremetev I. I. Rossiyskiy ugovolnyy protsess na zashchite prav i zakonnykh interesov predprinimateley // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2024. — № 1. — S. 123–133.

Особенности и недостатки уголовно-правового механизма противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства

Аннотация. Способы, с помощью которых виновный вызывает у другого лица желание, решимость совершить самоубийство, могут быть самыми разнообразными. Одни из них характерны для доведения до самоубийства, другие (их перечень открытый) предполагают склонение к совершению самоубийства. Законодатель доведение и склонение рассматривает как самостоятельные деяния, направленные на побуждение другого лица к совершению самоубийства. Однако в литературе и правоприменительной практике сложились разные подходы к юридической оценке данных деяний. Проблемы в разграничении связаны в том числе с недостатками ст. 110 и 110.1 УК РФ. Общим для доведения и склонения является целенаправленный характер. По сути, они выступают формами вовлечения и предполагают стремление виновного побудить потерпевшего совершить самоубийство. Сделан вывод о необходимости закрепления ответственности за доведение до самоубийства и склонение к совершению самоубийства в рамках одной статьи, отдельно от содействия тем, у кого уже имеется намерение совершить самоубийство. Объединение данных форм вовлечения в суицидальное поведение в самостоятельной статье позволит показать их единое смысловое значение. Актуален также вопрос о юридической оценке публичной деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства неопределенного круга лиц, и допустимости ее отнесения к вовлечению в суицидальное поведение.

Ключевые слова: вовлечение; доведение; самоубийство; склонение; содействие; суицид; побуждение; пропаганда; призывы; тяжкие последствия

Для цитирования: Палий В. В. Особенности и недостатки уголовно-правового механизма противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 144–151. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.144-151

© Палий В. В., 2026

* Палий Виктория Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
paliyka_82@mail.ru

Features and Shortcomings of the Criminal Law Mechanism for Countering Activities Aimed at Encouraging Suicide

Victoria V. Paliy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
paliyka_82@mail.ru

Abstract. The methods by which a perpetrator encourages in another person the desire and determination to commit suicide can be very diverse. Some of them are characteristic of causing suicide; others (the list is extensive) involve inducement to commit suicide. The legislator considers «causing» and «inducing» as independent acts aimed at encouraging another person to commit suicide. However, in literature and law enforcement practice, different approaches to the legal assessment of these acts have developed. The problems in distinguishing between them are partly due to the shortcomings of Articles 110 and 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Common to both causing to and inducing to is their purposeful nature. In essence, they act as forms of involvement and imply the perpetrator's desire to encourage the victim to commit suicide. It is concluded that it is necessary to establish liability for causing suicide and incitement to commit suicide within the framework of one article, separately from assisting those who already have the intention to commit suicide. Combining these forms of involvement in suicidal behavior in a separate article will allow us to demonstrate their common semantic meaning. The issue of the legal assessment of public activity aimed at encouraging an indefinite number of people to commit suicide and the admissibility of classifying it as involvement in suicidal behavior is also relevant.

Keywords: involvement; incitement; suicide; inducement; assistance; encouragement; propaganda; call to action; grave consequences

Cite as: Paliy VV. Features and Shortcomings of the Criminal Law Mechanism for Countering Activities Aimed at Encouraging Suicide. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):144-151. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.144-151

Уголовное законодательство содержит ряд норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений, направленных на побуждение к совершению самоубийства. Одно из уголовно наказуемых деяний, побуждающих к суициду, — склонение. В части 1 ст. 110.1 УК РФ способы, с помощью которых виновный склоняет другое лицо к самоубийству, указаны неисчерпывающим образом и могут быть различными, за исключением угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего — данные способы характерны для доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ). Несмотря на различное содержание признаков объективной стороны, в литературе высказывается точка зрения о необходимости проводить разграничение склонения и доведения по направленности

действий и внешнему проявлению: «склонение к самоубийству предполагает осуществление действий, с очевидностью направленных на формирование у потерпевшего желания совершить самоубийство»¹. В соответствии с данной позицией любое воздействие на потерпевшего без прямого указания на необходимость совершить суицид следует рассматривать по ст. 110 УК РФ.

Впрочем, с таким предложением трудно согласиться. В соответствии с законом наиболее опасные способы воздействия (угрозы, жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства), если они даже и сопровождались открытым сообщением информации о самоубийстве как необходимом действии, всегда рассматривались как доведение до самоубийства. До изменений, внесенных

¹ Филиппова С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 16.

в УК РФ Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ, иные способы воздействия, находящиеся за рамками доведения, такие как угрозы, обман, подкуп, предложение и т.п., не подлежали уголовно-правовой оценке. В целях установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение к суицидальному поведению, законодатель предусмотрел самостоятельную ответственность за склонение к совершению самоубийства. Несмотря на различие способов, характерных для доведения и склонения, общим для данных деяний является целенаправленный характер. По сути, они выступают формами вовлечения и предполагают одно — стремление виновного побудить потерпевшего совершить самоубийство.

Вместе с тем в судебной практике встречаются ситуации, когда различные по степени общественной опасности формы вовлечения в суицидальное поведение рассматриваются правоприменителем как однопорядковые. Так, согласно приговору, *преследуя цель доведения* несовершеннолетней А. до самоубийства, Г. вступила в личную переписку с потерпевшей. *Путем жестокого обращения* с ней Г. в процессе переписки систематически давала указания и советы о способах и методах совершения суицида, демонстрировала фотографии суицидального характера, размещала информацию, содержащую признаки жестокого обращения и унижения человеческого достоинства, иными способами провоцировала несовершеннолетнюю к совершению самоубийства. Действия Г. были квалифицированы судом по ч. 5 ст. 110.1 УК РФ². В данном случае способы склонения к совершению самоубийства ошибочно названы признаками иного, сходного по направленности действий состава преступления.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в самом законе отсутствует уголовно-правовая соразмерность в оценке общественной опасности рассматриваемых деяний. Сравнение

санкций ч. 4 ст. 110.1 УК РФ и ч. 1 ст. 110 УК РФ показывает, что за «удавшееся» склонение предусмотрено более строгое наказание, нежели чем за доведение. Однако исходя из диспозиции ч. 1 ст. 110.1 УК РФ склонение к самоубийству является менее опасным деянием и не предполагает применения насильственных способов воздействия. Причинение физических и психических страданий потерпевшему характерно для доведения до самоубийства. Так, по одному из дел было установлено, что М. систематически угрожал несовершеннолетней В. выложить в социальные сети ее фотографии интимного содержания, систематически унижал ее человеческое достоинство. Действия М., выразившиеся в контроле над потерпевшей, ревности, шантаже относительно опубликования в Интернете фотографий интимного содержания, нецензурных выражениях в оскорбительной форме, что порочило честь и достоинство В., а также выяснении отношений после того, как они договорились расстаться, повлияли на психологическое состояние В., что привело в последующем к совершению суицида. Суд квалифицировал содеянное М. по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ³.

Самоубийство или покушение на самоубийство может произойти в результате воздействия на потерпевшего с помощью способов не только склонения, но и более интенсивных, характерных для доведения. В таком случае было бы излишне квалифицировать содеянное по совокупности преступлений, т.к. это повлечет двойную ответственность за деятельность, охватываемую единым умыслом и направленную на достижение одного результата. Тогда доведение как более опасная форма воздействия должно поглотить менее опасную — склонение. Однако, как было указано выше, санкции ч. 1 ст. 110 и ч. 4 ст. 110.1 УК РФ дезориентируют правоприменителя в вопросе оценки общественной опасности данных деяний.

Представляется, что уголовно-правовой запрет на совершение доведения до самоубийств-

² Приговор Судакского городского суда Республики Крым от 07.05.2018 № 1-25/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AnhCjvSdlpdj/?ysclid=lxp3axmhu8227939969>.

³ Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 07.05.2024 № 1-15/2024 1-361/2022 1-43/2023 по делу № 1-15/2024 // URL: <https://sudact.ru/>.

ва и склонения к совершению самоубийства необходимо установить в рамках одной статьи, сформулировав отдельно от содействия в совершении самоубийства. «Доведение», «склонение», «побуждение» — это термины, которые имеют одно смысловое значение⁴. В толковом словаре слово «довести» означает «привести в какое-нибудь состояние, вызвать, породить в ком-нибудь или чем-нибудь какие-нибудь последствия»⁵, «склонить» — «убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения»⁶. В словаре синонимов «склонение» отождествляется с «побуждением»⁷. Изложенное подтверждает, что это близкие по характеру деяния, сущность которых заключается в умышленном воздействии на сознание и волю другого лица в различных формах, побуждающих его к совершению суицида. В этом и состоит отличие от содействия (оказания помощи) в осуществлении самоубийства. В связи с этим не вызывает одобрения высказанная точка зрения о возможности доведения до самоубийства посредством подстрекательских либо пособнических деяний⁸.

Содействие совершению самоубийства, несмотря на более строгую санкцию, является не квалифицирующим признаком деяния, прописанного в ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, а самостоятельным составом преступления (ч. 2 ст. 110.1). Соответственно, если виновный не только склоняет, но и выполняет пособнические действия, содеянное образует совокупность преступлений. В литературе высказывается позиция о недо-

пустимости такой оценки, поскольку все действия лица направлены на достижение единого преступного результата и предполагают единый умысел⁹. В связи с этим возникает вопрос: приоритет при квалификации действий виновного должен отдаваться склонению или содействию как более опасному деянию? Действия, перечисленные в ч. 2 ст. 110.1 УК РФ, не предполагают возбуждение намерения у другого лица совершить суицид, а направлены на того, у кого такое намерение уже сформировалось, что и охватывается умыслом виновного. Соответственно, при совершении самостоятельных деяний у виновного возникает умысел в том числе на содействие в осуществлении самоубийства, что должно быть учтено при квалификации.

Предложение об объединении доведения и склонения в одном составе не означает признания равной степени их общественной опасности и целесообразности назначения одинакового наказания. Тем более что в УК РФ уже содержатся составы преступлений, в основу формирования которых положено склонение или иное вовлечение (например, ст. 151.2). Закрепление в законе единой нормы устранил в том числе дискуссию о формах вины. Сам характер описанного в законе деяния «доведение до» исключает неосторожную форму вины, хотя в литературе допускают возможность и неосторожного доведения¹⁰. В судебной практике также отсутствует единая позиция о признаках субъективной стороны данного состава преступления. Доведение до

⁴ См.: Уголовное право Российской Федерации : проблемный курс для магистрантов и аспирантов : в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова ; науч. ред. и рук. авт. кол. А. И. Чучаев. Т. 3. Кн. 1 : Преступления против личности. Преступления против собственности. М., 2025. С. 155.

⁵ См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка : Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 28-изд., перераб. М. : Мир и образование, 2019. С. 264.

⁶ См.: *Баханьков А. Е., Гайдукевич И. М., Шуба П. П.* Толковый словарь русского языка. Минск, 1975. С. 220.

⁷ См.: *Александрова З. Е.* Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. Изд. 3-е. М., 1971. С. 490.

⁸ См.: *Елисеева Н. М.* Квазисоучастие в самоубийстве: актуальные проблемы криминализации и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. С. 9–10.

⁹ См.: *Краснова К. А.* Уголовно-правовые меры борьбы с кибербуллицем несовершеннолетних // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XV Международной научно-практической конференции. М. : РФ-Пресс, 2018. С. 642.

¹⁰ См.: *Артюшина О. В.* Новые преступления против жизни: проблемы криминализации и декриминализации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 2. С. 134–135.

самоубийства, как и склонение, направлено на то, чтобы побудить другое лицо совершить определенный поступок. Направленность действий на достижение преступного результата является важным показателем исключительно умышленной формы вины¹¹. При этом субъект, применяя способы, перечисленные в ст. 110 УК РФ, обязательно должен высказываться о самоубийстве или другим образом обозначать его как возможную или необходимую модель поведения потерпевшего¹². Например, было установлено, что П. преследовал потерпевшую, угрожал, что опубликует в социальных сетях информацию, порочащую ее честь и достоинство. В последующем П. реализовал высказанные угрозы и опубликовал такие сведения в социальной сети «ВКонтакте». После того как потерпевшая сообщила П. о намерении совершить самоубийство, он продолжил высказывать в ее адрес оскорбления в нецензурной форме, а также цинично выразился о желании потерпевшей лишиться жизни. В результате длительной психотравмирующей ситуации, вызванной действиями П., потерпевшая совершила самоубийство. По приговору суда П. признан виновным и осужден за умышленное доведение до самоубийства¹³.

В тех случаях, когда насильственные способы воздействия на потерпевшего были направлены на иной преступный результат, например на незаконное получение имущества, но по факту привели к суициду, содеянное излишне квалифицировать по ст. 110 УК РФ. Так, Ф., предъявляя потерпевшему заведомо незаконные требования о передаче имущества, применял в отношении него физическое насилие, систематически высказывал угрозы применения такого насилия. Моральное давление и причинение нравственных страданий привели к самоубийству потерпевшего. В жалобе, не оспаривая выводы суда о доказанности виновности Ф. в соверше-

нии вымогательства, защитник указал, что Ф. не предвидел тот факт, что его противоправные действия, связанные с вымогательством денежных средств, могут привести к самоубийству¹⁴. Признание судом Ф. виновным в доведении лица до самоубийства является ошибочным.

Возможны и иные ситуации, при которых самоубийство потерпевшего также находится в причинно-следственной связи с совершаемым преступлением, но которые исключают стремление виновного спровоцировать потерпевшего к суицидальному поведению. В УК РФ такие случаи охватываются категорией «иные тяжкие последствия», психическое отношение к которым характеризуется неосторожной формой вины (например, п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ). Вместе с тем в законе не всегда определено психическое отношение виновного к тяжким последствиям, например при превышении должностных полномочий (п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ). Соответственно, форма вины может быть и умышленной, и неосторожной. Однако только при наличии умысла на побуждение потерпевшего к суицидальному поведению квалификация должна осуществляться по совокупности преступлений.

Кроме того, дискуссионным является вопрос о правилах квалификации в случае доведения ребенка до самоубийства, если это было связано с неисполнением обязанностей по его воспитанию (ст. 156 УК РФ). В ситуации, при которой соответствующий специальный субъект не исполняет обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, жестоко обращается с ним, а также стремится спровоцировать такого ребенка на суицид, содеянное необходимо оценивать как два самостоятельных преступления. Преступление, предусмотренное статьей 156 УК РФ, отличается от доведения до самоубийства не только разнородностью объекта преступления, но и различным содержанием объективной сто-

¹¹ См.: *Рарог А. И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. М., 2015. С. 68–69.

¹² См.: *Кокунов А. И.* Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С. 20–21.

¹³ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2024 № 77-3490/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2024 по делу № 77-1485/2024 (УИД 34RS0004-01-2022-004551-30) // СПС «КонсультантПлюс».

роны. Так, по одному из дел судом установлено, что именно действия М., выразившиеся в отсутствии надлежащей заботы, постоянных оскорблениях, угрозах в адрес ребенка, унижении его человеческого достоинства, применении в отношении него физической силы, нанесении побоев, способствовали в результате сложившейся длительной психотравмирующей ситуации принятию потерпевшим решения выбраться из окна и покончить с собой, что указывает на наличие прямой причинно-следственной связи между действиями осужденной и наступившими последствиями. Действия М. квалифицированы не только по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, но и дополнительно по ст. 156 Кодекса¹⁵.

На сегодняшний день актуален вопрос об уголовно-правовой оценке деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства широкого круга лиц, и о допустимости применения ст. 110.2 УК РФ. Несмотря на то что введение в УК РФ ст. 110.2 было связано с необходимостью охраны неопределенного круга лиц¹⁶, ее применение затруднительно. Данной нормой закреплена ответственность исключительно для тех, кто занимается организацией такой деятельности, но отсутствует уголовно-правовой запрет на саму деятельность. Рассматривать подобное как доведение или склонение невозможно, поскольку вовлечение носит исключительно персонифицированный характер. Однако в судебной практике встреча-

ются ошибки в квалификации содеянного, когда суд необоснованно вменяет ст. 110.1 УК РФ¹⁷.

Как отмечают в литературе, любая публичная деятельность, направленная на побуждение к совершению самоубийства, находится за рамками склонения и обладает более высокой общественной опасностью. В связи с этим объектом таких посягательств предлагают считать общественную безопасность¹⁸. Высказывается также позиция, что деятельность, которая направлена на побуждение к совершению самоубийства неопределенного круга лиц, должна быть запрещена в рамках гл. 25 УК РФ, поскольку вред причиняется здоровью населения и общественной нравственности¹⁹.

Вместе с тем возникают трудности в разграничении пропаганды, призывов и вовлечения в совершение самоубийства, осуществляемого публично или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. По мнению Л. А. Кротовой, публичные формы вовлечения в самоубийство уже существенным образом расширяют аудиторию и предполагают как наличие конкретного потерпевшего, так и обращенность к неопределенному кругу лиц²⁰. Однако российское уголовное законодательство устанавливает запрет на применение уголовного закона по аналогии (ч. 2 ст. 3 УК РФ). Деятельность, направленная на неопределенно широкий круг лиц, не может рассматриваться в рамках соучастия²¹. По таким же признакам проводит

¹⁵ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.02.2025 № 77-30/2025 (УИД 78RS0007-01-2021-005256-35) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 30.05.2023 № 1104-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Есиповой Полины Дмитриевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См., например: кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.09.2022 № 77-3244/2022 (УИД 77RS0010-02-2021-013001-90) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ См.: *Старжинская А. Н.* Доведение до самоубийства и причастность к самоубийству несовершеннолетнего лица по уголовному праву Российской Федерации: актуальные проблемы законодательства и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 28.

¹⁹ См.: *Бычкова А. М., Раднаева Э. Л.* Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий // *Всероссийский криминологический журнал*. 2018. Т. 12. № 1. С. 101–115.

²⁰ См.: *Кротова Л. А.* Вовлечение в самоубийство: некоторые вопросы уголовно-правовой квалификации // *Вестник Удмуртского университета*. 2018. Т. 28. Вып. 4. С. 564.

²¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21.09.2017 № 1797-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дильмухаметова Айрата Ахнафовича на нарушение его конституционных прав

отграничение подстрекательства от публичных призывов Верховный Суд РФ²². Несмотря на то что соучастие допустимо только в преступлении, доведение и склонение представляют собой подстрекательство, но к суициду, который не является уголовно наказуемым.

Пропаганда, как и публичные призывы, не адресована конкретным лицам, а выступает способом воздействия на общественное сознание. Смысловое значение термина «пропаганда» — распространение и разъяснение определенных идей, взглядов и убеждений, адресатом которых является множество лиц²³. При этом информация в контексте пропаганды может и не носить харак-

тер призывов и заявлений. В литературе высказывается точка зрения, что если для публичных призывов применим больше термин «побуждение», то для пропаганды — «убеждение»²⁴.

Таким образом, целесообразно установить уголовную ответственность за действия, направленные на побуждение неопределенно широкого круга лиц совершить самоубийство и (или) формирование у них убежденности в привлекательности совершения суицида. Такие общественно опасные действия не могут рассматриваться в рамках склонения и иного вовлечения в совершение самоубийства и требуют самостоятельной уголовно-правовой оценки.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Артюшина О. В.* Новые преступления против жизни: проблемы криминализации и декриминализации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. — 2019. — № 2. — Т. 1. — С. 129–136.
2. *Бычкова А. М., Раднаева Э. Л.* Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12. — № 1. — С. 101–115.
3. *Воробьев В. В.* Уголовная ответственность за пропаганду деятельности некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2013. — № 4 (22). — С. 55–57.
4. *Елисеева Н. М.* Квазисоучастие в самоубийстве: актуальные проблемы криминализации и дифференциации ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2022. — 27 с.
5. *Кокунов А. И.* Уголовно-правовой запрет склоняющего воздействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2023. — 34 с.
6. *Краснова К. А.* Уголовно-правовые меры борьбы с кибербуллицом несовершеннолетних // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XV Международной научно-практической конференции. — М. : РГ-Пресс, 2018. — С. 640–643.
7. *Кротова Л. А.* Вовлечение в самоубийство: некоторые вопросы уголовно-правовой квалификации // Вестник Удмуртского университета. — 2018. — Т. 28. — Вып. 4. — С. 561–566.
8. *Рарог А. И.* Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. — М., 2015. — 224 с.

частью третьей статьи 47 и частью первой статьи 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

²² См.: п. 14, 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

²³ См.: *Воробьев В. В.* Уголовная ответственность за пропаганду деятельности некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 4 (22). С. 56.

²⁴ См.: *Стародубцева М. А.* Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганда терроризма: соотношение понятий // Юрислингвистика. 2025. № 35. С. 101.

9. Старжинская А. Н. Доведение до самоубийства и причастность к самоубийству несовершеннолетнего лица по уголовному праву Российской Федерации: актуальные проблемы законодательства и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 30 с.
10. Стародубцева М. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганда терроризма: соотношение понятий // Юрислингвистика. — 2025. — № 35. — С. 98–103.
11. Филиппова С. В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2020. — 32 с.

Материал поступил в редакцию 7 июля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Artyushina O. V. Novye prestupleniya protiv zhizni: problemy kriminalizatsii i dekriminalizatsii // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva. — 2019. — № 2. — Т. 1. — С. 129–136.
2. Bychkova A. M., Radnaeva E. L. Dovedenie do samoubiystva posredstvom ispolzovaniya internet-tekhnologiy // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. — 2018. — Т. 12. — № 1. — С. 101–115.
3. Vorobev V. V. Ugolovnyaya otvetstvennost za propagandu deyatelnosti nekommercheskoy organizatsii, posyagayushchey na lichnost i prava grazhdan // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. — 2013. — № 4 (22). — С. 55–57.
4. Eliseeva N. M. Kvazisouchastie v samoubiystve: aktualnye problemy kriminalizatsii i differentsiatsii otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2022. — 27 s.
5. Kokunov A. I. Ugolovno-pravovoy zapret sklonyayushchego vozdeystviya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2023. — 34 s.
6. Krasnova K. A. Ugolovno-pravovye mery borby s kiberbullitsidom nesovershennoletnikh // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — М.: RG-Press, 2018. — С. 640–643.
7. Krotova L. A. Vovlechenie v samoubiystvo: nekotorye voprosy ugolovno-pravovoy kvalifikatsii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. — 2018. — Т. 28. — Вып. 4. — С. 561–566.
8. Rarog A. I. Problemy kvalifikatsii prestupleniy po subektivnym priznakam. — М., 2015. — 224 s.
9. Starzhinskaya A. N. Dovedenie do samoubiystva i prichastnost k samoubiystvu nesovershennoletnego litsa po ugolovnomu pravu Rossiyskoy Federatsii: aktualnye problemy zakonodatelstva i pravoprimeneniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2022. — 30 s.
10. Starodubtseva M. A. Publichnye prizyvyy k osushchestvleniyu terroristicheskoy deyatelnosti, publichnoe opravdanie terrorizma i propaganda terrorizma: sootnoshenie ponyatiy // Yurislingvistika. — 2025. — № 35. — С. 98–103.
11. Filippova S. V. Sklonenie k soversheniyu samoubiystva ili sodeystvie soversheniyu samoubiystva: ugolovno-pravovaya kharakteristika i problemy kvalifikatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — М., 2020. — 32 s.

Перспективы применения примирительных процедур в уголовных делах о домашнем насилии

Аннотация. Статья посвящена допустимости использования примирительных процедур в уголовных делах о домашнем насилии. Анализируя развитие современного стандарта реагирования на акты домашнего насилия, автор приходит к выводу о том, что, основанный на идее задействования полномасштабных механизмов уголовной репрессии в отношении обидчиков и парадигме наказания, он имеет ряд недостатков, в частности не учитывает потребности пострадавших, динамику семейных конфликтов, близкий характер отношений их участников, обуславливающий возможное желание сторон, в том числе пострадавшей стороны, сохранить отношения. С учетом сказанного предлагается активное задействование примирительных процедур в делах о домашнем насилии, если в результате оценки рисков будет установлено, что это не ставит под угрозу жизнь и здоровье жертв и соответствует их потребностям. Целесообразно использовать механизм уголовной медиации, хорошо зарекомендовавший себя в ряде зарубежных юрисдикций (например, во Франции, в Польше, Финляндии, Австрии). В статье предложен приемлемый формат медиации как альтернативы или дополнения к классическому уголовному преследованию, основанной на косвенном посредничестве и осуществляемой независимым от государства, прошедшим специальную подготовку медиатором, когда утверждение и исполнение соглашения контролируются судом и уполномоченными органами.

Ключевые слова: домашнее насилие; семейное насилие; насилие в семье; примирительные процедуры; медиация; медиация по уголовным делам; восстановительное правосудие; альтернативы уголовному преследованию; риск-ориентированный подход; медиатор

Для цитирования: Берёза З. М. Перспективы применения примирительных процедур в уголовных делах о домашнем насилии // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 152–168. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.152-168

Prospects for the Application of Conciliation Procedures in Criminal Cases of Domestic Violence

Zlata M. Bereza, Graduate of the Graduate School of Law, HSE University, Practicing Lawyer,
Moscow, Russian Federation
zlata_br96@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the admissibility of using conciliation procedures in criminal cases of domestic violence. Analyzing the development of the modern standard of response to acts of domestic violence, the author comes to the following conclusion. Being based on the idea of using full-scale mechanisms of criminal repression against offenders and the paradigm of punishment, it has a number of shortcomings, in particular, it does not take into account the needs of victims, the dynamics of family conflicts, the close nature of the relationships of their participants, which determines the possible desire of the parties, including the injured party, to maintain

© Берёза З. М., 2026

* Берёза Злата Михайловна, выпускница Аспирантской школы по праву Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», практикующий юрист
Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
zlata_br96@mail.ru

the relationship. In view of the above, it is proposed to actively use conciliation procedures in cases of domestic violence if, as a result of a risk assessment, it is determined that this does not pose a threat to the life and health of victims and meets their needs. It is advisable to use the mechanism of criminal mediation, which has proven itself in a number of foreign jurisdictions (for example, in France, Poland, Finland, Austria). The paper proposes an acceptable format of mediation as an alternative or supplement to classical criminal prosecution, based on indirect mediation and carried out by a mediator independent from the state, who has undergone special training, in which the approval and implementation of the agreement is controlled by the court and authorized bodies.

Keywords: domestic violence; domestic abuse; violence in family; conciliation procedures; mediation; criminal mediation; restorative justice; alternatives to criminal prosecution; risk-based approach; mediator

Cite as: Bereza ZM. Prospects for the Application of Conciliation Procedures in Criminal Cases of Domestic Violence. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):152-168. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3. 152-168

Введение

Насилие в отношении близких лиц, совершенное в семье, в партнерских отношениях, является распространенным социальным явлением, имеющим эпидемический охват. По сведениям Генеральной прокуратуры РФ, в 2021 г. в Российской Федерации зарегистрировано 69 257 бытовых преступлений, 46 592 из них совершено на семейно-бытовой почве¹.

На международном уровне и в зарубежных странах к настоящему времени сложился определенный стандарт правовой реакции на данный социальный феномен, основанный на криминализации проявлений домашнего насилия, неотвратимости наказания и сепарации обидчика от жертвы. Вместе с тем его повсеместное применение зачастую подвергается критике, в том числе за слабый учет интересов пострадавших и разрыв близких, семейных отношений, даже если это идет вразрез с их потребностями. Например, в России попытки принятия специального законодательства о домашнем насилии, основанного на указанном стандарте, встречали не только поддержку, но и общественное сопротивление, обвинения в «разрушении семей»².

Полагаем, что многогранность домашнего насилия, обуславливающая сложность правовой реакции на него, близкие отношения

между обидчиком и жертвой требуют более чувствительного и дифференцированного подхода государства к решению данной проблемы. В указанной связи, а также с учетом опыта ряда зарубежных стран видится заслуживающей дополнительного изучения возможность применения альтернатив уголовному преследованию, в частности различных форм примирительных процедур, в подобных делах.

В статье будут рассмотрены история формирования международного стандарта правовой реакции на домашнее насилие, проанализированы его недостатки, требующие поиска более приемлемых альтернатив, оценены перспективы применения медиации в уголовных делах о домашнем насилии и, в случае признания принципиальной допустимости ее применения, предложена наиболее приемлемая модель уголовной медиации, которая позволила бы в наибольшей степени учесть интересы пострадавших.

1. Развитие современных механизмов правовой реакции на домашнее насилие: формирование полицейской (репрессивной) модели

Несмотря на масштаб и разнообразие проявлений домашнего насилия, современные контуры

¹ Цит. по: Вакуленко Н. А., Ачкасова М. Г. Актуальные статистико-криминологические параметры семейно-бытовой преступности современности // Юрист-Правоведь. 2022. № 2 (101). С. 90.

² Почти 90 % россиян выступили за закон о домашнем насилии // URL: <https://www.rbc.ru/society/13/06/2024/6669ccdb9a7947f5d3b0376b> (дата обращения: 21.06.2025).

механизмов правовой реакции на него сложились не сразу. Впервые домашнее насилие как национальная проблема было осмыслено в Соединенных Штатах Америки, после выхода в 1962 г. статьи Г. Кемпа и др. «Синдром избиваемого ребенка»³.

Впрочем, с 1960-х и до первой половины 1980-х гг. реакция публичной власти на домашнее насилие в США включала в себя в основном бездействие, поскольку превалировало отношение к нему как к частному делу⁴. Так, в 1970–1980 гг. полиция редко прибегала к задержанию предполагаемых обидчиков: по статистике, арест производился лишь в 3–10 % случаев⁵.

Со временем отношение к данному феномену и необходимым формам правовой реакции на него как в отдельных странах, так и в мировом сообществе совершило скачок от полного непризнания ответственности государств в данной области до формирования концепции позитивных обязательств (positive obligations)⁶ и должной заботы (due diligence)⁷ органов власти для защиты пострадавших от данного явления. Сформулированные международными универсальными и региональными механизмами в области защиты прав человека подходы к объему подобных обязательств формируют основу систем борьбы с домашним насилием в национальных юрисдикциях.

Применительно к Российской Федерации особый исследовательский интерес представляет *европейский* стандарт защиты, который формировался под эгидой органов Совета Европы. Основным актором, внесшим наибольший вклад в выработку этого стандарта, стал Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) — контрольный механизм, обеспечивающий исполнение обязательств государств-членов по Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950). Кроме того, в 2011 г. принята Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (далее — Стамбульская конвенция)⁸, к которой присоединились почти все страны — члены этой организации⁹. Хотя Россия покинула Совет Европы в 2022 г.¹⁰, не присоединившись к Стамбульской конвенции, европейский стандарт защиты от домашнего насилия некоторое время применялся и в нашей стране через практику ЕСПЧ.

ЕСПЧ определяет триаду обязательств государств по защите жертв домашнего насилия:

1) создание надлежащей нормативной правовой базы и адекватной практики применения законодательства о домашнем насилии, в том числе путем криминализации его проявлений, обеспечения неотвратимости наказания, а также своевременного и пропорционального

³ См.: *Лысова А. В., Щитов Н. Г.* Системы реагирования на домашнее насилие: опыт США // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 101.

⁴ См.: *Ross L. E.* Domestic Violence and Criminal Justice. New York : Routledge, 2018. P. 105 ; *Лысова А. В.* Насилие в семье — объект социальной политики в США // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 109.

⁵ См., например: *Zorza J.* The criminal law of misdemeanor domestic violence, 1970–1990 // Journal of Criminal Law and Criminology. 1992. Vol. 83. No. 1. P. 48.

⁶ См., например: п. 128–149 постановления ЕСПЧ от 09.06.2009 по делу «Опуз (Opuz) против Турции» (жалоба № 33401/02).

⁷ См., например: п. 57 доклада от 16.04.2001 № 54/01 Межамериканской комиссии по правам человека по делу «Мария да Пенья Майя Фернандис против Бразилии» (дело № 12.051).

⁸ Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (CETS № 210) (Стамбул, 11.05.2011) // URL: <https://rm.coe.int/168046253f> (дата обращения: 15.06.2025).

⁹ До выхода России из Совета Европы Стамбульская конвенция не была подписана лишь Россией и Азербайджаном. В 2021 г. Стамбульскую конвенцию денонсировала Турция (URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=signatures-by-treaty&treatynum=210> (дата обращения: 15.06.2025)).

¹⁰ Федеральный закон от 28.04.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.

применения мер уголовной репрессии в ответ на соответствующие жалобы пострадавших;

2) наличие превентивных мер защиты, позволяющих обезопасить жертву от повторных актов домашнего насилия, в том числе эффективное применение института защитных предписаний (охранных ордеров, protective (restraining) orders), призванного обеспечить сепарацию обидчика от жертвы;

3) проведение эффективного расследования по фактам домашнего насилия, включающего в том числе публичный характер выдвижения обвинений, не предполагающий возможность примирения сторон¹¹.

Сформулированный ЕСПЧ и иными региональными и универсальными правозащитными структурами (например, Комитетом ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин¹²) подход, который в литературе иногда называют *полицейским (репрессивным, карательным)*¹³, зиждется на идее о важности безальтернативного применения к обидчикам публичных механизмов уголовно-правовой реакции на преступление (как правило, без учета мнения пострадавших), обязательной сепарации обидчика от жертвы, неотвратимости применения уголовного наказания к виновному лицу. Он также основан на феминистических представлениях о природе и характере домашнего насилия как формы гендерной дискриминации женщин и исходит из необходимости их приоритетной защиты¹⁴.

Формирование подобной модели в международном праве в области прав человека и законодательстве зарубежных государств во многом объяснимо. Оно связано с укорененными

в обществе стереотипами о частном характере домашнего насилия, якобы не требующего вмешательства органов публичной власти, тривиализацией данной проблемы, недооцениванием ее серьезности правоохранительными органами, со стигматизацией жертв и с несовершенством правового регулирования¹⁵. Поскольку это создает значительные сложности в вопросах выявления и расследования подобных преступных посягательств, для защиты жертв власти стремятся максимально устранить дискрецию на стороне как пострадавших, так и должностных лиц в возможности влиять на ход процесса, фактически приравняв криминальные действия внутри семьи к тем, что совершаются за ее пределами, и даже несколько ужесточив общие меры уголовно-правовой репрессии, которые применимы к домашним агрессорам в рамках профилактики, превенции и расследования уголовных дел.

2. Критика полицейского (рестриктивного) подхода как формы реакции на домашнее насилие (на примере уголовной политики США)

Несмотря на достоинства, обоснованность повсеместного применения карательного подхода как формы реакции на домашнее насилие вызывает дискуссии в научном сообществе, особенно в странах с длительной практикой его применения, в частности США¹⁶.

А. Данный подход, предполагающий отношение к женщине как к пассивной жертве, сильно упрощает видение динамики насильственных отношений, отрицая их реципрокную природу¹⁷.

¹¹ См., например: п. 77 постановления ЕСПЧ от 09.07.2019 по делу «Володина (Volodina) против России» (жалоба № 41261/17).

¹² См., например: мнения Комитета ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин от 06.11.2017 по делу «О. Г. против Российской Федерации» (сообщение № 91/2015).

¹³ См.: Лысова А. В. Указ. соч. С. 111–112.

¹⁴ См., например: п. 184–202 постановления ЕСПЧ по делу «Опуз (Opuz) против Турции».

¹⁵ См.: Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / отв. ред. канд. юрид. наук Н. А. Голованова. М. : Юстицинформ, 2011. С. 13–28.

¹⁶ См.: Лысова А. В. Указ. соч. С. 109.

¹⁷ См.: Etsikovitz Z., Bushbinder E. Locked in a violent embrace: understanding and intervening in domestic violence. Thousand Oaks, California : Sage, 2000.

По мнению А. Миллс, насилие в семье представляет собой взаимный процесс, в котором активно участвуют обе стороны конфликта¹⁸. Однако, имея примерно равный «насильственный потенциал» с мужчинами, женщины, будучи слабее физически, проявляют его в пассивных или непрямых формах¹⁹. Ученые подчеркивают, что физическое и эмоциональное насилие — единый процесс динамики семейного конфликта, причем второе часто является прологом к первому. Таким образом, оба партнера, как правило, способствуют эскалации конфликта, и роль женщин в этом нельзя недооценивать²⁰.

Отечественная криминологическая доктрина также незнакома с тезисом о пассивности жертв семейного насилия. Напротив, поведение потерпевшего, вне зависимости от пола, признается важным фактором обострения конфликта и, как следствие, совершения преступления, а иногда (хотя и нечасто) даже непосредственной его причиной, если речь идет о виктимном поведении²¹. Так, Л. А. Колпакова подчеркивает влияние жертвы на генезис семейного преступления, утверждая, что любое такое деяние — это взаимодействие преступника и жертвы²². Мнение о социальном взаимодействии и даже «партнерстве» обидчика и пострадавшего разделяют такие ученые, как С. Н. Абельцев, Д. В. Ривман,

В. И. Полубинский, Г. Й. Шнайдер. Советский криминолог Л. В. Франк отмечал, что жертва часто вносит вклад в посягательство, направленное против себя самой²³. Поэтому случается, что виновные не признают или в полной мере не осознают свою вину, т.к. считают, что сама жертва, с которой их связывали родственные и семейные узы, неправильными поступками вызвала взрыв агрессии²⁴.

Б. Сомнению подвергаются конкретные карательные практики реагирования на акты домашнего насилия. Так, обязательный арест в США, согласно исследованиям, оказывает кратковременный сдерживающий эффект, тогда как в долгосрочной перспективе ведет к эскалации конфликта²⁵. Обязательное информирование правоохранительных органов медицинскими работниками воспринимается жертвами как нарушение конфиденциальности, подрывает доверие, лишает их контроля над ситуацией и удерживает от обращения за помощью²⁶. Эффективность сепарации партнеров также не подтверждается статистикой: более половины пострадавших женщин хотят сохранить семью, а 50–60 % из них возвращаются к абьюзивным партнерам²⁷.

В. Репрессивная политика властей зачастую не учитывает индивидуальные потребности и

¹⁸ Цит. по: Лысова А. В. Указ. соч. С. 111–112.

¹⁹ См.: Björkqvist K., Lagerspetz M. J., Kaukainen A. Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression // *Aggressive behavior*. 1992. No. 18. P. 117–127.

²⁰ См.: Murphy C. M., O'Leary K. D. Psychological aggression predicts physical aggression in early marriage // *Journal of consulting and clinical psychology*. 1989. Vol. 57 (5). P. 579–582.

²¹ См.: Шахов В. И. Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2003. С. 149.

²² См.: Колпакова Л. А. Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 32.

²³ См.: Колпакова Л. А. Указ. соч. С. 42.

²⁴ См.: Антонян Ю. М., Горшков И. В., Зулкарнеев Р. М., Сапрунов А. Г. Насилие в семье / под ред. Д. К. Нечевина. М.: ВНИИ МВД России, 1999. С. 9.

²⁵ См.: Sherman L. W. et al. The variable effects of arrest on criminal careers: the Milwaukee domestic violence experiment // *Journal of criminal law and criminology*. 1992. Vol. 83. No. 1. P. 137–169.

²⁶ См.: Rodriguez M. A., Shelton W. R., Rao N. Abused patient's attitude about mandatory reporting of intimate partner abuse injuries to police // *Domestic violence and health care policies and prevention* / ed. by C. Reyes, W. J. Rudman, C. R. Hewitt. New York : Haworth Medical Press, 2002. P. 35–147.

²⁷ См.: Mills L. Insult to injury. Rethinking our responses to intimate abuse. Princeton : Princeton University Press, 2003.

мотивы пострадавшего, лишает его контроля над ситуацией и права делать собственный выбор в обмен на защиту, которую дает государство²⁸. По мнению Ш. Ханна, она не только не решает проблему столкновения разнонаправленных интересов государственного контроля и сохранения автономности личности, но ведет к виктимизации пострадавших²⁹. А. Миллс также полагает, что игнорирование потребностей жертвы является формой «эмоционального насилия» государства³⁰.

Г. Уголовная политика государств в сфере домашнего насилия часто игнорирует факт его совершения в семье, близкими людьми. Согласно концепции нормативной неопределенности, помимо социальных и правовых механизмов, связывающих членов семьи, существуют нормы, оправдывающие определенный уровень насильственного поведения между ними (например, физическое наказание детей) и другие криминальные поступки. Так, наказания за кражу, совершенную ребенком у родителей и у постороннего человека, различны. Поэтому применение к семье, в которой совершено преступление, норм, действующих за ее пределами, может быть проблематичным. В частности, трудно ожидать от органов публичной власти полного понимания уникальных обстоятельств каждой семьи и действий человека, совершившего преступление³¹.

Таким образом, существующий карательный подход к правовой реакции на домашнее насилие как минимум требует дополнительного критического осмысления. Вместе с тем вышеотмеченные аспекты не свидетельствуют о необходимости полного отказа от данной мо-

дели правовой реакции на домашнее насилие. Напротив, применение мер уголовной репрессии необходимо в ситуациях, когда в результате семейного конфликта имеется угроза для жизни и риск тяжкого вреда здоровью его участников или отсутствуют желание и перспективы урегулирования противоречий мирным путем. Однако безальтернативное применение такого подхода без учета потребностей пострадавших, специфики и динамики конкретного конфликта, как это во многом происходит сейчас, не всегда оптимально с точки зрения уголовной политики государства в целом, а также наилучшей защиты жертв в частности.

3. Применение реститутивного (восстановительного) подхода в делах о домашнем насилии: *pro et contra*

Идея о том, что применение традиционных форм правовой реакции на преступление далеко не всегда необходимо и оправданно, особенно если речь идет о деяниях, совершенных в контексте близких отношений, не нова. В уголовной доктрине она находит отражение в рамках дискуссии о применении альтернатив уголовному преследованию, а также концепции так называемого восстановительного правосудия (*restorative justice*)³².

Данная концепция сформировалась в качестве реакции на наметившийся в 1970-х гг. кризис классической системы разрешения споров и практик урегулирования конфликта, основанных на конфронтации сторон, который коснулся и системы уголовной юстиции³³. Еще в 1977 г. знаменитый норвежский криминолог Н. Кри-

²⁸ См.: *Sherman L. W. et al.* Op. cit. P. 137–169.

²⁹ См.: *Hanna C.* No right to choose: mandated victim participation in domestic violence prosecutions // *Harvard Law Review*. 1996. No. 109. P. 1868–1869.

³⁰ См.: *Mills L.* Killing Her Softly: Intimate Abuse and Violence of State Intervention // *Harvard Law Review*. 1999. No. 113. P. 550–613.

³¹ См.: *Лысова А. В., Щитов Н. Г.* Указ. соч. С. 107.

³² Некоторые авторы используют термин «восстановительная юстиция», т.к. подобные практики реализуются за пределами государственной судебной системы и к «правосудию» не относятся. См., например: *Арутюнян А. А.* Медиация в уголовном процессе. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 3.

³³ См.: *Карнозова Л. М.* Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М.: Проспект, 2022. С. 10.

сти утверждал, что система уголовной реакции на преступления должна переориентироваться на потерпевшего, которому нужно вернуть активную роль полноправного участника спора, утраченную им при усилении публичных начал в уголовном процессе³⁴, а назначение уголовной юстиции в такой парадигме должно быть в том, чтобы помочь жертве и нарушителю разрешить конфликт³⁵. Однако классическая система уголовной реакции на преступление, основанная на наказании, этим не занимается, фактически используя жертву в своих целях, мало заботясь об удовлетворении ее потребностей³⁶. Подобные рассуждения дали импульс поиску альтернатив уголовному преследованию с фокусом на усилении роли пострадавших, а также механизмов и практик, основанных на идеях согласия и примирения, которые позже объединились в концепцию восстановительного правосудия. Их восстановительный характер обусловлен стремлением к восстановлению разрушенных насилем отношений, желанием избежать повторной виктимизации жертвы, стигматизации обидчика и помочь их «исцелению».

Сложно отрицать применимость подобного подхода (безусловно, когда это возможно и безопасно) к ситуации конфликтов в семье, где, как правило, стремление к мирному разрешению и нормализации отношений между сторонами особенно велико. Н. Кристи отмечает, что наказывающий стиль социального контроля государства неприменим к преступлениям в семье: с учетом близкой социальной дистанции между обидчиком и жертвой наказание лишь умножит зло, причиненное пострадавшему. Так, в результате ареста дети не видят отца, семья испытывает материальные лишения, поскольку он утрачивает заработок, жена продолжает любить

мужа и, более того, может винить в произошедшем себя³⁷.

Более того, в ситуации домашнего насилия вред в первую очередь причиняется конкретному лицу и лишь затем государственным интересам³⁸, что требует большего внимания к потребностям пострадавших, которые иногда нельзя удовлетворить в ординарных механизмах уголовной юстиции.

Согласимся, что применение уголовной репрессии в отношениях между близкими людьми не всегда оправданно. Поэтому государственная политика в сфере семейного насилия должна отличаться от традиционных подходов к борьбе с преступностью сбалансированным характером и необходимостью учета разнонаправленных интересов. Л. А. Колпакова отмечает, что институт семьи находится на стыке частных и публичных интересов, что, несомненно, затрудняет установление допустимых пределов вмешательства государства в дела семьи и нормативного регулирования данной области³⁹. В. И. Шахов также убежден, что решение проблемы насилия в семье уголовно-правовыми средствами должно строиться на строгом соблюдении баланса между правом на свободу и правом на безопасность личности. Полагаем возможным согласиться с мнением, что «каждая семья имеет свой уголовный кодекс»⁴⁰.

В этой связи считаем оптимальным сочетание рестриктивного и реститутивного подходов к правовой реакции на акты домашнего насилия. Это может выражаться в активном использовании примирительных процедур для случаев, когда стороны конфликта заинтересованы в сохранении семейных отношений и их использование не несет угрозы безопасности жертвы. В иных ситуациях, когда примирение

³⁴ Christie N. Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. 1977. Vol. 17. No. 1. P. 1–15. URL: <http://www.jstor.org/stable/23636088> (дата обращения: 15.06.2025).

³⁵ См.: Ван Несс Д. У. Восстановительное правосудие и международные права человека // Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. М., 2003. С. 45.

³⁶ См.: Карнозова Л. М. Указ. соч. С. 49, 51.

³⁷ Цит. по: Лысова А. В. Указ. соч. С. 114.

³⁸ См.: Колпакова Л. А. Указ. соч. С. 81.

³⁹ См.: Колпакова Л. А. Указ. соч. С. 4.

⁴⁰ Цит. по: Шахов В. И. Указ. соч. С. 38, 61.

и сохранение семьи невозможны и есть риск для безопасности и даже жизни жертвы, должен запускаться полномасштабный механизм уголовно-правовой реакции на преступление.

4. Примирительные процедуры (медиация) в делах о домашнем насилии: международные подходы и зарубежный опыт

Говоря о допустимости примирительных процедур при построении модели правовой реакции на домашнее насилие, необходимо определиться с формой, которую они могут принимать. Полагаем, что не каждая альтернатива уголовному разбирательству является адекватной формой разрешения семейного конфликта. Так, в США имелся опыт снятия обвинения или смягчения меры наказания в связи с прохождением обидчиком специальной консультационной программы, психотерапии, и они показали невысокую эффективность в предотвращении рецидивов актов насилия, а иногда имели обратный эффект⁴¹.

Одним из наиболее эффективных способов альтернативного разрешения споров является медиация⁴². Но, невзирая на применимость данного механизма в гражданских, трудовых, семейных спорах, в уголовном процессе, который направлен на приоритетную защиту публичного

интереса, возможность использования медиации не столь очевидна. В России, несмотря на дискуссии в профессиональном сообществе⁴³, ее распространения на уголовные правоотношения не произошло. Вместе с тем во многих зарубежных странах (например, Канаде, Великобритании, США, Германии, Франции, Нидерландах, Бельгии, Финляндии, Норвегии, Австрии, ряде стран СНГ) медиация применяется в уголовном судопроизводстве⁴⁴.

Согласно Рекомендации Комитета министров Совета Европы об уголовной медиации посредничество (медиация) понимается как любой процесс, в рамках которого пострадавший и правонарушитель имеют возможность в случае их добровольного согласия, с помощью беспристрастной третьей стороны (медиатора) принимать участие в разрешении проблем, возникших в результате преступления⁴⁵.

К достоинствам медиации отнесены гибкость, конфиденциальность, активная роль сторон, развитие чувства ответственности у нарушителя, право жертвы вступать в диалог с ним, получать извинения и возмещение ущерба, помощь в предупреждении преступлений, разрешение сопутствующих конфликтов менее репрессивными способами и др.

Процедура может различаться в зависимости от модели посредничества. Оно может иметь вид встреч нарушителя и жертвы (victim-offender

⁴¹ См.: Колпакова Л. А. Указ. соч. С. 82–83.

⁴² См.: Карнозова Л. М. Указ. соч. С. 49, 51.

⁴³ Закон не повысит качество медиации // URL: <https://fparf.ru/news/fpa/zakon-ne-povysit-kachestvo-mediatsii/> (дата обращения: 16.06.2025); проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с реализацией Концепции развития сети служб медиации до 2017 года в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» // URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npa=69576> (дата обращения: 16.06.2025).

⁴⁴ См.: Смирнов А. М. О возможности имплементации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника в сферу российских уголовно-правовых отношений в свете рекомендации Комитета министров Совета Европы по медиации в уголовных делах // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 30.

⁴⁵ Рекомендация № R (99) 19 Комитета министров государствам — членам Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах // URL: <https://mediation-eurasia.pro/wp-content/uploads/2018/04/rekomendacii-r-99-19-komiteta-ministrov-soveta-evropy-posvjashhennaja-mediacii-po-ugolovnym-delam.pdf> (дата обращения: 16.06.2025).

mediation) с участием независимого посредника или представлять собой рассмотрение уголовных дел с привлечением местного сообщества («круги правосудия»⁴⁶). Различия часто основаны на разнице в уполномоченных на осуществление медиации органах: так, службы примирения могут быть независимы от государства или, напротив, встроены в службы пробации, исправительные, социальные службы⁴⁷.

Медиация в уголовном процессе, согласно вышеупомянутой Рекомендации, допустима при ряде условий. Так, она может проводиться как альтернатива уголовному разбирательству или дополнение к нему; при условии добровольного согласия сторон, которое может быть отозвано на любом этапе процедуры; при отсутствии спора об основных обстоятельствах дела; если стороны обладают равными переговорными позициями с точки зрения возраста, зрелости, интеллектуального уровня и иных факторов, а также если в отсутствие достигнутого соглашения по итогам примирительных процедур или в случае нарушения условий медиативного соглашения компетентные органы вправе решать вопрос о дальнейшем ходе уголовного дела.

Сомнительно использование медиации по тяжким и особо тяжким делам, если ее успешное проведение связано с прекращением уголовного дела. Как видится, следует законодательно исключить подобную возможность или ограничить применение медиации по таким категориям дел. Последняя опция менее предпочтительна, но именно такой вариант реализован в некоторых зарубежных странах, в частности в Польше⁴⁸.

Таким образом, в отдельных случаях возможность уголовной медиации, как и иных форм посредничества, может быть ограничена. К ним относятся по общему правилу и ситуации домашнего насилия. Например, пункт 3.9.1 Пособия для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин ООН рекомендует запретить посредничество при применении насилия к женщине до начала и в ходе судебного разбирательства⁴⁹. Рекомендации Совета Европы о минимальных стандартах работы с домашними агрессорами гласят, что медиация или иная форма посредничества не является адекватной реакцией на домашнее насилие⁵⁰. Сходное положение закреплено в ст. 48 Стамбульской конвенции: стороны принимают необходимые законодательные или иные меры, запрещающие обязательные альтернативные процессы по разрешению споров, включая медиацию и примирение, в отношении всех форм насилия, подпадающих под сферу действия Конвенции.

Среди причин недопустимости применения примирительных процедур указанные международные акты выделяют следующие.

Во-первых, если посредничество является альтернативой уголовному преследованию, это фактически выводит уголовные дела о насилии в семье за рамки разбирательства, позволяя нарушителю избежать ответственности.

Во-вторых, не удовлетворяется условие равенства переговорных позиций сторон, а также прав на отстаивание своих интересов⁵¹. Это связано с тем, что феномен домашнего насилия в тяжелых формах часто выражает стремление

⁴⁶ Программы, основанные на традициях североамериканских индейцев, проводятся преимущественно в Канаде. См., например: *Чернухина Л. С.* Формы участия коренных народов Северной Америки в отправлении правосудия // *Журнал российского права*. 2014. № 7. С. 104–116.

⁴⁷ См.: *Карнозова Л. М.* Указ. соч. С. 83.

⁴⁸ См.: *Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A.* Mediation and Domestic Violence: Theoretical Reflection on the Polish Background // *International Journal of Criminal Justice Sciences*. 2018. Vol. 13. Iss. 2. P. 360.

⁴⁹ Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин. Нью-Йорк : ООН, 2010. С. 46–47.

⁵⁰ *Combating violence against women: minimum standards for support services*. Strasbourg, 2008. URL: [https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/Source/EG-VAW-CONF\(2007\)Study%20rev.en.pdf](https://www.coe.int/t/dg2/equality/domesticviolencecampaign/Source/EG-VAW-CONF(2007)Study%20rev.en.pdf) (дата обращения: 16.05.2025).

⁵¹ См.: Пособие для разработки законодательства по вопросам насилия в отношении женщин. С. 47, 282.

агрессора к контролю и превосходству над жертвой⁵², и последняя может страдать от разных состояний (выученной беспомощности (learned helplessness)⁵³, посттравматического стресса (post-traumatic stress disorder)⁵⁴, бессилия, вины, стыда, несостоятельности)⁵⁵, которые не способствуют свободному выражению мнения и артикуляции своих нужд⁵⁶.

В-третьих, велики риски эскалации конфликта в случае некачественно оказанных посреднических услуг⁵⁷.

Несмотря на справедливость данных опасений, нельзя сказать, что они являются уникальными для ситуации домашнего насилия. Так, что касается избежания обидчиками ответственности, необходимо обратить внимание на различное понимание термина «ответственность» в классическом уголовном процессе и в альтернативных методах разрешения споров. Как отмечает С. Г. Келина, всякое преступление должно влечь ответственность, но она не всегда должна состоять в уголовном наказании⁵⁸. С точки зрения парадигмы наказания, если уголовное дело будет разрешено заключением медиативного соглашения, можно считать, что нарушитель избежал ответственности. Однако если подходить к вопросу с точки зрения восстановительного правосудия, согласно которой преступление наносит вред конкретному человеку и порождает у совершившего его лица обязательство загладить вину, что и представляет собой ответственность⁵⁹, то именно такую ответственность

для нарушителя влекут за собой примирительные процедуры. Разница заключается лишь в том, что меру и характер этой ответственности определяют участники конфликта, а не компетентные органы государства.

В части неравенства переговорных позиций полагаем, что любая конфронтация жертвы и обидчика сопряжена со сходными сложностями, ведь совершение любого преступления против личности негативно влияет на психологическое состояние пострадавшего. Вместе с тем процедура медиации широко используется как альтернатива уголовному преследованию для широкого спектра преступлений, совершенных малознакомыми или вовсе не знакомыми людьми, так почему же она должна быть ограничена в случаях их совершения в кругу семьи, когда ценность примирения и разрешения конфликта несоизмеримо выше, чем в ситуации с незнакомцами?

Несмотря на международные рекомендации, в целой группе стран уголовная медиация по делам о домашнем насилии применяется довольно активно. Так, во Франции прокурор вправе по требованию или с согласия пострадавшего провести медиацию между правонарушителем и жертвой домашнего насилия, если преступление небольшой тяжести и совершено впервые и если супруги желают продолжить совместную жизнь⁶⁰. В Польше уголовная медиация является популярным механизмом разрешения семейного конфликта⁶¹. В Финляндии медиация доступ-

⁵² Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A. Op. cit. P. 360.

⁵³ См.: Walker L. E. *Battered Women: A Psychosociological Study of Domestic Violence*. Harper & Row, 1979.

⁵⁴ См.: Johnson D. M., Zlotnick C. Hope for battered women with PTSD in domestic violence shelters // *Professional Psychology: Research and Practice*. 2009. Vol. 40 (3). P. 234–241.

⁵⁵ См.: Vestal A. Domestic Violence and Mediation: Concerns and Recommendations // URL: <https://www.mediate.com/domestic-violence-and-mediation-concerns-and-recommendations/> (дата обращения: 16.06.2025).

⁵⁶ См.: Grillo T. The Mediation Alternative: Process Dangers for Women // *The Yale Law Journal*. 1991. Vol. 100 (6). P. 1545–1610.

⁵⁷ См.: Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A. Op. cit. P. 360.

⁵⁸ См.: Келина С. Г. Восстановительное правосудие: уголовно-правовой аспект // Восстановительное правосудие. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. С. 72.

⁵⁹ См.: Карнозова Л. М. Указ. соч. С. 71.

⁶⁰ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Франции // URL: <http://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 15.06.2025).

⁶¹ См.: Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A. Op. cit. P. 358.

на по уголовным делам о домашнем насилии, причем по состоянию на 2016 г. они составили 18 % от всех урегулированных с помощью данного механизма конфликтов⁶².

В Австрии медиация по делам о домашнем насилии осуществляется специально подготовленными социальными работниками. Наиболее часто для предложения примирительных процедур передаются дела, где причиненный ущерб был небольшой тяжести, физический вред был нанесен впервые и (или) обе стороны заявляют о насилии со стороны партнера⁶³. Наиболее эффективными считаются программы, где медиаторов двое — мужчина и женщина. В ходе такой процедуры со сторонами проводятся индивидуальные беседы, где обсуждаются их эмоции по поводу конкретной ситуации и история насилия в целом, выявляются запросы сторон, выслушиваются предложения о формах мирного урегулирования, а также позиция пострадавшего по вопросу дальнейшего совместного проживания. После этого стороны и два медиатора проводят общую сессию, в ходе которой полученная медиаторами информация, история каждой стороны озвучиваются ими в присутствии всех заинтересованных сторон. Такой подход позволяет сгладить неравенство переговорных позиций сторон за счет того, что история конфликта, а также интересы и ожидания жертвы озвучиваются другим лицом⁶⁴. По статистике, 83 % респондентов утверждали, что после медиации партнеры прекращали проявлять насилие⁶⁵.

В пояснительных замечаниях к Стамбульской конвенции отмечается, что во многих странах, действительно, предусмотрена медиация по

уголовным делам о домашнем насилии, но разработчики желали подчеркнуть негативные эффекты от задействования таких механизмов, особенно если они являются обязательными и призваны подменять классическое уголовное преследование, позволяя агрессору избежать наказания⁶⁶. Таким образом, Стамбульская конвенция не запрещает применение медиации к делам о насилии в семье, но подчеркивает недопустимость ее использования взамен традиционных механизмов уголовной реакции на преступление, когда это идет вразрез с потребностями пострадавших.

Разделяя тезис о первичности учета интересов жертв при принятии решения о допустимости использования примирительных процедур, видим спорным допущение авторов указанных комментариев о возможной обязательности медиации в уголовных делах о насилии в семье, ведь фундаментальным условием ее применения в уголовном процессе по любой категории дел является добровольность — как объективная, в смысле отсутствия юридической обязательности прохождения процедуры примирения, предваряющей возбуждение и (или) рассмотрение уголовного дела, так и субъективная, предполагающая отсутствие принуждения сторон к примирению для урегулирования возникшего спора.

Следует различать примирение сторон в ходе медиации в гуманитарном смысле и примирение как юридический институт, который в некоторых случаях, в зависимости от особенностей национального права, ведет к прекращению уголовного дела. Так, в случае тяжкого (особо тяжкого) преступления медиация хотя и

⁶² См.: *Ervasti K.* Problem-solving justice in criminal and civil justice in Finland // *Utrecht Law Review*. 2018. Vol. 14. Iss. 3. P. 24.

⁶³ См.: *Pelican C.* On the Efficacy of Victim-Offender-Mediation in Cases of Partnership Violence in Austria, or: Men Don't Get Better, But Women Get Stronger: Is it Still True? // *European Journal on Criminal Policy and Research*. 2010. Vol. 16 (1). P. 50–51.

⁶⁴ См.: *Pelican C.* Op. cit. P. 52.

⁶⁵ См.: *Михайлович И.* Проблематика медиации в случаях домашнего насилия // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2016. Т. 10. № 2. С. 283.

⁶⁶ Explanatory report on the Council of Europe Convention on preventing and combatting violence against women and domestic violence (Istanbul, 11 May 2011), § 251–252 // URL: <https://rm.coe.int/16800d383a> (дата обращения: 16.06.2025). P. 42.

допустима, но даже в случае положительного исхода не влечет прекращение уголовного дела за примирением сторон.

Таким образом, представляется проблематичным подход, отраженный в международных актах по тематике домашнего насилия, о недопустимости использования в подобных делах примирительных процедур. Полагаем, что применение медиативных практик в уголовных делах о домашнем насилии возможно и даже полезно при соблюдении ряда условий, гарантирующих безопасность сторон, а также учет интересов всех участников конфликта.

5. Условия допустимости применения медиации в уголовных делах о домашнем насилии: поиск приемлемой модели

Внедряя институт медиации в процесс рассмотрения дел о домашнем насилии, полагаем необходимым установить дополнительные условия ее использования для надлежащей защиты прав пострадавших.

А. Необходимо выработать механизм разграничения органами, уполномоченными на расследование актов домашнего насилия, случаев, когда примирение возможно и когда необходимы немедленные меры по обеспечению безопасности жертвы от ее возможного обидчика. Как видится, для данных целей возможна имплементация в законодательство так называемого риск-ориентированного подхода к расследованию актов насилия в семье на начальных этапах. Его применение направлено на то, чтобы разорвать круг насилия до эскалации,

осуществляя эффективную работу с потерпевшими, сталкивающимися со всеми уровнями риска, в том числе с низким и средним, чтобы предотвратить возникновение высокого риска⁶⁷.

Сейчас риск-ориентированный подход в российском праве применяется как метод осуществления государственного контроля (надзора)⁶⁸, однако в будущем планируется его распространение на иные сферы общественных отношений. Считаем, что к таким областям может относиться индивидуальная профилактическая работа участковых уполномоченных полиции с лицами, совершающими правонарушения и преступления в сфере семейно-бытовых отношений и представляющими опасность для окружающих⁶⁹.

При этом внимания требуют выработка критериев отнесения того или иного поднадзорного лица к группе риска и применение в зависимости от этого тех или иных профилактических и (или) превентивных мер. Полагаем, что оценка рисков должна осуществляться вне зависимости от формального привлечения лица к юридической ответственности. Так, в зарубежных странах риск-ориентированный подход в делах о домашнем насилии подразумевает использование инструментов и профессионального суждения для оценки вероятности и потенциальной серьезности будущего рецидива преступного посягательства. Факторы риска могут включать предшествующее насилие, его эскалацию, угрозы причинить вред детям или контролирующее поведение⁷⁰.

Важно предусмотреть и механизмы контроля над уполномоченными должностными лицами для предотвращения возможных злоупотреб-

⁶⁷ См.: *Assessing and managing risks in cases of violence against women and domestic violence: Strengthening Risk Assessments, The Risk Management System and Inter-Agency Coordination in Turkey* // URL: <https://rm.coe.int/trk-2021-assessing-and-managing-risks-in-cases-of-vaw-and-domestic-vio/1680a2a7cb> (дата обращения: 16.06.2025).

⁶⁸ См.: *Равнюшкин А. В.* Риск-ориентированный подход при осуществлении государственного надзора (контроля), осуществляемого территориальными органами МВД России: вопрос расширения сферы его применения // *Административное право и процесс.* 2018. № 11. С. 20–24.

⁶⁹ См.: *Равнюшкин А. В.* Указ. соч.

⁷⁰ См.: *Guiding systemic responses to survivors of gender-based violence through risk assessment: a survivor-centered approach* // URL: <https://www.schliferclinic.com/wp-content/uploads/2023/08/Risk-Assessment-Approaches.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

лений использованием примирительных процедур в тяжелых случаях домашнего насилия. Высокий риск злоупотреблений объясняется, в частности, их предубеждением и стереотипным отношением к жертвам насилия. Так, в России нередки случаи, когда пострадавший принуждается к примирению с обидчиком без задействования специальных механизмов примирения, что является недопустимым и влечет риски для здоровья и жизни жертв⁷¹.

Б. Видится важным сохранить применение медиации по делам о домашнем насилии не только в качестве дополнения к классическим формам уголовного преследования, но и в качестве их альтернативы. Полагаем, что полностью устранять возможность разрешения конфликта путем медиации нецелесообразно, т.к. в ряде случаев, исходя из характера конфликта и интересов пострадавших, избыточное вмешательство государства путем применения механизмов уголовного принуждения излишне. При этом существенной гарантией учета прав пострадавших от насилия при заключении медиативного соглашения будет наличие судебного ex post контроля за его заключением и исполнением, что позволит минимизировать возможные злоупотребления при прохождении такой процедуры.

В. Важен формат посреднических механизмов, оптимальный для рассматриваемой категории дел. Например, медиация может иметь форму косвенного посредничества, исключая необходимость личной встречи между обидчиком и жертвой. Такой подход видится желательным: он позволяет избежать излишней травматизации пострадавшего, а также возможного влияния обидчика на ход медиации и ее финальные результаты, препятствующего учету потребностей жертвы. Медиатору следует убедиться, что пострадавший активно участвует в подготовке медиативного соглашения, а обидчик выражает деятельное раскаяние и обязуется не применять насилие в будущем. Кроме

того, согласимся с авторами, которые считают, что для обеспечения равенства сторон и переговорных позиций в ходе медиации процедуру полезно предварять курсом терапии для жертвы и обидчика⁷².

Г. Повышаются требования к профессиональной подготовке медиатора. Медиаторы, допущенные к работе по таким делам, должны пройти специальное обучение, чтобы понимать специфику взаимоотношений обидчика и жертвы в ситуации насилия в семье, мотивы их поступков.

Д. Важно определить уполномоченное на проведение медиации лицо, а также решить, должен ли это быть профессиональный медиатор или функция посредничества при разрешении таких конфликтов может быть возложена на представителей органов государственной власти (например, сотрудников полиции, судей (в том числе в отставке), прокуроров). Полагаем, что с учетом традиционного недоверия пострадавших к правоохранительной системе, особенно если процедуре медиации предшествовал травматичный опыт обращения к представителям власти, нецелесообразно закрепление полномочия по осуществлению примирительных процедур за должностными лицами органов государственной власти⁷³. Более приемлема передача данных полномочий в руки общественных организаций медиации, независимых от государства.

При этом желательно наделить уполномоченные органы государства функцией контроля за результатами и исполнением медиативных соглашений, с тем чтобы избежать рецидива и повторной травматизации пострадавших, особенно если за успешной медиацией следует прекращение уголовного преследования в отношении обидчика. С подобной проблемой пострадавшие от насилия сталкиваются и в случае использования традиционных механизмов уголовной репрессии, ведь после отбытия наказания, как правило, ничто не мешает обидчику снова применять насилие по отношению

⁷¹ См., например: п. 69 постановления ЕСПЧ по делу «Володина (Volodina) против России».

⁷² См.: *Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A.* Op. cit. P. 360.

⁷³ См.: *Каминский Э. С.* Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. 2021. № 3. С. 25–29.

к пострадавшему. В зарубежных юрисдикциях данная проблема решается посредством разных механизмов, например выдачи защитного предписания (охранного ордера), который применим как до, так и после назначения и даже отбытия лицом назначенного судом наказания⁷⁴.

Заключение

Современные подходы к противодействию домашнему насилию и защите пострадавших, в том числе опирающиеся на международный стандарт, основаны на карательной парадигме правовой реакции на данное явление, необходимости применения к обидчикам публичных механизмов уголовно-правовой реакции на преступление, сепарации нарушителя от жертвы, недопустимости (или ограничения) использования примирительных процедур и неотвратимости наказания.

Несмотря на ряд преимуществ такого подхода, его применение не всегда оправданно, поскольку не учитывает потребности пострадавшего, лишает его контроля, игнорирует специфику близких отношений между обидчиком и жертвой, а также исключает любые возможности для их сохранения.

Таким образом, оптимально сочетание рестриктивного и восстановительного подходов. Это может выражаться в использовании примирительных процедур тогда, когда стороны заинтересованы в сохранении отношений и такой подход не несет угрозы для безопасности жертвы. В иных случаях, когда примирение и сохранение отношений нежелательны и (или)

небезопасны, должны запускаться обычные уголовные механизмы.

Считаем наиболее приемлемой формой примирения в уголовных делах о домашнем насилии уголовную медиацию. С учетом специфики такого насилия и особенностей динамики семейных конфликтов она должна проводиться с соблюдением определенных условий.

Во-первых, необходимо выработать механизм выявления ситуаций, когда использование примирительных процедур возможно и безопасно для жертвы, с помощью риск-ориентированного подхода и оценки рисков.

Во-вторых, важно сохранить юридическую возможность прекращения уголовного преследования обидчика в случае успешного примирения сторон. Гарантией защиты прав пострадавших и отсутствия злоупотреблений будет наличие судебного ex post контроля за заключением медиативного соглашения и последующего контроля правоохранительных органов за его исполнением.

В-третьих, посреднические механизмы должны иметь форму косвенного посредничества, чтобы избежать излишней травматизации пострадавшего и обеспечить равенство переговорных позиций сторон.

В-четвертых, медиаторы по делам о домашнем насилии должны иметь необходимую профессиональную подготовку.

Наконец, целесообразно уполномочить на осуществление медиации независимые от государства общественные организации при условии сохранения контроля за результатами примирительных процедур со стороны правоохранительных органов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонян Ю. М., Горшков И. В., Зулкарнеев Р. М., Сапрунов А. Г. *Насилие в семье* / под ред. Д. К. Нечвина. — М. : ВНИИ МВД России, 1999. — 180 с.
2. Вакуленко Н. А., Ачкасова М. Г. Актуальные статистико-криминологические параметры семейно-бытовой преступности современности // Юрист-Правоведъ. — 2022. — № 2 (101). — С. 90–95.

⁷⁴ См.: Guide to Restraining Orders // URL: <https://vardags.com/law-guide/litigation-basics/guide-to-restraining-orders> (дата обращения: 15.06.2025).

3. *Ван Несс Д. У.* Восстановительное правосудие и международные права человека // Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. — М. : Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. — С. 32–58.
4. Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция / отв. ред. канд. юрид. наук Н. А. Голованова. — М. : Юстицинформ, 2011. — 383 с.
5. *Каминский Э. С.* Прокурорская медиация в России: есть ли перспективы? // Российский судья. — 2021. — № 3. — С. 25–29.
6. *Карнозова Л. М.* Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). — М. : Проспект, 2022. — 264 с.
7. *Келина С. Г.* Восстановительное правосудие: уголовно-правовой аспект // Восстановительное правосудие / под ред. И. Л. Петрухина. — М. : Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. — С. 70–81.
8. *Колпакова Л. А.* Насилие в семье: виктимологический аспект, дифференциация ответственности и вопросы законодательной техники : дис. ... канд. юрид. наук : 20.00.08. — Казань, 2007. — 232 с.
9. *Лысова А. В.* Насилие в семье — объект социальной политики в США // Социологические исследования. — 2005. — № 12. — С. 108–116.
10. *Лысова А. В., Щитов Н. Г.* Системы реагирования на домашнее насилие: опыт США // Социологический журнал. — 2003. — № 3. — С. 99–115.
11. *Михайлович И.* Проблематика медиации в случаях домашнего насилия // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2016. — Т. 10. — № 2. — С. 280–288.
12. *Равнюшкин А. В.* Риск-ориентированный подход при осуществлении государственного надзора (контроля), осуществляемого территориальными органами МВД России: вопрос расширения сферы его применения // Административное право и процесс. — 2018. — № 11. — С. 20–24.
13. *Смирнов А. М.* О возможности имплементации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника в сферу российских уголовно-правовых отношений в свете рекомендации Комитета министров Совета Европы по медиации в уголовных делах // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2016. — № 2. — С. 30–32.
14. *Чернухина Л. С.* Формы участия коренных народов Северной Америки в отправлении правосудия // Журнал российского права. — 2014. — № 7. — С. 104–116.
15. *Шахов В. И.* Насилие в семье: уголовно-правовое и криминологическое значение : дис. ... канд. юрид. наук : 20.00.08. — Ижевск, 2003. — 197 с.
16. *Björkqvist K., Lagerspetz M. J., Kaukainen A.* Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression // Aggressive behavior. — 1992. — No. 18. — P. 117–127.
17. *Christie N.* Conflicts as Property // The British Journal of Criminology. — 1977. — Vol. 17. — No. 1. — P. 1–15.
18. *Ervasti K.* Problem-solving justice in criminal and civil justice in Finland // Utrecht Law Review. — 2018. — Vol. 14. — Iss. 3. — P. 19–30.
19. *Etsikovitz Z., Bushbinder E.* Locked in a violent embrace: understanding and intervening in domestic violence. — Thousand Oaks, California : Sage, 2000. — 192 p.
20. *Grillo T.* The Mediation Alternative: Process Dangers for Women // The Yale Law Journal. — 1991. — Vol. 100 (6). — P. 1545–1610.
21. *Hanna C.* No right to choose: mandated victim participation in domestic violence prosecutions // Harvard Law Review. — 1996. — No. 109. — P. 1849–1909.
22. *Johnson D. M., Zlotnick C.* Hope for battered women with PTSD in domestic violence shelters // Professional Psychology: Research and Practice. — 2009. — Vol. 40 (3). — P. 234–241.
23. *Mills L.* Insult to injury. Rethinking our responses to intimate abuse. — Princeton : Princeton University Press, 2003. — 178 p.
24. *Mills L.* Killing Her Softly: Intimate Abuse and Violence of State Intervention // Harvard Law Review. — 1999. — No. 113. — P. 550–613.

25. *Murphy C. M., O'Leary K. D.* Psychological aggression predicts physical aggression in early marriage // *Journal of consulting and clinical psychology*. — 1989. — Vol. 57 (5). — P. 579–582.
26. *Pelican C.* On the Efficacy of Victim-Offender-Mediation in Cases of Partnership Violence in Austria, or: Men Don't Get Better, But Women Get Stronger: Is it Still True? // *European Journal on Criminal Policy and Research*. — 2010. — Vol. 16 (1). — P. 49–67.
27. *Rodriguez M. A., Shelton W. R., Rao N.* Abused patient's attitude about mandatory reporting of intimate partner abuse injuries to police // *Domestic violence and health care policies and prevention* / ed. by C. Reyes, W. J. Rudman, C. R. Hewitt. — New York : Haworth Medical Press, 2002.
28. *Ross L. E.* *Domestic Violence and Criminal Justice*. — New York : Routledge, 2018. — 212 p.
29. *Sherman L. W., Schmidt J. D., Rogan D. P., Smith D. A., Gartin P. R., Cohn E. G., Collins D. J., Bacich A. R.* The variable effects of arrest on criminal careers: the Milwaukee domestic violence experiment // *The Journal of criminal law and criminology*. — 1992. — Vol. 83. — No. 1. — P. 137–169.
30. *Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A.* Mediation and Domestic Violence: Theoretical Reflection on the Polish Background // *International Journal of Criminal Justice Sciences*. — 2018. — Vol. 13. — Iss. 2. — P. 356–369.
31. *Walker L. E.* *Battered Women: A Psychosociological Study of Domestic Violence*. — Harper & Row, 1979. — 270 p.
32. *Zorza J.* The criminal law of misdemeanor domestic violence, 1970–1990 // *Journal of Criminal Law and Criminology*. — 1992. — Vol. 83. — No. 1. — P. 46–72.

Материал поступил в редакцию 22 июня 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Antonyan Yu. M., Gorshkov I. V., Zulkarneev R. M., Saprunov A. G.* *Nasilie v seme / pod red. D. K. Nechevina*. — М.: VNII MVD Rossii, 1999. — 180 s.
2. *Vakulenko N. A., Achkasova M. G.* Aktualnye statistiko-kriminologicheskie parametry semeyno-bytovoy prestupnosti sovremennosti // *Yurist-Pravoved*. — 2022. — № 2 (101). — S. 90–95.
3. *Van Ness D. U.* Vosstanovitelnoe pravosudie i mezhdunarodnye prava cheloveka // *Vosstanovitelnoe pravosudie / pod red. I. L. Petrukhina*. — М.: Tsentр «Sudebno-pravovaya reforma», 2003. — S. 32–58.
4. *Domashnee nasilie po zakonodatelstvu zarubezhnykh stran: otvetstvennost i preventsiya / otv. red. kand. yurid. nauk N. A. Golovanova*. — М.: Yustitsinform, 2011. — 383 s.
5. *Kaminskiy E. S.* Prokurorskaya mediatsiya v Rossii: est li perspektivy? // *Rossiyskiy sudya*. — 2021. — № 3. — S. 25–29.
6. *Karnozova L. M.* *Vvedenie v vosstanovitelnoe pravosudie (mediatsiya v otvet na prestuplenie)*. — М.: Prospekt, 2022. — 264 s.
7. *Kelina S. G.* Vosstanovitelnoe pravosudie: ugovolno-pravovoy aspekt // *Vosstanovitelnoe pravosudie / pod red. I. L. Petrukhina*. — М.: Tsentр «Sudebno-pravovaya reforma», 2003. — S. 70–81.
8. *Kolpakova L. A.* *Nasilie v seme: viktimologicheskiy aspekt, differentsiatsiya otvetstvennosti i voprosy zakonodatelnoy tekhniki: dis. ... kand. yurid. nauk: 20.00.08*. — Kazan, 2007. — 232 s.
9. *Lysova A. V.* *Nasilie v seme — obekt sotsialnoy politiki v SShA // Sotsiologicheskie issledovaniya*. — 2005. — № 12. — S. 108–116.
10. *Lysova A. V., Shchitov N. G.* *Sistemy reagirovaniya na domashnee nasilie: opyt SShA // Sotsiologicheskiy zhurnal*. — 2003. — № 3. — S. 99–115.
11. *Mikhaylovich I.* *Problematika mediatsii v sluchayakh domashnego nasiliya // Kriminologicheskiy zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. — 2016. — T. 10. — № 2. — S. 280–288.

12. Ravnyushkin A. V. Risk-orientirovanny podkhod pri osushchestvlenii gosudarstvennogo nadzora (kontrolya), osushchestvlyаемого territorialnymi organami MVD Rossii: vopros rasshireniya sfery ego primeneniya // *Administrativnoe pravo i protsess*. — 2018. — № 11. — S. 20–24.
13. Smirnov A. M. O vozmozhnosti implementatsii alternativnoy protsedury uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika v sferu rossiyskikh ugovovno-pravovykh otnosheniy v svete rekomendatsii Komiteta ministrov Soveta Evropy po mediatsii v ugovovnykh delakh // *Ugovovno-ispolnitelnaya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie*. — 2016. — № 2. — S. 30–32.
14. Chernukhina L. S. Formy uchastiya korennykh narodov Severnoy Ameriki v otpravlenii pravosudiya // *Zhurnal rossiyskogo prava*. — 2014. — № 7. — S. 104–116.
15. Shakhov V. I. Nasilie v seme: ugovovno-pravovoe i kriminologicheskoe znachenie: dis. ... kand. yurid. nauk: 20.00.08. — Izhevsk, 2003. — 197 s.
16. Björkqvist K., Lagerspetz M. J., Kaukainen A. Do girls manipulate and boys fight? Developmental trends in regard to direct and indirect aggression // *Aggressive behavior*. — 1992. — No. 18. — P. 117–127.
17. Christie N. Conflicts as Property // *The British Journal of Criminology*. — 1977. — Vol. 17. — No. 1. — P. 1–15.
18. Ervasti K. Problem-solving justice in criminal and civil justice in Finland // *Utrecht Law Review*. — 2018. — Vol. 14. — Iss. 3. — P. 19–30.
19. Etsikovitz Z., Bushbinder E. Locked in a violent embrace: understanding and intervening in domestic violence. — Thousand Oaks, California: Sage, 2000. — 192 p.
20. Grillo T. The Mediation Alternative: Process Dangers for Women // *The Yale Law Journal*. — 1991. — Vol. 100 (6). — P. 1545–1610.
21. Hanna C. No right to choose: mandated victim participation in domestic violence prosecutions // *Harvard Law Review*. — 1996. — No. 109. — P. 1849–1909.
22. Johnson D. M., Zlotnick C. Hope for battered women with PTSD in domestic violence shelters // *Professional Psychology: Research and Practice*. — 2009. — Vol. 40 (3). — P. 234–241.
23. Mills L. Insult to injury. Rethinking our responses to intimate abuse. — Princeton: Princeton University Press, 2003. — 178 p.
24. Mills L. Killing Her Softly: Intimate Abuse and Violence of State Intervention // *Harvard Law Review*. — 1999. — No. 113. — P. 550–613.
25. Murphy C. M., O’Leary K. D. Psychological aggression predicts physical aggression in early marriage // *Journal of consulting and clinical psychology*. — 1989. — Vol. 57 (5). — P. 579–582.
26. Pelican C. On the Efficacy of Victim-Offender-Mediation in Cases of Partnership Violence in Austria, or: Men Don’t Get Better, But Women Get Stronger: Is it Still True? // *European Journal on Criminal Policy and Research*. — 2010. — Vol. 16 (1). — P. 49–67.
27. Rodriguez M. A., Shelton W. R., Rao N. Abused patient’s attitude about mandatory reporting of intimate partner abuse injuries to police // *Domestic violence and health care policies and prevention* / ed. by S. Reyes, W. J. Rudman, C. R. Hewitt. — New York: Haworth Medical Press, 2002.
28. Ross L. E. Domestic Violence and Criminal Justice. — New York: Routledge, 2018. — 212 p.
29. Sherman L. W., Schmidt J. D., Rogan D. P., Smith D. A., Gartin P. R., Cohn E. G., Collins D. J., Bacich A. R. The variable effects of arrest on criminal careers: the Milwaukee domestic violence experiment // *The Journal of criminal law and criminology*. — 1992. — Vol. 83. — No. 1. — P. 137–169.
30. Sitarz O., Bek D., Jaworska-Wieloch A. Mediation and Domestic Violence: Theoretical Reflection on the Polish Background // *International Journal of Criminal Justice Sciences*. — 2018. — Vol. 13. — Iss. 2. — P. 356–369.
31. Walker L. E. Battered Women: A Psychosociological Study of Domestic Violence. — Harper & Row, 1979. — 270 p.
32. Zorza J. The criminal law of misdemeanor domestic violence, 1970–1990 // *Journal of Criminal Law and Criminology*. — 1992. — Vol. 83. — No. 1. — P. 46–72.

Роль прокурора в работе большого жюри в США: манипуляция правосудием

Аннотация. В статье исследуется роль прокурора в работе большого жюри (grand jury) в уголовном процессе США, рассматриваются исторические аспекты становления данного института, его современные функции и проблемы практического применения. Особое внимание уделено трансформации первоначальной идеи большого жюри как независимого органа общественного контроля («власть щита») в инструмент обвинительной власти («власть меча»), что во многом обусловлено доминированием прокурора в его деятельности. Анализ американских судебных прецедентов (United States v. Calandra, United States v. Dionisio, In re Grand Jury Subpoena (Judith Miller) и др.), а также статистических данных Министерства юстиции США показал, что в подавляющем большинстве случаев (около 97 %) решения большого жюри совпадают с позицией прокурора. Впервые всесторонне рассматриваются вопросы следственных полномочий прокурора и его взаимодействия с большим жюри. Автор приходит к заключению, что такая зависимость органа, задуманного как барьер против произвола, от обвинительной власти нарушает баланс интересов защиты и обвинения. Сравнение американской модели с континентальной традицией, не разрешающей использовать недопустимые доказательства, позволяет критически оценить эффективность и справедливость исследуемого института. Делается вывод о том, что чрезмерная концентрация полномочий в руках прокурора ведет к деформации принципа справедливости и существенному ограничению возможностей граждан в реализации права на судебную защиту.

Ключевые слова: уголовный процесс США; прокурор; большое жюри; следственные полномочия прокурора; дискреция прокурора; допустимость доказательств; доступ к правосудию; сделка о признании вины; манипуляция правосудием; принудительный допрос

Для цитирования: Гуканов А. В. Роль прокурора в работе большого жюри в США: манипуляция правосудием // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 3. — С. 169–181. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.169-181

© Гуканов А. В., 2026

* Гуканов Александр Викторович, аспирант, преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, адвокат, управляющий партнер АБ «ПромБизнесКонсалтинг»

22-я линия Васильевского острова, д. 7, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199106
a.gukanov@prombk.com

The Role of the Prosecutor in the Work of the Grand Jury in the United States: Manipulation of Justice

Alexander V. Gukanov, Postgraduate Student, Lecturer, Department of Criminal Procedure and Forensic Science, Faculty of Law, St. Petersburg State University, Lawyer, Managing Partner, PromBusinessConsulting Law Firm, St. Petersburg, Russian Federation
a.gukanov@prombk.com

Abstract. The paper examines the role of the prosecutor in the work of the grand jury in the criminal procedure in the United States, considers the historical aspects of the formation of this institution, its modern functions and problems of practical application. Particular attention is given to the transformation of the original idea of the grand jury as an independent body of public control («the power of the shield») into an instrument of prosecutorial power («the power of the sword»), which is largely due to the dominance of the prosecutor in its activities. An analysis of American judicial precedents (United States v. Calandra, United States v. Dionisio, In re Grand Jury Subpoena (Judith Miller), etc.), as well as statistical data from the US Department of Justice, showed that in the overwhelming majority of cases (about 97 %), the decisions of the grand jury coincide with the position of the prosecutor. For the first time, the prosecutor's investigative powers and his interaction with the grand jury are examined in detail. The author concludes that such dependence of a body conceived as a barrier against arbitrariness on the prosecutorial power violates the balance of interests of the defense and the prosecution. Comparing the American model with the continental tradition, which does not permit the use of inadmissible evidence, allows us to critically evaluate the effectiveness and fairness of the institution under study. It is concluded that excessive concentration of powers in the hands of the prosecutor leads to a distortion of the principle of justice and a significant limitation of the ability of citizens to exercise the right to judicial protection.

Keywords: US criminal procedure; prosecutor; grand jury; prosecutorial investigative powers; prosecutorial discretion; admissibility of evidence; access to justice; plea bargaining; manipulation of justice; coercive interrogation

Cite as: Gukanov AV. The Role of the Prosecutor in the Work of the Grand Jury in the United States: Manipulation of Justice. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(3):169-181. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.184.3.169-181

В отечественной уголовно-процессуальной науке роль прокурора в работе большого жюри (grand jury), следственные полномочия прокурора в США, а также функции большого жюри и их взаимодействие на досудебном этапе американского уголовного процесса (на стадии предварительного производства) не подвергались специальному исследованию. Академическая литература, как правило, ограничивается описанием лишь общих черт полномочий прокурора, уделяя основное внимание тем из них, которые связаны с предъявлением обвинения и заключением сделок о признании вины (plea bargaining).

Вместе с тем деятельность большого жюри, осуществляемая при активном участии прокурора, является значимой частью всего предварительного производства по уголовным делам в США, которое давно уже превратилось, по сути, в единственную стадию американского уголовного процесса¹. Согласно отчету Американской ассоциации юристов за 2023 г., а также статье периодического новостного издания, подготовленной одним из составителей указанного отчета Кэрри Джонсон, подавляющее большинство уголовных дел заканчиваются сделками по признанию вины, доля которых от общего количества дел составляет 98 %².

¹ Отчет Американской ассоциации юристов за 2023 г. // URL: https://www.americanbar.org/groups/criminal_justice/committees/taskforces/plea_bargain_tf/.

² Johnson C. The vast majority of criminal cases end in plea bargains, a new report finds // URL: <https://www.ctpublic.org/2023-02-22/the-vast-majority-of-criminal-cases-end-in-plea-bargains-a-new-report-finds>.

Институт большого жури, присущий исключительно американской правовой системе, представляет собой уникальный и независимый элемент процедуры уголовного правосудия — коллегиальный полифункциональный орган общественного контроля на досудебной стадии, осуществляющий надзор за действиями прокурора, а также наделенный следственными полномочиями по возбуждению уголовного дела, сбору доказательств, выдвигению обвинения и прекращению уголовного преследования, при этом не относящийся ни к правоохранительным, ни к судебным органам власти.

Сохранив архаичную структуру и методы работы, институт большого жури продолжает существовать даже при том, что в других странах общего права аналогичные формы отправления правосудия были упразднены в ходе эволюции правовых систем³.

Пятая поправка к Конституции США закрепила гарантию, согласно которой ни одно лицо не может быть привлечено к ответственности за совершение федеральных тяжких преступлений без решения большого жури, тем самым определив исключительную форму расследования уголовных дел данной категории с обязательным участием этого органа. Аналогичные правила участия большого жури в расследовании

по тяжким преступлениям, не отнесенным к федеральным, а также по уголовным делам о коррупционных нарушениях либо имеющим политический аспект приняты также в подавляющем большинстве штатов⁴.

Большое жури — это орган, наделенный в первую очередь правом решать, обвинять или не обвинять человека в совершении преступления⁵, состоящий из 16–23 граждан, не являющихся профессиональными юристами, по аналогии с обычными присяжными, участвующими в рассмотрении уголовного дела судом по существу⁶. Иногда его также называют «жури расследования» (*investigatory juries*) или «жури обвинения» (*juries of accusation*). Целью большого жури является предотвращение злоупотребления прокурорскими полномочиями при обвинении лиц, подвергаемых уголовному преследованию; ему предоставляется возможность изучить представленные прокурором доказательства и решить, существуют ли достаточные основания (*probable cause*) для предъявления обвинения⁷. В американской научной литературе такую функцию большого жури часто называют «власть щита» (*shield power*).

В то же время у большого жури есть и вторая роль (следственные функции, позволяющие активно противодействовать преступности, осуще-

³ Хотя доктринально в современном мире институт большого жури связывают исключительно с американским правовым порядком, он также продолжает функционировать на некоторых неинкорпорированных территориях под юрисдикцией США (Американских Виргинских островах, Гуаме и Пуэрто-Рико), а также в Либерии — государстве, исторически и политически тесно связанном с Соединенными Штатами Америки.

⁴ В штатах Коннектикут и Пенсильвания институт большого жури фактически упразднен и может применяться только по делам коррупционного или политического характера. В этих штатах прокурор для предъявления обвинения и проверки достаточности доказательств обращается в суд в рамках предварительного слушания.

⁵ *Kamisar Y. et al. Modern Criminal Procedure: Cases, Comments, Questions. 13th ed. St. Paul : West Academic Publishing, 2012.*

⁶ *Federal Rules of Criminal Procedure, Rule 6(a)(1) // United States Code.*

Данное правило регулирует состав и функции большого жури на федеральном уровне, описывая процесс его создания и участия в уголовных делах. Однако в системах штатов правила могут значительно различаться в плане как состава жури, так и процедур.

⁷ Достаточные основания (*probable cause*) для предъявления обвинения — это правовой стандарт, регулирующий обоснованность действий правоохранительных органов, основанный на положениях Четвертой поправки к Конституции США и далее подробно истолкованный в ряде решений Верховного суда США,

ствлять сбор доказательств и выдвигать обвинения), именуемая «властью меча» (sword power)⁸. Однако с учетом того, что главенствующая роль в работе большого жюри принадлежит прокурору, следственные полномочия этого органа на практике фактически реализуются прокурором.

Исторически институт большого жюри в США восходит к английской правовой системе; он был задуман как средство защиты людей от судебных преследований или политически мотивированных обвинений, направленных против тех, кто не пользуется поддержкой властей или общественного большинства⁹. Предполагалось, что большое жюри функционирует как орган, состоящий из местных жителей, который помогает государству привлекать преступников к ответственности, одновременно защищая невиновных от несправедливых обвинений. Однако как большое жюри, так и институт уголовного преследования утратили свою первоначальную роль и всё чаще стали подвергаться манипуляциям и злоупотреблениям. Большое количество исследований показывают, что большое жюри, хотя и создавалось с публично значимыми целями, фактически превратилось в «резинный штамп»¹⁰, без разбора санкционирующий решения прокурора и не выполняющий функцию сдерживания его власти, как того требует закон¹¹.

В лучшем случае присяжные являются пассивными субъектами, деятельность которых ослабляет эффективность системы уголовного

судопроизводства и приводит к ненужному расходованию федеральных средств. В худшем случае само наличие института большого жюри лишь формально поддерживает иллюзию общественного мнения, способствуя росту прокурорских злоупотреблений¹².

Доминирующая тенденция в поведении прокурора демонстрирует историческую трансформацию членов большого жюри присяжных из когда-то активных и даже агрессивных в слабых и пассивных судей, полностью зависимых от прокуроров¹³.

Взаимодействие прокурора с большим жюри происходит в подавляющем большинстве случаев в период перехода расследования от секретных, тайных действий к публично-правовым, которые начинаются после подачи обращения сотрудником правоохранительных органов (например, полицейским или агентом ФБР) или прокурором заявления о преступлении (complaint) — документа, выполняющего роль первоначального (предварительного) обвинения и служащего основанием для выдачи судом ордера на арест, санкции на обыск помещений или повестки для явки подозреваемого в суд. Исключением являются лишь ситуации, когда расследование уголовного дела ведется тайно (в закрытом, секретном режиме) и начинается до задержания лица, совершившего преступление.

После доставления подозреваемого в магистратский суд¹⁴ и разъяснения ему сути перво-

включая дело *Illinois v. Gates* (1983), который требует наличия достаточных доказательств, указывающих на то, что лицо, вероятно, совершило преступление.

⁸ *Kamisar Y. et al.* Op. cit.

⁹ *Alexander R. P., Portman S.* Grand Jury Indictment Versus Prosecution by Information — An Equal Protection-Due Process Issue // *Hastings Law Journal*. 1974. Vol. 25. P. 998.

¹⁰ В американской литературе метафорическое выражение «резинная печать» (rubber stamp) в указанном контексте означает, что большое жюри фактически утратило свою независимость и выполняет лишь формальную функцию, т.е. стало инструментом, который просто «штампует» решения, предложенные прокуратурой.

¹¹ *Morse W.* A Survey of the Grand Jury System // *Oregon Law Review*. 1931. Vol. 10. P. 101–363.

¹² *Brenner S. W.* The Voice of the Community: A Case for Grand Jury Independence // *Virginia Journal of Social Policy and the Law*. 1995. Vol. 3. No. 1. P. 67–95.

¹³ *Brenner S. W.* Op. cit. P. 67.

¹⁴ В США названия низших судебных инстанций варьируются в зависимости от штатов. Например, в Теннесси и Южной Каролине такие суды называются General Sessions Court, в Калифорнии и Нью-Джерси —

начального обвинения у прокурора имеются два варианта:

1) направить уголовное дело для дальнейшего расследования и утверждения обвинительного акта (indictment) большому жюри. При этом необходимо учитывать, что уголовные дела по преступлениям федерального уровня направляются большому жюри в любом случае. Что касается преступлений, находящихся в юрисдикции штата, то по таким делам большинство штатов позволяют прокурору самостоятельно решать, направлять ли дело большому жюри;

2) подготовить самостоятельно обвинительное заключение (information) и направить его на стадию предварительного слушания для утверждения его судом.

Важно отметить, что в случае утверждения обвинительного акта (indictment) большим жюри судья на стадии предварительного слушания не проверяет его обоснованность, поскольку считается, что «голос народа» уже выполнил эту функцию, однако дело с обвинительным заключением (information), напротив, подлежит тщательной проверке судом, в рамках которой судья вправе снять все обвинения.

Сложно не согласиться с тем, что такая система американской модели правосудия, когда собранные доказательства являются неубедительными для успешного прохождения судебного контроля, создает риски манипуляции уголовным процессом со стороны прокурора.

В уголовном деле *State v. Dixon*¹⁵ рассматривался вопрос о праве прокурора после признания судом недопустимыми доказательств и признания незаконными предъявленных обвинений в рамках предварительного судебного слушания повторно обратиться к большому жюри, фактически обойдя судью, и добиться

нового предъявления обвинения на основе тех же недопустимых доказательств. В данном деле защита подала в мировой суд (General Sessions Court) ходатайство об исключении доказательств — окурков марихуаны, указав, что они были получены с нарушением Четвертой поправки, запрещающей незаконные обыски. Суд удовлетворил ходатайство, исключил указанные доказательства и снял обвинения в перевозке наркотических средств. Прокуратура, не согласившись с этим решением, обратилась к большому жюри, представила недопустимые доказательства, в результате чего присяжные одобрили повторное предъявление обвинения в перевозке наркотиков¹⁶.

В свете возможности использования прокурором недопустимых доказательств перед федеральными присяжными большого жюри для формирования обвинения интересна позиция Верховного суда США, который, рассматривая дело *United States v. Calandra*, указал, что доктрина «исключения», не позволяющая использовать в ходе судебного разбирательства доказательства, полученные в результате незаконного обыска или ареста, не распространяется на работу большого жюри. Суд отметил, что использование доказательств, полученных незаконным путем, не должно мешать эффективной работе большого жюри при расследовании преступлений¹⁷.

Большинство штатов, придерживаясь федерального подхода, также разрешают своим «большим присяжным» рассматривать доказательства, полученные незаконным путем¹⁸. Однако некоторые из них, вопреки общей тенденции, устанавливают собственные правила рассмотрения дел с участием большого жюри, которые в силу американской специфики феде-

Municipal Court, а в Джорджии и Западной Вирджинии — Magistrate Court. В отечественной научной литературе их обычно именуют судами низшей инстанции или судами с ограниченной юрисдикцией. Иногда используется термин «мировые суды» по аналогии с российской судебной системой. Однако наиболее часто встречается общее понятие «магистратский суд» («судья-магистрат», «магистрат»).

¹⁵ *State v. Dixon*, 880 S.W.2d 696 (Tenn. Crim. App. 1992).

¹⁶ 880 S.W.2d 696 (Tenn. Crim. App. 1992).

¹⁷ *United States v. Calandra*, 414 U.S. 338 (1974).

¹⁸ Прецеденты на уровне штатов подтверждают, что доктрина исключения доказательств (exclusionary rule), как правило, не применяется в работе большого жюри, позволяя ему для предъявления обвине-

рализма и правопорядка на конституционном уровне штатов и законов могут предоставлять более высокую степень защиты прав обвиняемых, чем федеральное законодательство, требуя, чтобы большое жюри использовало только доказательства, полученные законным путем, тем самым предоставляя обвиняемым дополнительные механизмы защиты от злоупотреблений властных участников уголовного процесса: «Прежде чем большое жюри может проголосовать за утверждение обвинительного акта, обвиняющего в совершении преступления... оно должно быть убеждено на основании законных доказательств в том, что преступление... действительно было совершено...»¹⁹.

Описанная позиция Верховного суда США и большинства штатов демонстрирует, что в вопросе баланса интересов подозреваемого и защиты его конституционных прав они отдают приоритет обеспечению эффективного расследования. И те немногочисленные штаты, которые придерживаются иного мнения, близкого к континентальной системе права, не приемлющей использования опороченных доказательств в вопросах установления вины обвиняемого, скорее являются исключением, а не отражением общей тенденции.

В повседневной работе большого жюри имеется одна характерная особенность — практически неограниченный контроль прокурора над

его деятельностью. Как правило, присяжные большого жюри остаются пассивными: именно прокурор созывает большое жюри, руководит процессом слушаний, принимает решение о том, какие необходимо получить доказательства по делу, допрашивает вызванных свидетелей и составляет обвинительное заключение²⁰. Члены большого жюри не являются профессионалами в области уголовного процесса; из-за недостатка юридических знаний и опыта им фактически приходится лишь наблюдать за происходящим, принимая решения на основе указаний доминирующего над ними прокурора. Вместе с тем законодательство не предусматривает положений, позволяющих присяжным в ходе разбирательства получать дополнительную помощь или независимые консультации юристов, а потому они вынуждены во всех вопросах полагаться только на прокурора²¹.

В этом смысле интересным является пример штата Гавайи, уникальность которого состоит в том, что влияние прокурора на жюри ограничено предоставлением им собственного независимого адвоката для разъяснения правовых вопросов²².

Помимо прокурора, с присяжными контактирует только судья, который приводит их к присяге, разъясняет их обязанности и помогает им при вызове свидетелей для дачи показаний, однако сам в ходе их слушаний не участвует²³.

ний использовать доказательства, полученные незаконным путем. См., например: *People v. DeLaire*, 610 N.E.2d 1277, 1283 (Ill. App. Ct.) ; *Commonwealth v. Santaniello*, 341 N.E.2d 259, 260–261 (Mass. 1976) ; *State v. Dixon*, 880 S.W.2d 696 (Tenn. Crim. App. 1992).

¹⁹ *New Mexico Statutes 1978 Annotated*. Vol. 6. Official Publication of the State of New Mexico. New Mexico Compilation Commission, 2022. § 31-6-10. P. 1392–1393 («Before the grand jury may vote an indictment charging an offense... it must be satisfied from the lawful evidence before it that an offense... has been committed...»). См. также: *Arkansas Code of 1987 Annotated*. Official Edition. Vol. 15. LexisNexis, 2005. § 16-85-511. P. 525. Названное положение до 2005 г. прямо указывало, что большое жюри штата Арканзас может рассматривать только законные доказательства («The grand jury can receive none but legal evidence»).

²⁰ *Dressler J., Thomas G. C. Criminal Procedure: Principles, Policies and Perspectives*. 3rd ed. St. Paul : Thomson/West, 2003.

²¹ *Schiappa S. M. Preserving the Autonomy and Function of the Grand Jury // Catholic University Law Review*. 1993. Vol. 43. P. 311–350.

²² *Hawaii Constitution*. Article I, § 11 («Whenever a grand jury is impaneled, there shall be an independent counsel appointed as provided by law to advise the members of the grand jury regarding matters brought before it»).

²³ *Miller M. L., Wright R. F. Criminal Procedures: The Police*. New York : Aspen Publishers, 2007. P. 725.

и никаким образом не осуществляет судебный контроль за обоснованностью и правомерностью действий как прокурора, так и самого жюри.

Известные отечественные исследователи-компаративисты К. Ф. Гуценко, Л. В. Головки, Б. А. Филимонов в своем труде об уголовном процессе западных государств объяснили пассивность американского суда тем, что, согласно теоретической концепции уголовного процесса США, суд представляется неким беспристрастным и полностью пассивным посредником, который только контролирует соблюдение сторонами правил ведения спора и решает на основании представленных ему доказательств и аргументов вопросы установления вины подсудимого и определения наказания. Все иные аспекты (противодействие преступности, обеспечение защиты прав обвиняемого и содействие в их реализации) считаются выходящими за пределы его компетенции.

Такая (преимущественно теоретическая) конструкция уголовного процесса, хотя и не в полной мере отражающая реальную практику американского правового порядка, активно декларируется судами в их решениях для обоснования своего пассивного отношения к поведению органов расследования на досудебной стадии уголовного процесса, оправдывая необходимость их участия только в вопросах ограждения конституционных прав граждан от наиболее грубых и произвольных действий органов расследования. Представленный подход к соблюдению баланса интересов защиты и обвинения формирует крайне размытые очертания содержания функций суда²⁴, чья способность быть всемогущим и беспристрастным «спасителем» от злоупотреблений исполнительной власти государства остается под вопросом.

В этом контексте особое положение прокурора в работе большого жюри при полной отстраненности суда от вмешательства в его деятельность усиливает доминирующую роль прокурора и накладывает на него значительные этические обязанности по соблюдению прав обвиняемых.

Одной из характерных черт работы большого жюри, создающих условия для полного прокурорского контроля за его действиями, является секретность (закрытость) разбирательства, проводимого большим жюри²⁵. К участию в таком разбирательстве присяжных допускаются только прокуроры, свидетели, переводчики и эксперты²⁶. При этом ни сторона защиты, ни жертва преступления не имеют права присутствовать на заседаниях большого жюри, из-за чего создается ситуация, при которой только одна точка зрения — прокурора — доводится до сведения присяжных.

Такая секретность, присущая заседаниям большого жюри, предоставляет еще одну возможность для прокурорских злоупотреблений и контроля. Изолируя процесс от надзора общественности и суда, правила секретности ограждают присяжных от альтернативных источников информации и дают прокурорам возможность без какой-либо цензуры влиять на умы присяжных и уговаривать их принимать необходимые решения²⁷. Более того, для соблюдения конфиденциальности и защиты информации, связанных с работой большого жюри, все записи, протоколы заседаний жюри, принимаемые ими решения при осуществлении расследования не подлежат разглашению²⁸.

Без предварительного разрешения суда доказательства, представленные большому жюри, могут быть раскрыты исключительно прокурорам и членам большого жюри по другим уго-

²⁴ Гуценко К. Ф., Головки Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств: учеб. пособие / под ред. К. Ф. Гуценко; Московский гос. ун-т имени М.В.Ломоносова. Юрид. фак. 2-е изд., доп. и испр. М.: Зерцало-М, 2002. С. 167–168.

²⁵ Federal Rules of Criminal Procedure. Rule 6(e)(2).

²⁶ Federal Rules of Criminal Procedure. Rule 6(d)(1).

²⁷ Brenner S. W. Op. cit. P. 74.

²⁸ Federal Rules of Criminal Procedure. Rule 6(e)(6).

ловным делам. При этом для передачи информации иным правоохранительным органам или для использования в рамках собственного судебного разбирательства требуется одобрение суда²⁹.

Верховный суд США в качестве одной из основных причин введения полной секретности (тайны, закрытости) такого разбирательства назвал необходимость обеспечения защиты репутации лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело, особенно в случаях, когда необходимость в предъявлении обвинения отпала либо уголовное преследование в отношении данного лица прекращено³⁰.

Секретность большого жюри в уголовном процессе США также призвана обеспечивать максимальную свободу присяжных в обсуждениях в ходе разбирательства, предотвращать утечку информации, которая могла бы привести к уничтожению доказательств, запугиванию свидетелей или уклонению подозреваемых от привлечения к ответственности. Кроме того, конфиденциальность защищает членов большого жюри от внешнего влияния, включая возможные нападения со стороны общественности, как это иногда происходит с членами обычного жюри после вынесения непопулярных решений, или от мести заинтересованных в исходе дела лиц³¹.

Несмотря на вышесказанное, институциональная анонимность большого жюри позволяет прокурорам только усиливать контроль над присяжными и навязывать им свою волю для решения необходимых задач.

Наиболее полезной такая форма взаимодействия для прокурора с большим жюри проявляется в рамках его следственных функций, когда по требованию прокурора используются особые полномочия жюри для получения доказательств, которые правоохранительные органы не способны получить самостоятельно.

Одним из главных механизмов, доступных большому жюри, является право выдавать повестки, обладающие юридической силой принуждения для обеспечения явки свидетелей и предоставления документов под угрозой уголовной ответственности. Неявка в большое жюри для дачи показаний или отказ от предоставления необходимых сведений рассматриваются как преступное неуважение к суду, которое может повлечь наказание в виде лишения свободы.

Полномочия большого жюри по сбору доказательств достаточно широки и включают также возможность требовать от свидетелей, в том числе и подозреваемого, предоставления доказательств, не связанных с показаниями, таких как образцы почерка и отпечатки пальцев³².

Право большого жюри вызывать свидетелей — один из самых эффективных способов получить от них принудительно информацию на рассматриваемой стадии уголовного процесса. При этом важным элементом такого допроса являются правила, запрещающие присутствие адвоката, причем независимо от того, в каком процессуальном статусе находится допрашиваемое лицо — свидетеля или подозреваемого. Ни полиция, ни прокурор, в отличие от присяжных, не обладают правом выдавать повестки или иным образом принуждать свидетелей или потерпевших, отказывающихся давать показания. Согласно правилу 17 Федеральных правил уголовного судопроизводства США только суд или большое жюри могут выдать повестки с юридической силой принуждения. Прокурор или полиция сами по себе такого права не имеют³³. Американские правила расследования (в отличие от российского подхода, позволяющего следователю вызвать и допросить свидетеля помимо его воли под страхом привлечения к уголовной ответственности) не разрешают полиции и прокуратуре без добровольного согласия

²⁹ Federal Rules of Criminal Procedure. Rule 6(e)(2)–(3).

³⁰ Douglas Oil Co. v. Petrol Stops Northwest, 441 U.S. 211 (1979).

³¹ Advisory Committee Notes to Rule 6(e) of the Federal Rules of Criminal Procedure.

³² United States v. Dionisio, 410 U.S. 1 (1973).

³³ Federal Rules of Criminal Procedure. Rule 17.

свидетеля осуществить его допрос. Любое принудительное появление свидетеля в полицейском участке означает, что он фактически был задержан, и, следовательно, ему должно быть предоставлено право на участие в допросе адвоката. Такая система, безусловно, ограничивает возможности правоохранительных органов по доказыванию, поскольку не все потенциальные свидетели готовы добровольно поделиться необходимой информацией³⁴, а потому одним из действенных способов принудить свидетеля дать показания является его вызов по повестке в рамках расследования большим жюри.

Уголовно-процессуальное законодательство США предусматривает ряд оснований для отказа большому жюри в предоставлении документов или в даче ему показаний. Наиболее часто применимым исключением является «привилегия» против самообвинения, закрепленная в Пятой поправке к Конституции США, которая гласит, что никто не может быть «принужден к даче показаний против самого себя». Следовательно, такое лицо может отказаться давать показания перед большим жюри, если оно действительно верит, что его ответы могут привести к самообвинению или к обнаружению доказательств преступления, за которое его могут привлечь к ответственности³⁵.

Участник разбирательства, вызванный к присяжным, также может отказаться от предоставления иных, не связанных с показаниями сведений в ответ на повестку большого жюри, если он сможет доказать, что факт предоставления документов будет равнозначен самообвинению. При этом интересен американский подход к изъятию образцов для сравнительного исследования, который, в отличие от российского правоприменения, позволяющего защи-

тись гарантией, предусмотренной статьей 51 Конституции РФ, не предоставлять доказательства в любом виде против самого себя, своего супруга и близких родственников³⁶, исходит из позиции, утвержденной решением Верховного суда США, постановившего, что предоставление образцов почерка, голоса или отпечатков пальцев не относится к категории доказательств, требующих волеизъявления со стороны лица, подвергнутого такой следственной процедуре, а значит, не нарушает запрет на принуждение к даче показаний против себя³⁷.

В тех случаях, когда субъект, получивший повестку, всё же отказывается удовлетворить требования присяжных, прокурор, пользуясь своей властью, может применить к такому лицу определенные меры процессуального воздействия.

Американское законодательство позволяет прокурору принуждать свидетеля к даче показаний или предоставлению документов, несмотря на наличие привилегии от самообвинения, при условии что государство обязуется не привлекать такое лицо к ответственности за преступления, о которых оно сообщило, поэтому если прокурор посчитает, что отказ обоснован указанной привилегией, то он может тем не менее попытаться принудить к выполнению содержащихся в повестке требований, предоставив иммунитет от уголовного преследования. Если же прокурор считает отказ необоснованным, он может обратиться в суд с просьбой выполнить требования повестки, а при игнорировании ее привлечь нарушителя к уголовной ответственности за неуважение к суду. В этом случае бремя доказывания законности отказа ложится на лицо, получившее повестку. При вынесении судом приказа о выполнении требования повестки лицо, продолжающее уклоняться от

³⁴ *Kremens K. Grand Jury and Involvement of Citizens in Criminal Proceedings in the Light of U.S. v. P. Manafort and R. Gates // Ius Novum. 2019. Vol. 13. P. 241–264.*

³⁵ *Manella N. M. The Role of the Prosecutor in the American Federal Criminal Justice System // Resource Material Series. No. 53. United Nations Asia and Far East Institute for the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (UNAFEI), 1998. P. 146.*

³⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 265 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Шевякова».

³⁷ *United States v. Dionisio, 410 U.S. 1 (1973) ; United States v. Mara, 410 U.S. 19 (1973).*

предоставления необходимых сведений, может быть привлечено к уголовной ответственности за неуважение к суду.

Еще одной важной привилегией, часто обсуждаемой в контексте вызова свидетелей для участия в разбирательстве большого жюри, является профессиональная привилегия (адвокатская, журналистская, врачебная, тайна исповеди), что защищает определенные сферы общественной деятельности, включая право журналистов не раскрывать свои источники, и играет важную роль в охране таких принципов, как свобода прессы, закрепленная Первой поправкой к Конституции США. Однако пределы действия этих принципов на практике не определены достаточно однозначно.

Одним из ярких примеров такой неоднозначности является дело *In re Grand Jury Subpoena (Judith Miller)* в отношении журналистки Джудит Миллер, которая отказалась раскрыть источники информации большому жюри, расследующему утечку персональных данных агента ЦРУ. Миллер утверждала, что раскрытие источников нарушает журналистскую привилегию и свободу прессы. Однако апелляционный суд постановил, что журналисты не обладают абсолютной привилегией, освобождающей их от дачи показаний большому жюри, подчеркнув, что в рамках уголовных расследований получение свидетельских показаний имеет приоритет, особенно в делах, где речь идет о государственной безопасности³⁸.

С точки зрения эффективности расследования и контроля над преступностью следственные функции большого жюри предоставляют несомненное преимущество для уголовного преследования, позволяя не только получать доказательства без предварительного судебного одобрения, но и преодолевать конституционные запреты. А поскольку в процессе работы большого жюри самую важную роль играет

прокурор, то его следственные полномочия фактически становятся господствующими над полномочиями присяжных.

По итогам расследования жюри должно выполнить одну из самых важных своих функций — принять решение о наличии достаточных оснований для предъявления обвинений и утвердить представленный прокурором текст обвинительного заключения либо в случае недостаточности доказательств вынести решение не предъявлять обвинение, прекратив уголовное дело.

В этом контексте объем доказательств, представляемых большому жюри, становится принципиально важным вопросом, и, поскольку разбирательство в большом жюри не носит состязательного характера и не является «малым судебным процессом», подобным обычному суду присяжных, оно основывается исключительно на доказательствах, представленных прокурором. При этом ни подозреваемый, ни его защитник не имеют права участвовать в заседаниях большого жюри или представлять свои доказательства³⁹.

Критика, направленная в адрес большого жюри, в основном сосредоточена на том, что оно больше не отвечает своей исторической миссии независимого органа правосудия, созданного для защиты граждан от злоупотреблений властей. О том, что прокурор имеет исключительную власть над присяжными большого жюри, можно судить также по одному из наиболее часто цитируемых высказываний: «Большое жюри предъявит обвинение бутерброду с ветчиной, если прокурор попросит его об этом»⁴⁰.

По статистике, большое жюри крайне редко принимает решения, противоречащие намерениям прокурора. Согласно ежегодным отчетам Министерства юстиции США, прокуроры добиваются утверждения обвинительного заключения практически в 97 % случаев⁴¹.

³⁸ *In re Grand Jury Subpoena (Judith Miller)*, 438 F.3d 1141 (D. C. Cir., 2006).

³⁹ *Scheb J. M., Scheb J. M. II. Criminal Procedure*. 1th ed. Belmont : Wadsworth, 1999. P. 134.

⁴⁰ Интервью председателя Апелляционного суда штата Нью-Йорк С. Вахтлера американскому новостному изданию *New York Daily News* (1985. 31 Jan. P. 3).

⁴¹ *Annual Statistical Reports* // URL: https://www.justice.gov/usao/resources/annual-statistical-reports?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 01.09.2025).

В часто упоминаемом в американской юридической литературе деле *United States v. Dionisio* судья Верховного суда США Стюарт признал, что «большое жюри не всегда может выполнять свою историческую роль защитного барьера, прочно стоящего между обычным гражданином и чрезмерно усердным прокурором»⁴². Еще больше обеспокоенности по поводу жизнеспособности большого жюри можно найти в особых мнениях судей Уильяма О. Дугласа и Тэргуда Маршалла. Судья Дуглас отметил: «Действительно, общеизвестно, что большое жюри, задуманное как барьер между гражданином и правительством, теперь стало инструментом исполнительной власти»⁴³.

С того момента, когда Верховный суд США впервые выразил обеспокоенность чрезмерной властью прокурора над фактически марионеточным институтом большого жюри, превратившегося в инструмент достижения обвинительных целей, прошло более 50 лет, однако до сих пор не предпринято никаких значимых шагов для изменения ситуации.

Казалось бы, избыточно усердные действия прокурора могли бы быть компенсированы за счет судебного разбирательства в состязательной борьбе между защитой и обвинением, где недопустимые доказательства, на основе которых большое жюри выдвигало обвинение, уже не будут иметь юридической силы, однако на практике все выглядит иначе.

Конституция США гарантирует обвиняемым в совершении преступления право на судебное разбирательство, в ходе которого государство

должно доказать их вину вне всяких сомнений. Тем не менее в современной американской уголовно-процессуальной системе судебные разбирательства стали весьма редкими⁴⁴. Как уже было указано выше, согласно отчету Американской ассоциации адвокатов за 2023 г.⁴⁵, подавляющее большинство уголовных дел заканчиваются досудебными соглашениями о признании вины, доля которых от общего количества дел составляет 98 %, т.е. только 2 % уголовных дел проходят процедуру публичного судебного разбирательства⁴⁶. Согласно исследованиям Pew Research Center, в некоторых юрисдикциях уже многие годы вообще не проводятся судебные разбирательства по уголовным делам — все уголовные дела разрешаются путем сделки с прокурором о признании вины⁴⁷. При этом правоприменительная практика демонстрирует достаточно суровое отношение к тем, кто отказывается признавать вину. В отчете приводится пример, когда обвиняемый отказался от предложения прокурора признать вину с последующим назначением наказания в виде 10 лет лишения свободы; при этом после вынесения приговора ему было назначено наказание в виде 40 лет лишения свободы. Приведенные исследования показывают, что те обвиняемые, которые воспользовались своим правом на судебное разбирательство, получили наказание в виде лишения свободы на 64 % суровее, чем те, кто признал вину на досудебной стадии⁴⁸.

Согласно данным американского Национального реестра неправомерно осужденных, с 1989 г. выявлено 2 754 случая вынесения

⁴² *Alexander R. P., Portman S. Grand Jury Indictment Versus Prosecution by Information — A Problem in Equal Protection and Due Process // Hastings Law Journal. 1974. Vol. 25. No. 4. P. 997–1016 (1998) ; United States v. Dionisio, 410 U.S. 1, 17 (1973).*

⁴³ *United States v. Dionisio, 410 U.S. 1, 23 (1973).*

⁴⁴ *The New York State Trial Penalty: The Constitutional Right to Trial under Attack / New York State Association of Criminal Defense Lawyers, National Association of Criminal Defense Lawyers. Washington, D.C. : NACDL, 2021. URL: <https://nysacdl.org/page/NYTrialPenalty21> (дата обращения: 01.09.2025).*

⁴⁵ Отчет Американской ассоциации юристов за 2023 г.

⁴⁶ *Johnson C. Op. cit.*

⁴⁷ Отчет Американской ассоциации адвокатов за 2023 г. о досудебных соглашениях о признании вины // URL: https://www.americanbar.org/content/dam/aba/administrative/criminal_justice/reports/plea-bargain-tf-report.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

⁴⁸ *The New York State Trial Penalty: The Constitutional Right to Trial under Attack.*

ошибочных обвинительных приговоров, опровергнутых впоследствии благодаря проведению экспертиз ДНК. Из указанного числа 569 обвиняемых (20 %) признали себя виновными в совершении преступлений, которые впоследствии не подтвердились⁴⁹.

Приведенный в статье анализ роли прокурора в работе большого жюри демонстрирует, что некогда важные ценностные достижения американского народа, заложенные отцами-основателями в Конституции США и в статутах штатов, гарантирующие справедливое судебное разбирательство, со временем были утрачены.

Судебный активизм в виде интерпретации пределов Конституции США дал возможность судам полностью устранить от контроля над прокурором на досудебной стадии, предоставив ему право формировать обвинение исходя из недопустимых доказательств, в результате чего, поскольку судебное разбирательство при публичных слушаниях практически не проводится, прокурор фактически получил возможность манипулировать правосудием и единолично определять судьбу обвиняемого.

Изучение роли прокурора в работе большого жюри в США на основе научного материала и судебных прецедентов позволило выявить слабые стороны правовой системы, в которой концентрация власти в руках одного участника уголовного процесса, такого как прокурор, привела к деформации системы правосудия и подрыву баланса между борьбой с преступностью и защитой прав человека. Такой исследовательский опыт важен для выработки эффективных механизмов контроля за деятельностью правоохранительных органов и прокуроров в национальных правовых системах, ориентированных на ценности справедливости, прозрачности и защиты фундаментальных прав и свобод человека.

Напрашивается парадоксальный вывод о том, что экономически самая сильная страна в мире, которая навязывает всему миру свою идеологию устройства общества, основанного на силе демократии и общественного мнения, является, по сути, самым репрессивным государством, которое в подавляющем большинстве случаев отказывает своим гражданам в доступе к правосудию.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гуценко К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств : учеб. пособие / под ред. К. Ф. Гуценко ; Московский гос. ун-т имени М.В.Ломоносова. Юрид. фак. — 2-е изд., доп. и испр. — М. : Зерцало-М, 2002.
2. Alexander R. P., Portman S. Grand Jury Indictment Versus Prosecution by Information — An Equal Protection-Due Process Issue // *Hastings Law Journal*. — Vol. 25. — No. 4. — 1974. — P. 997–1016.
3. Brenner S. W. The Voice of the Community: A Case for Grand Jury Independence // *Virginia Journal of Social Policy and The Law*. — 1995. — Vol. 3. — No. 1. — P. 67–95.
4. Dressler J., Thomas G. C. *Criminal Procedure: Principles, Policies and Perspectives*. — 3rd ed. — St. Paul : Thomson/West, 2003.
5. Kamisar Y., LaFare W. R., Israel J. H., King N. J., Kerr O. S., Primus E. B. *Modern Criminal Procedure: Cases, Comments, Questions*. — 13th ed. — St. Paul : West Academic Publishing, 2012.
6. Kremens K. Grand Jury and Involvement of Citizens in Criminal Proceedings in the Light of U.S. v. P. Manafort and R. Gates // *Ius Novum*. — 2019. — Vol. 13. — P. 241–264.
7. Manella N. M. The Role of the Prosecutor in the American Federal Criminal Justice System // *Resource Material Series*. — No. 53. — United Nations Asia and Far East Institute for the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (UNAFEI), 1998. — P. 137–158.
8. Miller M. L., Wright R. F. *Criminal Procedures: The Police*. — New York : Aspen Publishers, 2007.

⁴⁹ DNA Exonerations in the United States (1989–2020): Innocence Project // URL: <https://innocenceproject.org/dna-exonerations-in-the-united-states/> (дата обращения: 01.09.2025).

9. *Morse W.* A Survey of the Grand Jury System // *Oregon Law Review*. — 1931. — Vol. 10. — P. 101–365.
10. *Scheb J. M., Scheb J. M. II.* Criminal Procedure. — 1th ed. — Belmont : Wadsworth, 1999.
11. *Schiappa S. M.* Preserving the Autonomy and Function of the Grand Jury // *Catholic University Law Review*. — 1993. — Vol. 43. — P. 311–350.

Материал поступил в редакцию 11 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gutsenko K. F., Golovko L. V., Filimonov B. A. *Ugolovnyy protsess zapadnykh gosudarstv: ucheb. posobie / pod red. K. F. Gutsenko; Moskovskiy gos. un-t imeni M.V.Lomonosova. Yurid. fak.* — 2-e izd., dop. i ispr. — M.: Zertsalo-M, 2002.
2. Alexander R. P., Portman S. Grand Jury Indictment Versus Prosecution by Information — An Equal Protection-Due Process Issue // *Hastings Law Journal*. — Vol. 25. — No. 4. — 1974. — P. 997–1016.
3. Brenner S. W. The Voice of the Community: A Case for Grand Jury Independence // *Virginia Journal of Social Policy and The Law*. — 1995. — Vol. 3. — No. 1. — P. 67–95.
4. Dressler J., Thomas G. C. *Criminal Procedure: Principles, Policies and Perspectives*. — 3rd ed. — St. Paul: Thomson/West, 2003.
5. Kamisar Y., LaFave W. R., Israel J. H., King N. J., Kerr O. S., Primus E. B. *Modern Criminal Procedure: Cases, Comments, Questions*. — 13th ed. — St. Paul: West Academic Publishing, 2012.
6. Kremens K. Grand Jury and Involvement of Citizens in Criminal Proceedings in the Light of U.S. v. P. Manafort and R. Gates // *Ius Novum*. — 2019. — Vol. 13. — P. 241–264.
7. Manella N. M. The Role of the Prosecutor in the American Federal Criminal Justice System // *Resource Material Series*. — No. 53. — United Nations Asia and Far East Institute for the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders (UNAFEI), 1998. — P. 137–158.
8. Miller M. L., Wright R. F. *Criminal Procedures: The Police*. — New York: Aspen Publishers, 2007.
9. *Morse W.* A Survey of the Grand Jury System // *Oregon Law Review*. — 1931. — Vol. 10. — P. 101–365.
10. *Scheb J. M., Scheb J. M. II.* Criminal Procedure. — 1th ed. — Belmont: Wadsworth, 1999.
11. *Schiappa S. M.* Preserving the Autonomy and Function of the Grand Jury // *Catholic University Law Review*. — 1993. — Vol. 43. — P. 311–350.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 21 № 3 (184) март 2026

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002